ФИЛИПП ТИСЬЕ

СНЫ

ФИЛИПП ТИСЬЕ

СНЫ

Физиология и патология

Об этой книге

Филипп Тисье — врач из Бордо, ученик профессора Азама, исследователь сна, гипноза и «уходов» — состояний, в которых человек совершает долгие путешествия, не помня их. Его книга 1890 года с предисловием Азама соединяет наблюдения над здоровыми людьми, над больными и над самим собой.

Тисье разбирает, как рождаются сновидения из ощущений тела и из работы ума, каковы сны при болезнях и в гипнотическом сне, как сновидение влияет на мысли и поступки во сне и наяву и как врач может использовать сны для распознавания болезней и для лечения внушением.

Содержание

Предисловие 5

Введение 10

Часть первая. Образование сновидений 13

Часть вторая. Влияние сновидений на мышление и на поступки, совершаемые во сне и наяву 118

Часть третья. Итоги 178

ПРЕДИСЛОВИЕ

✦

Предмет, который доктор Тисье разбирает на следующих страницах, на первый взгляд принадлежит психологии; он и в самом деле принадлежит ей если не целиком, то по большей части. Но та доля патологии, которую он в себе заключает, достаточна, чтобы объяснить, почему за него взялся врач.

Почему до сих пор изучение сновидений, по-видимому, оставляли одним психологам? Сказать трудно. Между тем случаев, когда врач должен вмешаться по их поводу, немало: разве кошмар и самопроизвольный сомнамбулизм не относятся всецело к медицине? И к кому в таких случаях обращаются семья или больной? Уж конечно не к психологу.

Впрочем, физиология мозга принадлежит нам на тех же правах, что и физиология почки, печени или кишечника; и, не заходя так далеко, чтобы утверждать, будто психология есть наука медицинская, — это было бы преувеличением, — мы, врачи, не должны целиком уступать ее философии. Наш долг — взять из нее ту часть, которая позволяет нам изучать мозговые функции, ведь их расстройства — наше дело. Выражение *душевная медицина* отвечает действительности.

Из сказанного следует, что врач должен быть философом и что нам следует подняться над упрощенным представлением, будто медицина есть лишь искусство щупать пульс и просить показать язык, — представлением, увы, слишком распространенным. Добавлю, что если бы психолог был хоть немного врачом, в высоком смысле слова, если бы он приложил к познанию

расстройств духа те мощные способности анализа, которые всегда приберегал для здорового человека, человечество только выиграло бы.

Впрочем, в Англии и во Франции уже несколько лет существует школа, которая понимает этот союз и, оставляя чистой метафизике подобающую ей долю, считает изучение расстройств духа необходимым для психологии; у нас самый видный ее представитель — г-н Рибо.

Тем, кто полагает, что врач выходит за пределы своей области, занимаясь психологией, я противопоставлю и другие доводы, кроме душевной медицины. Гигиена бесспорно принадлежит медицине, хотя она, собственно говоря, и не *искусство врачевания*; но если знание ее необходимо врачу, оно необходимо и архитектору, и администратору, и никто не скажет, что они выходят за пределы своей области, основывая на ней устройство жилища или оздоровление города.

Разве судебная медицина не общая почва для врача и судьи? Один должен знать закон, другой должен — или должен бы — знать некоторые болезни.

Как видим, между медициной и другими науками или искусствами существует неоспоримая связь, и медицина может только выиграть, расширяя свою область.

Что касается философии, человек всегда обращал мысль на познание самого себя; и мыслители, углубляясь в себя и пользуясь для самоизучения могучим умом, составили себе представление о человеческом духе, которое казалось удовлетворительным. Но в последнее время другие мыслители, не менее глубокие, спросили себя, нельзя ли прибавить к этому способу изучения иные средства анализа, и применили к изучению человека более точный и более полный метод наблюдения.

Они рассудили, что раз в отношении прочих органов физиология и патология неразделимы, то так же должно обстоять дело и с органом, который управляет умственными функциями; словом, что изучение расстройств этих функций могло бы прибавить к их познанию ценные сведения.

Более того, к этим расстройствам, столь много открывающим, опыт прибавил могучие средства анализа: искусственный сомнамбулизм и внушение, которые вызывают расстройства, названные бы мной экспериментальными. Вооруженный таким образом, психолог может надеяться привести нас к более полному и более точному познанию самих себя.

Я знаю, что есть выдающиеся умы, полагающие, будто познание самих себя может обойтись без подобных подпорок и будто величию человека нет дела до этих мелочей; знаю также, что есть еще судьи, полагающие, будто знания собственного ума им довольно, чтобы судить о расстройствах ума других людей. Но признаюсь, я не разделяю этой уверенности; для меня поиск истины, высшая цель наших занятий, столь возвышен, что возвышает и средства, которыми пользуются, если их нужно возвысить.

Врач, погружающий руки во внутренности разлагающегося трупа, никогда не замечал, что его работа отталкивающая.

Такое пренебрежение не лишено гордости; но не остаток ли оно той древней гордыни, которая утверждала, что раз человек — царь творения, то земля, его носящая, есть средоточие Вселенной? Галилея едва не сожгли за то, что он сказал обратное.

Эту гордыню нужно умерить.

Ныне союз психологии и изучения мозговых расстройств совершился; и благодаря гг. Шарко и Рибо, врачу и философу,

которые рука об руку идут на поиски истины, можно надеяться яснее разглядеть потемки нервных болезней.

Добавлю, что если время еще не пришло, то оно приближается: строгая Сорбонна только что приняла в доктора философии автора блестящей диссертации, защищавшей эти идеи, а в Париже в последние годы основано общество, объединяющее большую часть тех, кто занимается этим изучением.

К сожалению, эти вопросы не только трудны, но и касаются чудесного, столь притягательного для человека; поэтому многие из тех, кто ими занимается, если только воображение у них пылкое, впадают в преувеличения, которые научная критика отвергает, и решение вопросов откладывается. Вдобавок на этих вопросах стремятся нажиться, и это, подобно гарпиям из мифа, пачкавшим все, к чему прикасались, отталкивает от них немало здравых умов. Их мнение уже сложилось: зачем им принимать идеи, в которых обман и корысть занимают столько места? К тому же так удобно укрыться за ссылкой на притворство, чтобы не пришлось менять мнение: разве сомнение или отрицание не выглядят куда достойнее, чем утверждение, которое часто трудно доказать!

Из путей, ведущих к истине, тот, которым идут защитники этих идей, без сомнения, самый трудный; больше любого другого он усеян препятствиями и ловушками, но разве это причина не идти по нему? Цель довольно велика, чтобы простить падения; один труженик падает, другой занимает его место, и истина станет нам известна.

Когда?.. Сказать не могу, ибо сегодня мы едва на середине пути.

Г-ну Тисье выпала удача наблюдать одного из самых интересных больных: это молодой человек, истерик и самопроизвольный сомнамбул, своего рода сновидец наяву, легко

поддающийся гипнотизму и внушению. Автор не допустил — и я его с этим поздравляю, — чтобы этот драгоценный предмет изучения пропал для науки, как это делают и слишком часто делали многие, и изложил его случай во всех подробностях. Но так как сновидение, деятельное или нет, составляет главную черту болезненного состояния этого молодого человека, г-н Тисье естественно пришел к изучению этого проявления умственной жизни и провел его полностью — благодаря любезности нескольких собратьев, а также благодаря наблюдениям, сделанным над самим собой после известного упражнения.

Если большинство идей, развиваемых автором в физиологической части, встречается у психологов, — а изучавших сновидения много, — то ни в одной медицинской книге нигде не найти ничего столь полного, как та часть этого труда, которая составляет патологическое исследование.

Число приводимых фактов значительно, и значение их велико. Автор, руководствуясь методом наблюдения, справедливо рассудил, что изложение этих фактов, новых или уже известных, будет полезно исследователю; порой он делал из них смелые выводы. Но в этих вопросах то, что спорно сегодня, завтра, быть может, окажется истинным, и сдержанность необходима. Как бы то ни было, я скажу вместе с г-ном Рибо, который любезно прочел рукопись до печати:

«*Это основательный и интересный труд*».

Азам.

ВВЕДЕНИЕ

✦

«Изучением сновидений пренебрегали, а между тем оно сулит обильные плоды, когда за него возьмутся методично и усердно. Вероятно, больше всего поучительного сновидения дадут врачам». Так пишет Модсли в своей книге о *Патологии духа*. Позднее г-н Артиг, вдохновленный, быть может, этими словами, говорит о сновидении: «Философия считает его своим, физиология завладевает им, поэзия им пользуется, шарлатанство им злоупотребляет, и это явление, мало изученное, но, бесспорно, первостепенной важности, описывали, изучали, обсуждали, но до сих пор, даже в наш утилитарный век, так и не признали его несомненной пользы».

И правда, этим вопросом давно пренебрегают; если не считать нескольких сравнительно недавних работ, приходится вернуться лет на тридцать назад, чтобы найти хоть какие-то материалы.

Случай в клинике свел меня четыре с половиной года назад с весьма интересным больным. Он уходил из дому вслед за сновидением. Я рассказал о его странствиях в своей докторской диссертации. Так как этот юноша живет в нашем городе, я все время наблюдал его вблизи; история его болезни составляет первую главу второй части этого труда.

С тех пор мое внимание обратилось на сновидения. Отбросив всякое предубеждение насчет наблюдения над самим собой, я стал изучать себя во время сна. Так, после некоторого упражнения, я научился вспоминать по пробуждении сон, который хотел записать. Иногда я его забывал, но оставалось

воспоминание, что я видел интересный сон, и, поразмыслив, я его припоминал; в иных же случаях воспоминание пробуждало какое-нибудь чувственное впечатление.

Мне часто случалось во сне думать о своем исследовании и говорить себе, пока я видел сон: «Вот явление, которое надо будет записать». Но по пробуждении сон терял ту ценность, которую я придавал ему во сне.

Я ставил опыты над несколькими людьми, которые любезно согласились помочь мне в этом исследовании. Несколько наблюдений я собрал в отделении профессора Питра в больнице Сент-Андре в Бордо; наконец, профессор Эспинас, доктор Арнозан, адъюнкт-профессор медицинского факультета в Бордо, доктор Корриво и доктор Пери, библиотекарь медицинского факультета в Бордо, любезно предоставили мне весьма интересные наблюдения; приношу им здесь всю мою благодарность.

Я старался приводить лишь хорошо наблюденные факты, намеренно оставляя в стороне таинственную сторону сновидений. Я постарался не заходить слишком далеко в область философии и держаться по возможности клинической почвы — единственной, которая нас занимает.

Я разделил свое исследование на три части. В первой я рассматриваю «образование сновидений» в физиологическом, патологическом и гипнотическом сне. Эти сновидения бывают чувственного, психического и патологического происхождения. Во второй части я изучаю «влияние сновидений на мышление и на поступки, совершаемые во сне и наяву». В третьей я подвожу итог исследованию. Так как школа Сальпетриер и школа Нанси расходятся во взглядах на гипнотический сон, который для второй есть лишь одна из степеней физиологического сна, тогда

как для первой он обнаруживает болезненное состояние, я искал связи, существующие между разными видами сна.

Я посвятил главу патологическим сновидениям, которые могут помочь в распознавании некоторых скрытых болезней, когда обычные приемы не в силах их обнаружить, пока они не достигли более высокой степени. В этом направлении исследований открывается новый путь. В самом деле, почти все исследования в медицине касались только человека в бодрствующем состоянии, то есть одной из двух половин его существования; а между тем любопытно узнать, как он ведет себя в другой половине. Глава о патологических сновидениях входит в мой труд лишь как материал для более полной работы. Вопрос о гипнотическом внушении стоит на очереди. Вот уже несколько лет он наделал много шуму. Я подумал, что исследование сновидений могло бы помочь осветить некоторые темные углы, в которых нет ничего таинственного, что бы там ни говорили. Поэтому я постарался проследить превращения мысли в различных состояниях сна: физиологического, сомнамбулического и гипнотического.

Это исследование, быть может, однажды пригодится тому, кто напишет учение о дозировке гипнотизма, которого еще нет. Это пробел, который надо восполнить.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОБРАЗОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ

✦

Глава I. Об образовании сновидений

I. Физиологический сон

1. Сновидения чувственного происхождения

Сновидение есть мысль спящего человека, как мысль бывает порой сновидением человека бодрствующего.

В этом последнем состоянии большинство наших мыслей — некоторые философы говорят: все — приходит к нам из чувственных впечатлений, которые мы получаем. Они служат исходной точкой для различных рядов мыслей, которые чаще всего кажутся нам противоположными друг другу, но связаны между собой законом ассоциации идей. В здоровом состоянии все наши органы чувств работают равномерно, приток впечатлений поддерживает душевное равновесие. Стоит деятельности одного из наших чувств прекратиться или усилиться — равновесие нарушится. Глухонемой и человек, страдающий слуховыми и зрительными галлюцинациями, например, живут иной душевной жизнью, чем здоровый человек.

Так ли обстоит дело во сне? Это мы и будем изучать в настоящем труде. Полного разрыва между двумя состояниями быть не может; есть лишь видоизменения, да и те незначительны.

Во сне, как и наяву, наши чувства служат источником впечатлений, менее многочисленных, однако, в первом состоянии,

чем во втором, но, быть может, более живых. Мысли наших сновидений приходят к нам большей частью извне. Вот несколько примеров.

> *Осязание.* — Мори, будучи нездоров, видел следующий сон, пока мать сидела у его изголовья. Ему снилось, что он присутствует при сцене из времен первой революции. Его преследовали, арестовали, бросили в тюрьму и привели к судьям; он был приговорен к смерти. Он присутствовал при приготовлениях к своей казни, его притащили к эшафоту, он взошел на роковой помост, вложил голову в отверстие и почувствовал, как его гильотинируют.
>
> Он внезапно проснулся: ему на шею упала перекладина полога его кровати. Осязательное впечатление вызвало сон в несколько секунд, который длился несколько дней.
>
> Географ изучает карту озер внутренней Африки и истоков Нила. Он засыпает; жарко, он потеет. Пот стекает по его телу. Ему снится, что на нем расстелена огромная географическая карта с голубоватыми реками: картой были простыни, реками — струившийся пот[1].

[1] Макс Симон, *Мир сновидений*, с. 33.

Мне снится однажды ночью, что я сижу в байдарке, полной воды, и купаюсь в ней в Аркашонской бухте (я только что провел несколько дней в этом городе). Я просыпаюсь: тело мое было залито потом. Л... снится однажды утром, что он плывет в открытом море, побывав перед тем в лодке. Он просыпается с ощущением свежести: только что открыли окно, которое находится возле его кровати.

> «Весной, — говорит г-н Азам, — когда утра свежи, мне всегда снится один и тот же сон. Я вижу перед собой берег, реку с каким-

нибудь знакомым мне пейзажем, составленным из воспоминаний (сновидение ничего не выдумывает), и принимаю холодную ванну. Если я просыпаюсь, то убеждаюсь, что все мое тело охладилось и что мой сон — лишь следствие ощущения холода, которого я не сознавал, но которое, будучи в достаточной мере ощущено моей кожей и воспринято моим мозгом, подействовало как рефлекс и породило мысль о холодной ванне, освежившей мое тело. Но вот я просыпаюсь и прибавляю одеял: тогда эта форма сновидения исчезает; тепло возвращается и отзывает кровь от мозга к коже, и сон снова становится глубоким и без сновидений[2]».

[2] Азам, *Периодическая амнезия, или Раздвоение личности*, с. 41.

Макс Симон[3] видит во сне, что сжимает в пальцах игральную кость. Он просыпается и замечает, что держит складку своей простыни, которая давала ему ощущение кубического тела.

[3] Макс Симон, *Мир сновидений*, с. 37.

Мне снится, что я несу на руках груз и с трудом его удерживаю. Я просыпаюсь. Правая моя рука была прижата к груди, ладонь лежала плашмя на сердце; левая рука была вытянута в постели вдоль тела, ладонь лежала плашмя под спиной.

Охват моего тела в толщину обеими руками и осязательное впечатление, которое получал мой мозг, пробудили память о грузе — и по объему, и по весу, поскольку тяжесть моего тела давила на левую руку.

Один человек, о котором рассказывает Дугальд Стюарт, с нарывным пластырем на голове, уснул и увидел очень длинный и очень связный сон, в котором видел себя пленником, которого вот-вот предадут смерти американские индейцы.

Слух. — Вот еще одно наблюдение Мори, которое послужит связующим звеном между сновидениями осязательного и слухового происхождения.

> Этот автор рассказывает, что задремал от сильной жары; тогда ему снится, что его голову положили на наковальню и бьют по ней частыми ударами. Во сне он очень отчетливо слышал стук тяжелых молотов, но, странное дело, голова его не разбивалась, а таяла, превращаясь в воду. Он просыпается, чувствует, что лицо его залито потом, и слышит в соседнем дворе вполне настоящий стук молотов[4].

---

[4] Альфред Мори, *Новые наблюдения над сходством явлений сновидения и душевной болезни*, в *Медико-психологических анналах*, 1853, т. V, с. 415.

Мне снится однажды утром, что я нахожусь в открытом океане, на *пакетботе*; плавание длилось уже столько времени, что я не мог его определить. Судно подошло к другому, стоявшему на реке. Я перешел на него; оно было полно эмигрантов. Я снова увидел там знакомые лица, людей, с которыми когда-то плавал; затем я спустился по капитанскому трапу на *маленький пароход*, полный народу. Пароход был перегружен и грозил затонуть. Я прыгнул в маленькую шлюпку, но и она шла ко дну; я бросился в воду, не испытывая, однако, кошмара. Река сузилась, я касался дна ногами; так я дошел до берега и очутился в Париже, на берегу Сены, и побежал, запыхавшись, к пристани *паровых* судов. Пристань была в два этажа. На верхнем находились служащие, выдававшие билеты; на нижнем, куда я спустился все так же бегом, я заблудился среди работающих *паровых машин*. Я спешил к маленькому пароходу, который *свистел*, но не мог найти дорогу; я спросил ее у служащего, тот мне ее указал, и я прибежал в ту минуту, когда пароход отходил от пристани, *снова свистя*.

Я внезапно проснулся. Я действительно услышал свисток парохода, маневрировавшего на реке. Мое жилище находится примерно в километре от Гаронны. Свистки, которые я слышу, длятся самое большее от пяти до десяти секунд. А сон оставил у меня впечатление, будто он длился три месяца.

В другой раз мне снится, что я слышу пение флейты и присутствую на концерте. Я просыпаюсь: я с силой втягивал воздух носом, так как у меня был насморк.

В другую ночь, опять с насморком, мне снится, что я вижу и слышу, как из паровой машины вырывается пар. Я вздрагиваю и просыпаюсь. Я дышал ртом, сблизив губы, так как не мог дышать носом.

Мне снится однажды утром, что идет полк; генерал, собиравшийся делать ему смотр, замечает, что один из офицеров идет не в ногу. Ему делают замечание; офицер не понимает, генерал показывает ему, какие движения нужно делать. В эту минуту я просыпаюсь, но постепенно, и по мере того как возвращалась способность суждения, я слышал мерные шаги в коридоре, куда выходит моя спальня. Это ходила взад и вперед моя прислуга, занятая своим делом.

М... Бертран днем разговаривает с санитаром о сестре Х..., которая заведует соседней палатой; она ему очень нравилась. Она ему снится, они уезжают вместе, посещают Тунис (где у больного есть сын, к которому он хочет поехать); они возвращаются во Францию. Сон длится около пяти месяцев. М... просыпается от скрипа башмаков дежурной сестры, совершавшей ночной обход. У сестры Х... тоже были скрипучие башмаки. М... снова уснул и продолжил свой сон.

Вот факт, сообщаемый Бурдахом[5], который примыкает к предыдущему наблюдению, с той разницей, что здесь сон видят

несколько человек сразу.

[5] *Трактат по физиологии*.

> Бурдах рассказывает, что он и его спутники, остановившись на постоялом дворе, все одновременно увидели во сне, что едут глубокой ночью по крутой дороге, окаймленной пропастями. Поводом послужила ночная гроза, разразившаяся над постоялым двором.
>
> *Обоняние.* — Однажды вечером Мори задремал, пока кто-то читал вслух рядом с ним. Чтец останавливается и задает ему вопрос о прочитанном; он отвечает: «*В этой книге нет табака*». Ответ вызывает смех, ибо не имеет ни малейшего отношения к вопросу. Он просыпается и ищет, почему заговорил о табаке; чихание объясняет ему это. Несколько крупинок табака, оставшихся у него в носу после того, как он угостился из чьей-то любезно протянутой табакерки, действовали на его обонятельную оболочку и посылали в мозг это ощущение, которого он в тот миг не сознавал[6].

[6] Альфред Мори, *О некоторых фактах, наблюдаемых в сновидениях* (*Медико-психологические анналы*, 1857, т. III, с. 157).

Зрение. — 25 июля 1889 года, в шесть часов утра, мне снится, что я заперт на обширном участке, обнесенном деревянной оградой. Удивительное дело! я едва мог смотреть на промежутки между планками, яркий свет заставлял меня опускать глаза. Казалось, будто ограда приставлена к огненному горизонту. Меня будит колокольный звон. Тогда я замечаю длинный солнечный луч, проникавший в мою комнату между полузакрытыми ставнями.

Планки ограды изображались тенью от брусьев ставен, а светлые промежутки создавала щель между створками.

Б... Леону снится, что театр в Александрии *в огне*; пламя освещало целый квартал. Вдруг он переносится на середину бассейна на площади Консулов; вдоль цепей, соединяющих большие тумбы вокруг бассейна, бежала полоса *огня*. Потом он вновь оказывается в Париже, на Выставке, которая *в огне*. Его мучит сильный кошмар: он присутствует при душераздирающих сценах, участвует в спасении людей и т. д. и т. д. Он вздрагивает и просыпается: в глаза ему падал пучок света от глухого фонаря, который дежурная сестра, проходя, направила на его кровать.

М... Бертрану снится, что он служит в морской пехоте, где когда-то и служил. Он едет в Фор-де-Франс, в Тулон, в Лорьян, в Крым, в Константинополь. *Он видит молнии*, слышит гром, похожий на пушечные выстрелы; наконец он присутствует при сражении, в котором видит, как из жерл пушек вылетает *огонь*.

Он вздрагивает и просыпается. Как и Б..., его разбудил луч света, брошенный глухим фонарем дежурной сестры.

Вкус. — Мне снится, что я в ресторане, где мне подают блюдо жаренного на сковороде лука.

После трех или четырех кусков, хотя я и голоден, я оставляю блюдо: у кушанья очень резкий вкус чеснока и сахара, что мне весьма неприятно. Я просыпаюсь; рот у меня был полуоткрыт, и я вполне ясно ощущал чесночный привкус.

В другой раз мне снится, что я с приятелем и вижу, как он вдруг ныряет в лужу гнилой воды и выходит из нее весь мокрый. Я, однако, замечаю про себя, что для человека, вылезшего оттуда, пахнет он не так уж дурно, — и тотчас вижу, как он ныряет снова.

Я просыпаюсь. Во рту было вязко, и он был приоткрыт. Накануне я много курил, и дыхание у меня было тяжелое.

Мышечное чувство. — Подобно тому как чувственное впечатление может быть поводом к сновидению, положение

какой-либо конечности спящего может иметь то же действие. Если верно, что захотеть совершить движение — значит уже начать его, то, обратив это положение, мы получим, что движение, вызванное пассивно, пробудит мысль об этом движении. Для гипнотического сна это доказано опытом в том, что касается поз. Думаю, это можно признать и для сна физиологического.

Мне снится, что я вне дома, на улице, в смешной позе. Все на меня смотрят. Я пригибаюсь, съеживаюсь, с трудом продвигаюсь на согнутых ногах, стараясь укрыться. Но идти так очень утомительно; у меня сильно болят коленные и тазобедренные суставы. Я просыпаюсь. Я лежал в постели, свернувшись, поджав ноги к туловищу. Это долгое положение вызвало и сон, и настоящую боль в суставах.

Вот наблюдение над Фелидой, приводимое г-ном Азамом, которое близко к предыдущему.

> «У нее (Фелиды) бывают застои крови в конечностях. Сон ее всегда тревожат сновидения или кошмары; кроме того, на него влияют физические боли. Часто она видит себя закованной в цепи или связанной веревками, которые ломают ей члены. Это обычные мышечные боли так преображаются».

В этих двух наблюдениях сновидение вызывается болью; вот одно, где довольно одной позы.

Я засыпаю на диване; мне снится, что я держу маленький шарик большим, указательным и средним пальцами левой руки. Я просыпаюсь. В пальцах у меня ничего не было, но они были сближены кончиками, словно держали маленький предмет. Кроме того, я совершенно утратил представление о положении своей левой руки: мне казалось, что она лежит справа, тогда как она покоилась на левой ноге. Желая встать, я решил, что сделал

движение ногами. Я его не сделал, и все же впечатление совершенного движения весьма отчетливо отпечаталось в моем мозгу.

Половые органы. — Эротические сновидения обусловлены возбуждением половых органов, происходит ли оно от внешней причины, как щекотка, давление простыни, положение рук, или от внутренней: лежание на спине, переполнение семенных пузырьков и т. д. Это сновидения физического и физиологического порядка. Есть и другие — психического порядка. Однако более чем вероятно, что и эти последние имеют исходной точкой чувственное впечатление.

Понятно, что наблюдений на этот счет я не привожу.

Закончу все же следующим, которое сообщил мне один знакомый: X... снится, что у него сужение мочеиспускательного канала, что мочеиспускание невозможно и что мошонка чрезвычайно отекла. Его мучит ужасный кошмар; он просыпается и чувствует сильный позыв. Справив нужду, он снова засыпает, и сновидений больше нет.

Все эти наблюдения доказывают, что сновидение может быть вызвано чувственным впечатлением. Оно пробуждает образ того же порядка, что и полученное впечатление: зрительный, если в дело вступает зрение, слуховой — если слух. Этот образ вызывает другие — по ассоциации идей, через оживление следов памяти. Направление или склад ума спящего служит темой сновидения.

Я лежал на диване, спал и видел во сне, что кто-то говорит: «Я не хочу», отвечая этим в споре о медицинском предмете. Я мгновенно просыпаюсь на последнем слоге «*d'hui*», воспринимая это так, будто человек из сна сказал «*Я не хочу*», тогда как он сказал: «Il fait beau aujourd'hui» («Сегодня хорошая погода»).

Таким образом, впечатление было получено, но изменено в отношении значения слов, которые не имели ничего общего с мыслью о медицине, вызванной им или уже существовавшей.

Из двух чувственных впечатлений, воспринятых одновременно, сценой владеет и вызывает главную мысль сновидения то, которое воспринимается живее. Если бы Мори, пока потел, не слышал ударов молота, ему, вероятно, приснилось бы какое-нибудь купание; но слуховое впечатление преобладает, и именно оно создает сон о голове, по которой бьют молотом на наковальне, а осязательное впечатление имеет лишь второстепенное значение.

В моем собственном наблюдении о плавании на пакетботе свисток парохода создает сновидение, в котором господствует одна главная мысль: о шуме, который производит пар.

Может случиться и так, что слуховое впечатление вызовет одновременно зрительное и слуховое сновидение, как это было в том сне, где я *видел* и *слышал*, как вырывается пар.

Поводом было слуховое впечатление: я дул ртом.

Слуховое впечатление, полученное во сне и сходное с другим впечатлением того же рода, полученным наяву, может вызвать воспоминание, относящееся к этому последнему, как это, по-видимому, доказывает наблюдение над г-ном Бертраном.

Днем он говорил о сестре Х..., которая была ему не безразлична. Он узнавал ее шаги по скрипу ее башмаков. Во время сна сходный скрип вызывает сновидение — роман, героиня которого — сестра Х...

Наблюдение Бурдаха доказывает, что один и тот же сон могут видеть одновременно несколько человек, если у них одна и та же забота и если слуховое впечатление одинаково. Ниже мы увидим

опыт, который г-н Бернгейм провел над больными, спавшими физиологическим сном.

Все спутники Бурдаха видели во сне пропасть, потому что все они были в дороге, испытывали примерно одни и те же впечатления и жили одной жизнью.

Один и тот же сон видели одновременно восемьсот человек из полка Ла Тур д'Овернь; повод был иным, как мы увидим ниже.

Сновидения, вызванные зрительным впечатлением, сравнительно немногочисленны, так как спят с опущенными веками. Макс Симон задается вопросом, не связаны ли зрительные сновидения, в которых некоторые части тела спящего представляются ему непомерной величины, с осязательным образом, рождающимся из какого-нибудь случайного сдавления, смутно воспринятого. «Я не решился бы этого утверждать, — говорит он, — так как не располагаю на этот счет ни одним наблюдением»[7].

---

[7] Макс Симон, *Мир сновидений*, с. 10.

Что касается Б... и М..., обоих больных из одной палаты, то одна и та же причина производит одно и то же действие. Каждый из них видоизменил свой сон сообразно направлению своего ума, но мысль одна и та же: огонь. Полезно заметить и то, что М... на этот раз не видит во сне сестру Х... и что башмаки дежурной сестры в ту ночь не скрипели. Так как М... много путешествовал, основа обоих его снов состоит из разных впечатлений, накопленных прежде (Фор-де-Франс, Крым, Константинополь, Тунис и т. д.). Меняется только событийная часть — в зависимости от полученного чувственного впечатления. Он видит молнии, потому что на веки ему падает луч света; молнии напоминают гром, гром — грохот

пушки, а тот — сражение. Как видим, все связывается ассоциацией идей.

Но почему он слышит?

Почему он превращает зрительное впечатление в слуховое? Можно допустить, что возбуждение зрительных центров было достаточно сильным, чтобы вызвать возбуждение слуховых — по соседству или через отражение.

Похоже, что в сновидениях шесть чувств соединены попарно по степени важности и имеют между собой более тесные связи. Так, слуховые сновидения могут превращаться в зрительные; вкусовые — становиться обонятельными; и, наконец, осязательные сновидения могут вызывать сновидения мышечного порядка. Осязание, однако, по-видимому, вторгается в область всех прочих органов чувств.

Когда я вижу, как мой приятель выходит весь мокрый из лужи гнилой воды, и чувствую ее запах, этим обонятельным впечатлением я обязан предшествовавшему вкусовому. Однако запах моего дыхания был недостаточно силен, чтобы установить полное сходство между ним и запахом гнилой воды; вероятно, по этой причине мне и пришлось во сне провести различие между двумя обонятельными ощущениями: одним конкретным, другим отвлеченным.

Вот мы и дошли до мышечного чувства. Как я уже говорил выше, захотеть совершить движение — значит начать его совершать. Наяву поза выдает мысль, и в том и состоит секрет художника, живописца или скульптора — передать позу как можно правдивее, чтобы мысль, которую она выражает, была жива для всех, будучи легко угадана.

Выражения лица, создаваемые мышцами лица и шеи при различных положениях головы, столь же многочисленны, как

мысли, которые они выражают. То же и с положениями тела. Если, следовательно, поза выражает мысль или ряд мыслей, то эта мысль может быть вызвана позой, принятой либо естественно, как в физиологическом сне, либо искусственно, как в гипнотическом, ибо между работой мозга и работой мышц существует теснейшая связь; и вот на этот счет пример, взятый из бодрствования. Я сидел за столом и читал газету. Я прислонил ее к графину. В какой-то момент мне понадобилось взять нож, лежавший за листом; я смутно видел его рукоятку. Я протянул руку в этом направлении; статья очень меня занимала, я следовал за мыслью ее автора, а не за мыслью о том, чтобы взять нож, которая была второстепенной. Я взял рукоятку — и вдруг резко прервал чтение. Нож был удивительно легок. Я ощутил толчок в руке, а за ним легкую усталость; это впечатление было достаточно неприятным, чтобы прервать мое чтение. Мой мозг только что послал руке нервную силу, слишком большую для совершаемого действия, и это потому, что суждение о нужном усилии и о силе, которую надо затратить, было устранено напряжением ума, занятого статьей, которую я читал. Итак: 1) едва сознаваемая посылка нервной силы к мышцам руки; 2) прием этой силы мышцами, поднимающими груз; 3) груз, не соответствующий количеству полученной силы; 4) возвращение в психические центры излишней неиспользованной силы; 5) мышечный толчок в руке и усталость; 6) психический толчок вследствие возникновения суждения, которое разом прерывает мое чтение.

Я уже говорил в другом месте[8], какая тесная связь существует между мозгом и мышцей в гимнастических упражнениях. Суждение требует для своего образования известного количества нервной силы, которое отнимается у мышц при произвольном мышечном действии. Прыжок с трамплина, например, труден,

если во время предшествующего ему разбега спрашиваешь себя, с какой ноги будешь отталкиваться. Гимнастические упражнения выполняются с меньшей силой, когда у человека заботы или горести.

[8] *Бордоский медицинский журнал*, 1888–1889, статья «Физическое воспитание».

Прекращение икоты от сильного испуга, от нажатия большим пальцем или от чтения наизусть нескольких стихотворных строк обусловлено, вероятно, явлением перенесения. Мне часто случается, когда я еду на велосипеде, встречать на пути камни: когда я думаю, что не смогу их объехать, я готовлюсь переехать через них; но если, по случайности, я проезжаю мимо, я всегда ощущаю толчок в ягодичных мышцах, хотя на самом деле колесо скользило по ровной земле. Толчок тем сильнее, чем больше скорость езды. Это явление знакомо всадникам. Посылкой нервной силы к мышцам объяснялось бы, почему борцы-профессионалы или люди с чрезмерно развитыми мышцами обычно мало склонны к умственным занятиям. Эта сила постоянно рассеивается, чтобы служить мышечному противодействию, которое создает равновесие тела.

Чем больше мышечная масса, тем больше рассеивание; отсюда потеря нервной силы для умственной работы.

Мне случалось после сильного упражнения садиться за работу: мысли не шли, я едва понимал, что читаю, и засыпал.

Сон наступает в конце дня вследствие этой потери силы через рассеивание на произвольные мышечные действия и особенно на равновесие в стоячем положении. В лежачем положении мышечное противодействие выражено слабее, так как мышцам больше не нужно поддерживать вес тела. Происходит, следовательно, восстановление или, скорее, накопление новой

нервной силы в мозгу, который, подобно всем внутренним органам, работает всегда. Во время сна часть этой силы может быть послана к мышце в сновидении. Эта сила, которую нельзя употребить в физиологическом сне, поскольку спящий не действует, вызывает чувство мышечной усталости не только во время сна и сразу после пробуждения, но и через несколько часов после пробуждения — через оживление памяти, как мы увидим ниже. Таким образом, дело обстоит одинаково наяву и во сне, ощущается ли усталость в гимнастическом упражнении или в сновидении, которое она тогда превращает в кошмар.

2. Сновидения психического происхождения

«Немногочисленные авторы, — говорит Рибо[9], — изучавшие внимание во время сна, исходят из подразумеваемого или явного предположения, что оно есть некая сила, способность, и спрашивают себя, приостанавливается ли оно. Для нас вопрос ставится иначе: речь идет просто о том, чтобы узнать, складывается ли во время сновидений это состояние относительного моноидеизма.

Несомненно, часто какое-нибудь ощущение, какой-нибудь образ становится преобладающим в том ряду состояний сознания, которые проносятся в сновидениях быстрым и беспорядочным потоком. Тогда наступает момент остановки, у нас даже бывает чувство хотя бы частичного и временного приспособления; наконец, преобладающее состояние всегда сопровождается каким-либо сильным чувством или волнением (страх, гнев, любовь, любопытство и т. д.): так что мы находим здесь все существенные признаки непроизвольного внимания. Есть ли здесь также соответствия произвольному, искусственному вниманию? Прежде всего нужно исключить разряд случаев, которые захотелось бы привести как утвердительные примеры. Таковы

решения задач, научные открытия, художественные или технические изобретения, остроумные сочетания, явившиеся во сне. Тартини, Кондорсе, Вольтер, Франклин, Бурдах, Кольридж и многие другие сообщили о личных наблюдениях, достаточно известных, чтобы я ограничился напоминанием о них. Но все это — результат мозгового автоматизма, то есть такого рода деятельности, которая находится в полной противоположности произвольному вниманию. Открывают, изобретают, решают лишь сообразно привычкам своего ума. Кольридж сочиняет поэму, но не решает алгебраических задач; Тартини заканчивает свою сонату, но не изобретает финансовой комбинации. Это долгая работа предшествующего вынашивания, иногда сознательная, чаще всего бессознательная (то есть чисто мозговая), которая внезапно достигает минуты созревания.

Состояние духа во время сновидений как нельзя более неблагоприятно для образования произвольного внимания: с одной стороны, быстрота и бессвязность ассоциаций; с другой — исчезновение или крайнее ослабление всякой согласованности.

Самые высокие, самые тонкие, самые сложные формы исчезают первыми. Однако волевая способность не всегда приостановлена, поскольку мы порой пытаемся удержаться в состоянии, которое нам приятно, или уйти от неприятного положения.

Поэтому бывают случаи, представляющие хотя бы зачаток произвольного внимания, что довольно естественно у тех, кто приобрел такую привычку.

Порой нелепость некоторых сновидений возмущает нас: мы стараемся выявить для себя их противоречия. Мы делаем какие-то вычисления, неточность которых нас поражает, и силимся найти причины ошибки. Но это исключение. Если бы сон не был прекращением усилия в одной из самых тягостных его форм, он не восстанавливал бы сил».

[9] Рибо, *Психология внимания*, Париж, 1889, Феликс Алькан, с. 156.

Словом, если для авторов непроизвольное внимание есть способность души, то для Рибо оно обусловлено аффективными состояниями, ибо для этого психолога «это правило абсолютно, без исключений»: сила и продолжительность непроизвольного внимания зависят от силы и продолжительности аффективных состояний (желание, удовлетворение, ревность, недовольство и т. д.).

Впечатления, полученные, разобранные, распределенные и накопленные нашим мозгом, имеют два источника: они бывают *спланхническими* и *чувственными*.

Большой симпатический нерв осуществляет связь нашей внутренностной системы с мозгом, тогда как для органов чувств и для мышц эта роль отведена чувствительным нервам. Полученные впечатления образуют следы памяти, которые сосредоточиваются в психических центрах. Эти следы тем многочисленнее и тем глубже, чем тоньше развиты собирающие органы и орган воспринимающий — мозг. Можно, таким образом, допустить, что «я» раздваивается, что оно подразделяется на *спланхническое «я»* и *сенсорное «я»*.

Отсюда различные впечатления, то есть спланхнические и чувственные следы памяти; последние могут изглаживаться вместе с вызвавшей их причиной, первые же неизбежно существуют всю жизнь, поскольку они составляют сознание настоящего состояния.

Ниже мы увидим, что сновидения патологического происхождения вызываются впечатлениями внутренних органов.

В самом деле, внутренностные впечатления доставляются сердцем, легкими, печенью, кишечником и т. д., а также мозгом, ибо этот орган, накапливающий впечатления, приходящие из

других частей тела, действует так же и по отношению к самому себе, отражаясь в самом себе. Мозг сознает свое собственное существование прежде, чем сознает существование прочих внутренних органов и внешнего мира.

Чувственные впечатления доставляются органами чувств; каждая группа этих впечатлений в свою очередь подразделяется. Группа осязательных следов памяти, например, подразделяется на следы, соответствующие впечатлениям от тепла, холода, щекотки, давления и т. д. Каждое из этих впечатлений имеет к тому же свое особое значение, ибо существует несколько видов холода, несколько видов щекотки и т. д.

То же и с другими группами чувств: зрением, слухом и т. д.

Равновесие между деятельностью двух «я», спланхнического и чувственного, составляет физиологическое и психическое «я», каким его понимают в бодрствующем состоянии; нарушение этого равновесия составляет «я» в состоянии сна.

Прежде чем идти дальше, рассмотрим психобиологию этих двух состояний.

В бодрствующем состоянии «я» находится в тесном соприкосновении с внешним миром; «он делает нас хозяевами самих себя, противопоставляя себя как препятствие или как предел нашей деятельности; ничего подобного не происходит во сне. Противоположность между внутренним и внешним миром упраздняется, и, не имея возможности смотреть вокруг себя, охватывать то, что нас окружает, мы обладаем, так сказать, лишь половиной сознания[10]». Главную роль, по-видимому, играет осязание. Это чувство, которое первым получает впечатления, даже во внутриутробной жизни; в момент рождения именно через него доходит до мозга первое впечатление холода.

[10] Бурдах, указ. соч.

Эмбриология учит нас, с одной стороны, что головной мозг, спинной мозг и эпидермис имеют общее происхождение: *наружный листок* бластодермы, или *эктодерму*. Известно также, что главные части органов чувств — эпидермального происхождения. Развитие глаз, например, начинается с появления двух выпячиваний по бокам первичного переднего мозга: это *первичные глазные пузыри*; затем участок кожи вдавливается в эти пузыри, и, подобно пальцу перчатки, вывернутому наизнанку, снаружи внутрь, эти вдавленные пузыри образуют чашу на ножке с двумя листками, причем кожа, видоизменяясь, образовала большую часть глазного яблока: *хрусталик* и *стекловидное тело*.

Физика, с другой стороны, знакомит нас с важной ролью, которую эти два образования играют в аккомодации зрения и в преломлении изображений. Прежде чем достигнуть сетчатки, зрительные впечатления видоизменяются хрусталиком. Его приспособление к среде достаточно доказывается изменением кривизны обеих его поверхностей. Глаз можно, следовательно, рассматривать как наружное продолжение мозга, помещенное в глазничной впадине, которая углубляется в мозговую массу.

Со слухом то же самое: «Что касается образований, происходящих из наружного листка, — говорит Келликер, — то в обоих органах (зрения и слуха) они вначале совершенно сходны в том, что представляют собой пузыревидные впячивания этого листка, открытые наружу (пузырек хрусталика, слуховой пузырек), которые позднее перешнуровываются и превращаются в замкнутые пузырьки[11]». Известно, что главный орган внутреннего уха, кортиев орган, — эпидермального происхождения. Физика учит нас еще, что ухо воспринимает звуковые волны и что одна волна заключает в себе несколько звуков. Нужно, следовательно, чтобы ухо разложило эту волну

или по крайней мере видоизменило ее, прежде чем передать ее содержание психическим центрам. «Если, наконец, — говорит еще Келликер, — мы сравним обонятельный аппарат с другими аппаратами высших чувств, то найдем, что здесь, как в глазу и в ухе, главную роль играет складка рогового (наружного) листка. Эта складка в своем мощном развитии превосходит в обонятельном аппарате даже то, что наблюдается в глазу, но никогда не отделяется перешнуровкой, а, напротив, всегда остается в сообщении с поверхностным роговым листком эпидермиса[12]».

[11] Келликер, *Эмбриология человека*, пер. Шнейдера, 1882, с. 729.

[12] Там же, с. 795.

Так обоняние хорошо показывает тесную связь, существующую между кожей и мозгом, поскольку разрыв здесь не столь резок, как для глаза и для уха: изменения, внесенные развитием в первичный наружный листок, выражены слабее.

Если теперь, рассматривая мозг, спросить, откуда происходят мозговые полушария, развитие которых в ряду животных прямо пропорционально уму, то мы увидим, что они образованы передним мозгом.

Головной мозг, спинной мозг и кожа имеют, следовательно, общее происхождение: эктодерму, то есть эпидермис.

Было бы противно законам развития допустить полный разрыв между кожей и мозгоспинномозговыми центрами: головным и спинным мозгом. Функция наружного листка остается той же у зародыша, у плода и у человека, с более или менее значительными видоизменениями в зависимости от среды, в которой находится особь.

Если теперь мы обратимся к патологии, то увидим, что существуют многочисленные связи между некоторыми нервными болезнями и расстройствами кожи или органов чувств. При истерии, например, гиперестезии и анестезии кожи соответствуют хорошо известному душевному состоянию. Кожные вазомоторные расстройства часты; ноготь, проведенный по коже, вызывает в ней усиленное кровообращение, которое обнаруживается красноватой полосой (*менингитическая полоса*). Укол кожи вызывает появление маленьких прыщиков с пупковидным вдавлением в центре. При локомоторной атаксии наблюдается выпадение ногтей; большей частью они дистрофичны, что доказывает изменение эпидермальной функции. Известно также, что при этом спинномозговом заболевании бывают расстройства кожной чувствительности; катаракта диабетического происхождения — явление классическое: хрусталик мутнеет, а с другой стороны, известно, что диабет вызывают опытным путем, уколов мозг в области четвертого желудочка. При помешательстве расстройства кожной чувствительности очень часты; известно также, что душ составляет наилучшее средство лечения этого невроза и истерии; а душ действует непосредственно только на кожу. Наконец, общеизвестно, что утреннее пробуждение бывает полным только после умывания, которое совершают, едва вскочив с постели!

И здесь вполне позволительно спросить, почему умываются утром, сразу после пробуждения, — и это не только у всех народов, но и у всех животных, — а не днем или вечером перед сном.

Известно еще, что ванна, принятая перед сном, делает сон спокойнее.

Если, продвигая наши поиски дальше, мы спросим себя, отчего волосы седеют после сильной боли или сильного волнения, то сможем объяснить себе это явление, лишь допустив прямую и, быть может, тесную связь между эпидермисом и мозгом. Эту психическую связь мы находим в следующем наблюдении, которое приводит Матиас Дюваль[13].

[13] М. Дюваль, *Физиология*, 1887, с. 448.

«В наших городах с большими пивоварнями, — говорит он, — слишком часто случается, что рабочий-пивовар падает в один из огромных котлов этих заведений. Его вытаскивают очень быстро, и все же у него ожог, иногда легкий, но во всяком случае очень обширный, глубоко изменивший кожу в нервном отношении. В нескольких случаях такого рода мы могли наблюдать, что дыхание продолжается с обычной глубиной и силой только благодаря вмешательству *воли*. Больной дышит тогда потому, что хочет дышать, и так как физиологический рефлекс недостаточен из-за изъяна в центростремительных путях, движения грудной клетки уже не имеют ни своего ритма, ни своей обычной видимой самопроизвольности; но если больной *забывает дышать*, движения грудной клетки становятся медленными и слабыми, как у животных, покрытых лаком; температура тела падает и поддерживается лишь действием воли на дыхание. Очевидно, что здесь один из источников дыхательного рефлекса — *кожный источник*, если можно так выразиться, — был устранен и что действие одного блуждающего нерва стало недостаточным, чтобы вызвать деятельность центральной нервной системы. Воля восполняет этот недостаток внешнего побуждения, пока несчастные, подвергшиеся этой странной муке, не поддаются наконец усталости, не засыпают и не умирают от охлаждения».

Так эмбриология, патология, терапия, физиология и психология устанавливают тесную связь между эпидермисом и мозгоспинномозговыми центрами. Позволительно поэтому спросить, не есть ли эпидермис, то есть кожа, периферический мозг, который приводит внутренний мозг в соприкосновение с внешним миром и назначение которого состояло бы в том, чтобы просеивать полученные впечатления, прежде чем передавать их психическим центрам, которые бы их накапливали, — дабы *созвучие* между человеком и средой, в которой он живет, было полнее. Известно, сколь изощренна чувствительность органов чувств и сколь тупа чувствительность серой коры мозговых полушарий.

Так объяснялись бы некоторые психические явления, до сих пор остававшиеся необъяснимыми, например боль, которую больной чувствует в ампутированной конечности, легкость, с которой сомнамбулы находят дорогу ночью, и т. д. и т. д.

Ибо обмен происходит каждое мгновение по центростремительному и по центробежному пути. Кто говорит «обмен», говорит «движение»; а движение — самое условие изменения. С другой стороны, нет восприятия без движения, как бы слабо оно ни было. Все наши органы находятся в движении в бодрствующем состоянии, что позволяет нам обладать сознанием полного «я», внутренностного и чувственного.

В состоянии сна все изменено, ибо равновесие нарушено. «Я» раздвоено на спланхническое «я» и сенсорное «я». Спланхническое «я» сознает само себя благодаря работе органов, действующих непрерывно (сердце, легкие, мозг, печень и т. д.).

Чувственное «я» едва существует, ибо чувства больше не действуют или почти не действуют; оно словно ушло в себя. Поскольку всякое движение приостановлено, нет больше

внимания и восприятия, ибо ослабление движения влечет за собой ослабление внимания.

Ночью в природе больше нет движения, шумы, возбуждающие ухо, смолкли; свет, действующий на сетчатку и косвенно вызывающий движения мышц глаза, погас; мышцы век и все мышцы тела расслаблены, само осязание защищено от слишком сильных раздражений, вызываемых холодом, жаром или трением, поскольку раздеваются, ложатся и поддерживают вокруг себя мягкое тепло.

Итак, нет или почти нет движения, а следовательно, нет или почти нет внимания чувственного происхождения.

Однако дело обстоит не совсем так, ибо даже в самом спокойном сне один или несколько органов чувств могут получить впечатление и вызвать тогда сновидения чувственного происхождения.

Чувственное впечатление пробуждает следы памяти чувственного порядка, накопленные во время бодрствования и относящиеся к возбужденному органу. Луч света, скользнувший по векам спящего, пробуждает память об огне с образом пожара, молнии и т. д., смотря по состоянию духа в данный момент. Свисток парохода пробуждает память о пакетботе, о «паровой мушке», а падение палки на шею вызывает образ гильотины у Мори, который за несколько дней до того читал сцены из Революции. Это фотографические снимки, которые появляются и исчезают с поразительной быстротой; спящий находится в положении человека, перед которым показывают волшебный фонарь, причем каждое возбужденное чувство проводит перед спланхническим «я» образ, который сплетается с другим. Сновидение чувственного происхождения есть эпизодическая

часть состояния сознания, созданного деятельностью спланхнического «я».

Спланхническое «я» обладает понятием тональности, но не обладает понятием времени, ибо последнее может существовать лишь постольку, поскольку есть сравнение; а чтобы сравнивать, нужны по меньшей мере два члена: движение и покой. Второго члена для спланхнического «я» не существует, поскольку оно действует без остановки до самой смерти; у него есть, следовательно, лишь понятие движения — через чередование более или менее живых впечатлений в зависимости от работы органа. Это чередование дает ему сознание своего существования в данный момент, но не в прошлом. Когда просыпаешься ночью, не знаешь, который может быть час; спланхническое «я» не способно его указать; однако оно предупреждает особой усталостью, что не получило своей обычной доли физиологического покоя: смотришь на часы. С сенсорным «я» дело обстоит иначе: оно подвержено всем изменениям среды, в которой находится, и предметов для сравнения у него довольно. Тогда как спланхническое «я» работает днем и ночью, сенсорное «я» отдыхает ночью; отсюда деление времени и психический образ этого деления. Сам день подразделяется на зарю, утро, полдень, послеполуденное время, вечер и сумерки — всего шесть делений, то есть шесть впечатлений, шесть различных следов памяти на двенадцатичасовой день.

Ночью органы чувств, собирающие эти впечатления, больше не работают или работают очень плохо; по-настоящему существует одно спланхническое «я», тогда как сенсорное «я» выведено из равновесия.

Оно получает лишь далекие и смутные впечатления от органов чувств, случайно возбужденных во время их отдыха.

Эта двойственность позволяет рассматривать человека как внутренний орган, охраняемый органами чувств и защищаемый мышечной системой. Поэтому возможны любые сочетания между следами памяти, составляющими основу спланхнического «я», и эпизодическими следами сенсорного «я». Когда органы чувств в полном покое, оно отдыхает; составляющие его следы памяти больше не сообщаются с чувствами, которые не работают и уже не могут их возбуждать: сновидения нет; так обычно бывает около середины ночи. Когда по той или иной причине органы чувств возбуждены, пробуждение сенсорного «я» бывает более или менее выраженным, эпизодические следы памяти появляются вновь, чтобы сплетаться между собой и с памятью-основой.

Таково сновидение со всеми его бессвязностями[14] — вечернее, при засыпании, потому что деятельность органов чувств прекращена не полностью, и утреннее, в момент, когда эта деятельность возобновляется.

[14] Бессвязность существует не только в сновидении, но и в бодрствовании.

Когда чувственное впечатление было слишком быстрым, его представление не успело локализоваться. Тогда образы сплетаются. Мне случается иногда встретить на улице одновременно двух знакомых в минуту, когда я спешу и иду быстро. Я вижу их мельком. И тогда, стараясь вспомнить, кого я только что встретил и с кем поздоровался, я помещаю голову одного на тело другого. Это третье представление очень мимолетно, потому что имена обоих, приходящие мне на память, вызывают и их образ. Однако мне случается сомневаться насчет одежды: если, например, я встречаю А. в соломенной шляпе, а Б. в цилиндре, я помещаю голову А. под шляпу Б., а голову Б. — под шляпу А. Здесь воспоминание об имени не может вызвать образ шляпы, потому что А. и Б. носят не всегда одну и ту же шляпу.

Сновидение продолжаешь переживать и по пробуждении, хотя и сознаешь, что полностью пришел в себя. Случается также, что в течение более или менее долгого времени придаешь ложное значение некоторым только что испытанным впечатлениям,

когда чувства или некоторые из них еще не вполне проснулись. Равновесие между ними еще не восстановилось; отсюда гипнагогические галлюцинации. То же состояние наблюдается при пробуждении у загипнотизированных; на него, думаю, обращали недостаточно внимания, ибо испытуемый еще спит, тогда как его считают совершенно проснувшимся. Позволительно допустить, что ассоциация идей совершается сходным образом во сне и наяву, но с такой быстротой, что сознание не может уследить за этим процессом.

Профессор Эспинас[15] читал однажды *Историю Падуанской школы* г-на Мабийо; в конце страницы он увидел перед глазами калитку в римской стене города Санса. «Я очень давно, — сказал он мне, — не думал об этом городе и об этом месте. Тогда я стал искать, пробегая страницу вверх, какое слово могло вызвать это воскрешение давнего воспоминания. Вскоре я увидел слово *епископия* и подумал, что это слово вызвало воспоминание следующим образом: ребенком, ходя в пансион, расположенный возле калитки в римской стене, я должен был пересекать, довольно далеко оттуда, двор епископии. Моя мысль, без сомнения, бессознательно проделала тот же путь (тридцать лет спустя), и, так как воспоминания связывались в том порядке, в каком во время ходьбы происходили восприятия, я был таким образом приведен к калитке».

[15] Устное сообщение.

Почему бы и во сне не происходить тому же? Почему бы образу не пробуждать другой образ той же природы или природы, которую мы считаем иной, потому что наше сознание не смогло ее разобрать? Чтобы восстановить эту преемственность, необходимо

сделать усилие, вызванное произвольным вниманием, а известно, что такого внимания во сне нет.

Этим объяснялись бы анахронизмы, а также бессвязность и несогласованность.

Спланхническое «я», сознающее самого себя в ту минуту, когда проходит зрительный или слуховой образ, присваивает этот образ и тем самым отнимает у него хронологический порядок, в котором он был записан в психических центрах. Тогда живешь жизнью настоящей минуты, но в образе прошлого. Иногда такой эпизодический образ сенсорного происхождения влечет за собой и память о времени — всегда, впрочем, ослабленную, — которая позволяет нам рассуждать о психическом явлении и судить о нем, но это исключение.

Когда, достигнув известного возраста, мы видим во сне свою юность, перед нами проходят образы такими, какими они были тогда, хотя, проснувшись, мы знаем рассудком, что они изменились. Даже наяву мы не можем переменить рисунок такого образа. Если мы думаем, например, о друге, которого давно не видели, мы представляем его себе с теми чертами, какие у него были когда-то, а не с теми, какие у него должны быть теперь, хотя мы с ним ровесники и у нас есть для сравнения собственное лицо. Мы претерпеваем свой сон, а не направляем его; мы можем сказать себе, что видим сон, можем страдать от кошмара и знать, что это кошмар, но не в силах его сдвинуть — мы в плену. Зато то, чего мы не можем сделать прямо, мы делаем окольным путем. В самом деле, есть люди, которые отлично сознают свое психическое заблуждение и, не умея ни исправить его, ни проснуться, чтобы его разрушить, совершают мышечное действие: щиплют себя или нарочно падают с кровати, чтобы боль или толчок их разбудили.

Хотя относительное ослабление волевой власти — одна из черт сновидения, действие, которое совершают эти люди, подчинено воле, и воля в этом случае оказывается более чем относительной.

Если воля есть переход от суждения к действию, если хотеть совершить действие — значит уже начинать его, то понятно, что воля находится в прямом отношении к вынесенному суждению. А суждение невозможно без участия двух или нескольких воспоминаний. В кошмаре они тем живее, что обычно принадлежат к сильному чувству — страху. Значит, чем утвердительнее суждение, тем тверже заявляет о себе воля и тем вернее мышца откликается на зов. Но такие случаи редки; обычно пробуждение от кошмара вызывается ощущением падения или удара, сопровождаемым болью. Эта боль иногда бывает действительной — тогда она и порождает кошмар; бывает она и психической, рожденной самовнушением. Приведем теперь несколько примеров.

Всем известно, что снится то, что наяву произвело более или менее сильное впечатление. Это впечатление может быть следствием представления конкретного или отвлеченного, или конкретного и отвлеченного вместе, вокруг которого сплетаются образы, собранные и накопленные сенсорным «я».

Конкретное зрительное представление

Альфреду Мори снится множество гримасничающих лиц. Сначала он видит черты человека, который приходил к нему два дня назад и *чья забавная наружность его поразила*. Потом он очень отчетливо видит собственное лицо, которое затем исчезает, уступая место новому. Проснувшись, он вспоминает, что накануне *долго смотрелся в зеркало*.[1]

[1] Альфред Мори. *Nouvelles observations sur les actes analogues des phénomènes du rêve et de l'aliénation mentale* (*Annales médico-psychologiques*, 1853, т. V, с. 420).

> Максу Симону снится дама, с которой он обедал в тот же вечер. *Ее лицо его поразило*; он снова увидел его в гипнагогической галлюцинации. Образ был очень четким и очень ярким по краскам; вскоре, однако, нижняя часть лица стерлась, верхняя держалась еще некоторое время, затем побледнела и исчезла. Наконец галлюцинаторный образ исчез, превратившись в другой.

В ночь на 10 ноября 1889 года я видел странный сон. Я видел два открытых гроба, и в каждом лежал вытянувшийся мертвец. Рядом с каждым гробом стоял ящик, похожий на те, в которых держат анатомические препараты в ярмарочных музеях. В каждом ящике находилось восковое изображение голов обоих мертвецов. Меня удивило, что мертвецы лежали один за другим, ногами друг к другу, на одной линии; затем я увидел, как гробы уменьшаются, становясь шире, а головы мертвецов делаются огромными. Потом они ожили: грудь стала очень медленно, но очень заметно подниматься вдохом, глаза завращались в орбитах. Тогда, вспомнив о своем исследовании сновидений, я сказал себе: «Превращение двух гробов в ящики, похожие на те, что стоят рядом с ними, вызвано, вероятно, ассоциацией идей. Главная идея здесь — „ящик“». Однако я не мог уловить повода этого сна, и, проснувшись, нашел его странным. Лишь вечером мне вдруг открылась разгадка. Пятью днями раньше я заходил в ярмарочный балаган и видел там два восковых муляжа: «Клеопатру, ужаленную змеей, и зуава, раненного на поле боя», положенных один за другим в длинных застекленных ящиках; грудь у них двигалась, как кузнечный мех, а глаза вращались в орбитах.

Косвенное зрительное представление

Однажды ночью мне снится модный писатель, которого я знаю только по имени; я вижу его стройным, с грудью, выгнутой так сильно, что это выглядело смешно.

Проснувшись, я спрашиваю себя, почему видел его грудь такой выпуклой. И тут я вспомнил, что несколько дней назад один человек уверял меня, будто этот писатель *носит корсет*.

Итак, память о корсете оставалась в моем уме скрытой, а затем вдруг явилась — не как конкретный образ, а как отвлеченный. Я видел не сам корсет, а тонкую талию и развитый торс, какие придает корсет.

Конкретно-косвенное зрительное представление

> «У меня слабое и плохое зрение, — говорит Мори,[2] — и из окна я не мог бы отчетливо разглядеть человека, идущего по улице. И вот несколько раз во сне мне казалось, что я вижу из своего окна людей на улице, и различал я их не лучше, чем различил бы наяву. Очевидно, воображаемой близорукости не бывает: это память о моем плохом зрении заставляла меня так же плохо видеть во сне».

[2] Мори. *Le Sommeil et les Rêves*.

Мори знал, как сложен человек, и вблизи отлично различал его черты; *только когда он становился у окна*, он видел плохо, потому что был близорук.

В его сне конкретное представление окна вызывало отвлеченное представление, между ними была связь причины и следствия; у него было два воспоминания: о человеке, которого он видел вблизи, и о человеке, которого он видел издали из своего окна.

Всякий раз, когда в его сон возвращалась память об окне, она будила память о его близорукости, а та в свою очередь пробуждала отвлеченное представление.

Макс Симон[3] встречает однажды человека маленького роста и беседует с ним. *На нем был необычный костюм*. В ту же ночь Симон увидел во сне человека того же роста и в таком же костюме, как его собеседник; только у него были большие глаза навыкате, тогда как у встреченного человека глаза были очень красивые. Утром Симон довольно долго разглядывал статуэтку, изображавшую японское чудище именно с такими глазами.

[3] Макс Симон. *Le Monde des rêves*, с. 7. Париж: Ж.-Б. Байер, 1882.

Отвлеченное представление *необычности* соединило два конкретных представления, в каждом из которых была своя необычная сторона: в первом — костюм, во втором — глаза. Вот почему Макс Симон создал во сне необычную фигуру.

Слуховое представление

Сновидения могут вызываться ассоциацией слуховых образов — либо по созвучию, либо по рифме.

Мори снится, что он совершает *паломничество* (pèlerinage) в Иерусалим, затем он оказывается на улице Жакоб, у химика г-на *Пеллетье* (Pelletier), который дает ему цинковую *лопату* (pelle). Эти три главные сцены связаны между собой созвучием *pel* (pèlerinage, Pelletier, pelle).

Еще ему снятся *километры*; он идет по дороге, потом оказывается на чашке весов у бакалейщика, который взвешивает его на *кило*. Бакалейщик говорит ему, что они не в Париже, а на острове *Жилоло*; затем ему видятся цветок *лобелии* и генерал *Лопес*, о печальной кончине которого на Кубе он незадолго до того читал,

и наконец он просыпается за игрой в *лото*.[4] Здесь созвучие *ло* вызывает различные зрительные образы (километры, кило, Жилоло, лобелия, Лопес, лото).

---

[4] Указ. соч. (*Ann. méd.-psych.*, 1853, т. V, с. 410). Это явление известно и наяву; вот два примера.

1° Я искал одно имя собственное. Первое, что я почувствовал, — что в нем есть созвучие на *и*. Тотчас мне пришло на ум слово «*Fleury*» (Флери). Но искал я не его. Тогда я стал вспоминать, мысленно повторяя слово «Fleury». Вдруг я *почувствовал*, что в имени есть буква D. Я искал еще долго, и наконец всплыло слово *Duplessy* (Дюплесси). Его-то я и искал.

Сначала я нашел Fleury по сходству созвучия на *и* (Fleury — Duplessy). Затем появилась буква *D*, но слова еще не открыла. Психическая работа началась с *слуховой* рифмованной памяти и закончилась *зрительной* (первая буква имени — *D*).

Но вот что удивительно: хотя созвучие было на *и*, пришедшее слово было *Fleury* с буквой *у*, как и *Duplessy*. Слуховая память разбудила зрительную, которой я не вызывал, — память о букве *у*.

2° Однажды я вижу, как по улице идет солдат. На воротнике у него номер полка — 34-й.

«Будь на один больше, вышло бы 35, — говорю я себе, — и он принадлежал бы к полку, который стоит гарнизоном в нашем городе». Но тут же, еще не вспомнив, какой номер у полка, о котором я думал, я почувствовал, что ошибаюсь.

Тогда всплыла цифра 3. Я прибавил ее к 34 и получил 37. Я думал, что нашел тот самый номер, который искал, но ошибался. Тогда я сравнил оба числа, 35 и 37, полученные одно за другим, и заметил, что, взяв 5 и 7, получаю номер 57. Это и был номер полка, о котором я думал.

Итак, я сделал два сложения: 34 + 1 = 35 и 34 + 3 = 37; затем отбросил обе тройки и сблизил 5 и 7 — и все это за две-три секунды, на ходу, на улице.

Заметим: в первом случае я нашел слово по концу (созвучие на *и*) и по началу (буква D), во втором — по двум последним цифрам. Вся моя психическая работа велась над четверкой из 34. Отбросив первые цифры — обе тройки из 35 и 37, — я нашел искомый номер: 57.

Теперь пример рифмы:

> Одному человеку снится, что он гуляет в Ботаническом саду (*Jardin* des Plantes) и встречает там путешественника по Персии *Шардена* (Chardin), который, к великому его удивлению, дарит ему «*Мертвого осла и гильотинированную женщину*» Жюля *Жанена* (Janin). Рифма здесь — *in*.
>
> Так слуховое представление может вызвать зрительное; верно и обратное.

Ассоциация идей через слово

Находясь в гипнагогическом состоянии, однажды утром, перед самым пробуждением, я вижу во сне микробов — кокки, бактерии, бациллы и т. д., — и вдруг произношу фразу: *Tot capita, tot sensus*. Это меня удивляет; я слегка просыпаюсь и замечаю, что во сне у меня мелькнуло слово «*дискуссия*» — словно легкий мазок, словно далекое видение, тающее в тумане, промелькнувшее в моем психическом поле быстро, как молния. Я связал память о микробах с латинской цитатой. Если бы я вдруг не проснулся, эта фраза могла бы стать исходной точкой новой ассоциации идей, которая, быть может, привела бы меня на школьную скамью лицея, в Рим или куда-нибудь еще. Бессвязность наших сновидений скорее кажущаяся, чем действительная.

> Груйтуйзену[5] приснилось, что он едет верхом на *коне*, который превратился в *козла*, козел — в *теленка*, потом в *кошку*, в *девушку* и, наконец, в *старуху*; дерево, на которое полезла кошка, стало *церковью*, а церковь — *садом*; церковный орган стал *варганом*, на котором играла кошка, а затем *пением* девушки. Вот уж поистине бессвязный сон! И все же между разными представлениями можно найти некоторые связи.

[5] Бурдах. *Traité de physiologie*, т. V, с. 211.

Прежде всего, господствующая идея — *кошка*, которая появляется трижды, затем девушка, которая появляется дважды.

Связь между кошкой и девушкой устанавливается легко: то ли у девушки кошачья грация, то ли кошка, как и женщина, держится домашнего очага и т. д. и т. п.; ассоциацию создает склад ума спящего. Конь, козел, теленок и кошка, по-видимому, явились под главной идеей четвероногого животного; орган и варган — два музыкальных инструмента. Заметим также, что слуховое представление, разбуженное зрительным представлением инструментов, сплетается с ним. Память о кошке, которая господствует в сцене, связывается с памятью о варгане; затем, так как незадолго перед тем кошка превратилась в девушку, эта память всплывает снова, и девушка сменяет кошку.

Вот наблюдение, в котором ассоциация идей через слово выступает яснее.

Я имею обыкновение каждый вечер, перед тем как лечь, целовать сестру. Иногда я застаю ее спящей. Едва услышав, что открывается дверь ее комнаты, она наполовину просыпается, считая делом чести встретить меня с открытыми глазами, хотя большей частью находится в гипнагогическом состоянии.

Однажды вечером она встретила меня стихом:

Жан ушел, как и пришел;

потом что-то пробормотала и снова уснула.

Наутро она очень удивилась, узнав, что произошло, потому что все забыла. Она сказала мне, что накануне утром читала жизнеописание Жана Лафонтена и эпитафию, которую он сочинил сам себе:

Жан ушел, как и пришел…

. . . . . .

. . . . . .

Он время на две части поделил:

Одну — чтоб спать, другую — чтоб не делать ничего.

Забота сестры о том, чтобы не *спать*, встречая меня, и слово *спать*, стоящее в эпитафии, разбудили по ассоциации идей память о ней, и сестра прочла мне ее первый стих.

После слова — вот *идея*, которая в свою очередь служит исходной точкой ассоциации идей.

Ассоциация идей через главную идею

Это наблюдение сообщил мне человек, привыкший наблюдать за собой.

> X… снится, что он получает письмо от дамы, которую знал когда-то и с которой был в добрых дружеских отношениях.
>
> Она писала ему, назначая свидание перед отъездом из Франции, которую вынуждена была покинуть после одной злополучной истории. Эта особа *написала любовные слова карандашом*, тогда как прочие были едва намечены, чтобы в нужную минуту достаточно было пройтись резинкой по карандашным словам — и письмо стало бы неразборчивым, а сама она *не была бы скомпрометирована*. «Я восхитился этой предосторожностью, — говорит X…, — твердо обещая себе, однако, не отвечать на подобные авансы, и это во сне».

А между тем X… уже месяц знал, что эта особа находится в трудном положении; писем от нее он никогда не получал, и письмо, полученное во сне, сочинил он сам.

Здесь сплелись память о прошлом, создававшая любовное письмо (память сенсорная), и память о настоящем (память висцеральная), которая изменяла способ, каким оно было написано: висцеральное «я» сознавало, что выражения, идущие от сенсорного «я», компрометируют. Оно представляло состояние духа в данную минуту (чувство страха) и, не в силах устранить образ, видоизменяло его с помощью своеобразной уловки. Главная идея — не быть скомпрометированным; она-то и вызывала раздвоение личности.

Два различных чувства могут проявиться во сне в двух различных представлениях.

Г-н Х..., австрийский коммерсант, женатый на француженке и живущий в Бордо, сказал мне, что говорит по-немецки, когда ему снятся дела с его родиной или с Германией, и по-французски, когда ему снится жена.

Крестьянин, хотя и умеет говорить по-французски, большей частью видит сны на своем местном говоре.

Наяву он отвечает по-французски тому, кто так с ним говорит; если его рассердить, он продолжает изъясняться на том же языке, но бранится на говоре.

Гнев вызывает старое воспоминание, самое раннее по времени, которое воспитание не смогло ни вытеснить, ни стереть.

Раздвоение личности обычно бывает личным: человек раздваивает во сне самого себя; но оно может быть произведено и одним лицом, которое раздваивает во сне другое.

Раздвоение одной личности другим лицом

Однажды вечером, за несколько минут до сна, споря с сестрой, я рассердил ее из-за какого-то пустяка. Расстались мы, однако, в добрых отношениях. На другое утро она рассказала мне, что

видела меня во сне, но видела двух братьев: оба были похожи друг на друга внешне и оба носили мое имя; она хорошо понимала, что оба — одно лицо; однако один был мягким и любезным, а другой — злым, дурным братом. Этот последний забавлялся японской саблей, которая хранится у меня в кабинете, и сестра посоветовала ему быть осторожнее, потому что клинок отравлен; дурной брат посмеялся над предостережением, сказав, что видал и не такое (я иногда так говорю, побывав несколько раз в Южной Америке). «А ведь и правда, — сказала сестра доброму брату, — ты тоже путешествовал». Добрый брат посоветовал дурному быть поосторожнее, и тот вдруг смертельно ранил себя. Сестра пролила несколько слез, но, видя, что добрый брат у нее остался, быстро утешилась.

Очевидно, сестра раздвоила мой характер и воплотила его в двух лицах. Двойное представление моей физической особы было вызвано здесь представлением моей двойной нравственной особы, и это после небольшого спора, в котором я показал себя одновременно мягким и строгим. Накануне сестра весь день была занята большой умственной работой.

Раздвоение личности

Раздвоение личности во сне встречается чаще, чем думают. Мне часто случается жить во сне жизнью прошлого, сознавая при этом, что мое общественное положение переменилось; «я» настоящей минуты спорит с «я» прошлого.

Но вот два очень интересных наблюдения; второе сообщил мне мой коллега, доктор Корриво (из Блая); он записал его в то же утро, что последовало за сном, — это очень любопытный документ.

Мори однажды думает о слове *Мюссидан*; он забыл, в каком департаменте находится этот город. Несколько дней спустя ему снится, *что некий человек* говорит ему, будто приехал из Мюссидана. Мори спрашивает, где находится этот город; *тот* отвечает, что это главный город кантона в департаменте Дордонь. Вскоре после этого Мори просыпается, помнит сон, человека и слово «Мюссидан», *но не знает, где находится этот город*; он был в том же состоянии, что и накануне, не зная, сказал ли ему собеседник правду. Он заглядывает в словарь и, к великому своему удивлению, видит, что человек из сна сказал правду. Он вспомнил во сне факт, забытый наяву, и вложил его в чужие уста.

В другой раз ему снится, что он говорит по-английски человеку, который навестил его накануне: *I called for you yesterday*. «Вы неправильно выражаетесь, — отвечает тот, — надо говорить: *I called on you yesterday*». Проснувшись, Мори справился в грамматике: собеседник был прав.[6]

---

[6] Указ. соч. (*Ann. méd.-psych.*, 1853, т. V).

Если Мори видит во сне Мюссидан, то потому, что за несколько дней до того думал об этом слове. Он тогда сознавал, что забыл, где лежит этот город. Эта *память о забвении* была записана «спланхническим мозговым „я“», то есть «я» той минуты, когда забвение обнаружилось.

Во сне, по той или иной причине — может быть, по ассоциации идей, может быть, благодаря скрытой подспудной работе, — *сенсорное «я»*, когда-то записавшее местоположение города, подсказывает слово. А так как здесь дело идет о явлении непроизвольного внимания, которого висцеральное «я» объяснить себе не может, сознавая, что не знает этого географического вопроса, оно воплощает в постороннем лице память, сохраненную сенсорным «я».

Когда Мори просыпается, оба «я» (спланхническое и сенсорное) вновь принимаются за свои внутренние обязанности. Он все еще не знает, где лежит Мюссидан, потому что спланхническое (мозговое) «я» этого по-прежнему не знает, и он находится в том же состоянии, что и накануне; однако он все же помнит, что город находится в Дордони, *чего накануне не знал*, — ведь он помнит сон и хочет проверить, правду ли сказал собеседник. Этим воспоминанием он обязан сенсорному «я», которое смутно перенесло его с собою из сна в бодрствование.

И потом, Мори говорит, что проснулся *вскоре после сна* и заглянул в словарь. Нельзя ли допустить, что он проснулся не вполне? Во всяком случае, он был еще во власти сна.

Вот весьма интересное наблюдение доктора Корриво:

> «Однажды вечером я лег в девять часов, утомленный *двумя бессонными ночами*. День мой прошел так же, как все остальные; ужин был скромный, съеден и переварен, как обычно, с хорошим аппетитом, без малейшей тяжести в желудке. Когда я ложился, была гроза *и стояла гнетущая жара*.
>
> Не знаю, снилось ли мне что-нибудь в начале ночи, — я ничего не запомнил, но около четырех часов утра мне приснился следующий сон.
>
> Я лежал в комнате, которая была комнатой моего отца, когда он был еще с нами, — комнате с двумя кроватями: большой, отцовской, и маленькой, которая была моей до тринадцати или четырнадцати лет. В этом сне я лежал на маленькой кровати, а жена — на другой. В какой-то момент *я услышал шум на чердаке* (на чердаке того дома, где я находился во сне), и это меня разбудило; тут-то и начался кошмар, который я попытаюсь разобрать.

Наполовину проснувшись, я принялся кричать: *„Что такое? Что такое?“* — с тем ощущением удушья и физического бессилия, какое дает кошмар. Прокричав так, лежа в своей маленькой кровати, я встал и *почувствовал*, что это движение меня еще немного будит, но я все еще спал. Тогда я пошел к большой кровати, делая бессвязные движения, как пьяный, и стал кричать еще громче: *„Что такое?“* — а потом: *„Бланш!“* — так зовут мою жену. И тут происходит очень любопытное явление. Я чувствовал, что нахожусь во власти кошмара, и очень ясно сознавал разные его фазы, так что в какой-то момент, когда от крика я приближался к бодрствованию, я начинал свой зов *„что такое?“* во сне, а заканчивал его волевым усилием.

Тотчас после этого сон снова овладевал мною, и то же раздвоение моей воли повторялось — и так два или три раза. Все это происходило во время глубочайшего сна, ибо в действительности я не двинулся с кровати, а если и говорил вслух, то, проснувшись, совершенно об этом забыл. Меня слышала жена, и утром, *в пять часов*, когда я проснулся сам, она спросила: „Что это ты сейчас кричал?“

„Я не кричал“, — ответил я; но почти тотчас воспоминание вернулось, и я с поразительной точностью пережил заново ту минуту и те психические состояния, которые только что описал.

В этих фактах, — добавляет доктор Корриво, — есть очень любопытная сторона.

1° Раздвоение моего существа. Надо заметить, что, видя этот сон, я совершенно не сознавал своего действительного существа, потому что это действительное существо на самом деле лежало в комнате, отстоящей на несколько сотен метров от той, куда перенес меня кошмар; что, кроме того, это действительное существо спало глубоким сном и лежало неподвижно, вытянувшись, ни на секунду не покидая супружеской постели, где

оно спит каждую ночь, тогда как *другое* кричало и прыгало в комнате *нашего* отца.

2° Раздвоение моей воли в моем уже раздвоенном существе — в той части меня самого, которая металась в другом доме. В самом деле, это существо, которое находилось в комнате отца, лежало в моей детской кроватке и очень точно, очень твердо сознавало свое вымышленное существование, — это воображаемое существо чувствовало себя во власти кошмара и все же могло сделать волевое усилие, чтобы крикнуть: ведь, как я уже сказал, я начинал свой крик *„Что такое?“* в кошмаре, а заканчивал или повторял его в состоянии бодрствования (мнимого бодрствования, потому что на самом деле я спал), и я видел себя, или, вернее, *мое другое „я“*, созданное сном, очень ясно видело себя в этих двух последовательных состояниях.

3° Полное отсутствие воспоминания о столь странных событиях через несколько минут после того, как они произошли: понадобилось, чтобы мне о них напомнили, — только тогда они вернулись в мою память».

Прежде всего надо отметить, что г-н Корриво провел две бессонные ночи; что в тот день в воздухе стояла гроза и была гнетущая жара; наконец, что сон его пришелся на утро, около четырех или пяти часов, вероятнее всего около пяти. Итого — четыре причины, предрасполагающие к образованию сновидений и кошмаров. Известно ведь, что гипнагогические галлюцинации бывают вечером, при засыпании, или утром, в момент пробуждения.

Мой коллега видит себя в своей детской кроватке, тогда как жена его лежит на большой кровати, которую когда-то занимал отец. Здесь налицо воскрешение памяти: воспоминания прошлого, вызванные сенсорным «я», сплетаются с

воспоминаниями настоящего, пробужденными спланхническим «я». Был ли шум услышан на самом деле или он психического происхождения? Этого наблюдение не говорит. То, что известно об образовании сновидений сенсорного происхождения, позволяет предположить, что поводом к этому сну послужил действительно услышанный шум, совпавший, быть может, с действительным ощущением удушья — от неудобного положения головы, от слизи, от давления простыни или руки на шею и т. д. и т. п.

Как бы то ни было, г-н Корриво просыпается или, *вернее, думает, что просыпается*; он кричит, встает, то есть *думает, что встает*, *чувствует*, что это движение его будит, идет. Все эти явления вызывались пробуждением сенсорного «я», которое начинало смутно действовать в гипнагогическом состоянии и посылало спланхническому «я» смутные впечатления, а то усваивало их, приписывая им ту же значимость и ту же силу, какие испытывало само, хотя в действительности таких у них не было. Г-н Корриво кричит и думает, что идет, — вот два мышечных действия. Известно, что между идеей и работой мышц существует теснейшая связь, и *наоборот*. Наяву человек, захваченный сильной идеей, испытывает потребность ходить, размахивать руками, раскачиваться или говорить вслух — примеров тому множество. Здесь словно высвобождается нервная сила, которая, не находя полного применения в мозговой работе, расходуется в работе мышечной. Известно также, что все автоматические упражнения, и прежде всего ходьба, дают отдых мозгу, возбужденному тяжелым трудом.

«Нервные центры, — говорит Бони,[7] — похожи на резервуар, который понемногу заряжается и наполняется и оказывает все более сильное давление, так что, когда давление достигает

известной степени, возникает потребность в упражнении, и она вызывает сокращение».

[7] Бони. *Les Sensations internes*, с. 19. Париж: Феликс Алькан, 1889.

Но если идея или представление действует на мышцу, то и мышца действует на них: поза, которую принимает член, будит представление, соответствующее этой позе. Так обстоит дело в экспериментальном сне; сновидение вызывает позы, обычно страстные. При истерии страстный период следует за клоническим.

Истерический сомнамбул Альбер, наблюдение над которым я привожу дальше и которого мне удалось наблюдать в состоянии невызванного сна, видя во сне, что идет по большой дороге, двигал ногами в постели, словно крутил педали. Бывает и обратное. Мне могут, однако, возразить, что речь здесь идет не о физиологическом сне, а о фактах, наблюдавшихся в сомнамбулическом сне или во сне, вызванном экспериментально. Но можно допустить, что двух различных снов не существует: тот и другой одной природы и различаются лишь своей значимостью и силой, — ведь мы видели, какое участие принимает работа мышц в образовании сновидений в физиологическом сне. Дальше мы увидим, что существуют и другие, еще более определенные связи.

Малейшие движения, самое легкое мышечное усилие могут вызвать сновидение динамического порядка. Возможно, следовательно, что г-н Корриво сделал очень слабое движение, которого его подруга не заметила, а спланхническое «я» это движение усилило, и оно произвело впечатление пробуждения: ведь спланхническое «я» судило, что такое усилие может произвести ходьбу.

С другой стороны, сильное представление тоже может вызвать мышечное действие во сне, как и наяву: в кошмаре и в самом деле отбиваются, дерутся, кричат. Заметим мимоходом, что сила движения или голоса не соответствует силе мышечного действия, которое мы будто бы совершаем, или звука, который мы будто бы издаем. Зовем на помощь очень слабо, а думаем, что издаем могучий крик. Я много раз повторял этот опыт над Альбером. Когда сенсорное «я» не вполне проснулось, частичное впечатление приобретает огромное значение, какого не могло бы иметь, если бы все органы чувств действовали разом.

Г-н Корриво начинает крик «Что такое?» во сне и заканчивает его наяву, волевым усилием; потом он снова засыпает, чтобы все начать сызнова.

Само собой разумеется, речь здесь все время идет о гипнагогическом состоянии, а не о глубоком сне. Опыты, которые я проделал над Альбером, склоняют меня к мысли, что во сне есть несколько слоев. Эти слои соответствуют разным состояниям сенсорного «я»: от полного его угасания до полного пробуждения испытуемый проходит через ряд слоев, лежащих один над другим.

Сон — это восстановление. Отдых быстро наступает после сильного и продолжительного мышечного действия: известно, что велосипедисты, участвующие в гонке на большую дистанцию, иногда засыпают на обочине дороги у самой цели. Во сне, по-видимому, происходит накопление нервной силы, которую так называемые произвольные действия понемногу расходуют наяву в той борьбе, которую человек ведет с окружающей его средой.

Существует ли это явление не только при переходе от сна к бодрствованию, но и в самом сне, то есть при переходе от одного состояния сна к другому, с яруса на ярус? Вот наблюдение, сделанное над Альбером.

Я усыпляю этого испытуемого и заставляю его рассказывать о своих путешествиях; вдруг, и всегда после усилия, которое он только что сделал, чтобы вспомнить, он останавливается и засыпает глубже на несколько секунд, на одну или несколько минут, затем возвращается в прежнее состояние: он поднимается на тот ярус, с которого спустился, и продолжает рассказ с того места, где его прервал. Это явление можно вызвать по желанию: для этого достаточно вызвать у испытуемого возбуждение, требующее довольно большой затраты нервной силы. Так он отдыхает в глубине после сильного мышечного действия, очень живого чувственного впечатления, долгого психического сосредоточения. В нашем случае механизм тот же. Г-н Корриво поднимался и спускался между двумя ярусами, лежавшими оба очень низко и очень близко друг к другу, — чем-то вроде антресолей и второго этажа. Одно «что такое?» он произносил на антресолях, а другой зов — на втором этаже, этот последний — волевым усилием, то есть усилием произвольного внимания, которое вызывало трату нервной силы и заставляло его спускаться ниже за новым ее запасом, в относительный покой, где внимание было уже не произвольным, а непроизвольным. Одним словом, полусон сенсорного «я» создавал кошмар, полупробуждение того же «я» создавало волевое действие, и г-н Корриво переходил то вверх, то вниз, смотря по произведенному усилию и его действию на сенсорное «я».

Забвение, наступившее после окончательного пробуждения, не доказывает, что сон его был глубоким: забвение бывает и в гипнагогическом состоянии.

Подводя итог и возвращаясь к выводам моего коллеги о раздвоении личности, скажу, что во сне истинное «я» — это спланхническое «я», которое *обращает внутрь*, тогда как

сенсорное «я», существующее лишь урывками, *обращает вовне*. Спящий человек — это прежде всего спланхническое «я». Оно — главная фигура фейерверка, которая горит медленно и ровно, тогда как ракеты, римские свечи, вертушки и прочее, что вылетает из нее живо, с большим или меньшим блеском и силой, но тотчас гаснет, переплетаясь друг с другом, представляют сенсорное «я» с его разнообразными воспоминаниями. В какую-то минуту главную фигуру могут заслонить многочисленные и яркие второстепенные, но она от этого не перестает существовать.

Подобно тому как ракета взлетает вправо, а вертушка влево, и неизвестно почему, — а ведь эти фигуры связаны пороховой дорожкой, проложенной внизу и невидимой для публики, — так и одно представление разбудит другое благодаря подспудной работе, благодаря быстрой дорожке мыслей, невидимых для сознания спланхнического «я», а сознание это смутно.

Что касается раздвоения воли, скажу, что сила ее зависит от силы суждения. В самом деле, воля тем слабее, чем глубже засыпаешь, и тем сильнее, чем полнее просыпаешься. А сон неблагоприятен для суждения. Суждение не может состояться без показаний двух или нескольких воспоминаний; а так как воспоминания суть впечатления, полученные через органы чувств, они поставляются лишь тогда, когда эти органы действуют и сенсорное «я» вполне проснулось. У г-на Корриво оно проснулось лишь отчасти; поэтому он и наделял существо, лежавшее в комнате отца, в маленькой детской кроватке, — существо, им же созданное, — очень точным, очень твердым сознанием его вымышленного существования, ибо спланхническое «я» возражало, а раздвоение «я» было уже не так резко, как в глубоком сне. Различные воспоминания начинали давать показания за и против — отсюда вынесенное суждение и

совершенное действие. Этот переход от суждения к действию и составлял волю, то есть усилие, утомление и трату нервной силы, за которыми следовал сон средней глубины, во время которого сенсорное «я» попеременно отдыхало, сохраняя, однако, сознание своей значимости в этих двух последовательных состояниях, — сознание, вызванное чередованием впечатлений: здесь — от накопления, там — от траты нервной силы. Наконец, г-н Корриво отметил полное отсутствие воспоминания об этом сне, который вернулся в его память с большой ясностью, когда его спросили, отчего он кричал *минуту назад*. Всем известно, что впечатление, полученное наяву, повторяется во сне, и *наоборот*; значит, одно состояние заходит на другое, и иначе быть не может, если признать существование сенсорного «я», которое всегда остается равным самому себе, хотя и претерпевает различные изменения. Оно уносит из одного состояния в другое свою поклажу воспоминаний, которую можно открыть то тут, то там словом, действием, каким-нибудь чувственным впечатлением, вызывающим или не вызывающим ассоциацию идей. Следовательно, воспоминание может переходить из сна в бодрствование, из бодрствования в сон, из сна в сон, из бодрствования в бодрствование. «Очень часто, — говорит Мори, — я во сне подхватывал нить прежнего сна, забытого мною наяву, и вполне сознавал, что уже видел его, как только новый сон мне о нем напоминал».[8] Так, ему снится, что он входит в лавку, и он узнает ту, где прежде, тоже во сне, делал покупки.

[8] Мори. *Annales médico-psychologiques*, 1857, т. III, с. 173.

Воспоминание об этом сне было так сильно, что, проснувшись, он думал, будто и вправду был в этой лавке; но вскоре понял, что это был сон, заметив несообразность обстоятельств, которыми было

окружено воспоминание. В другую ночь он узнал во сне одно из действующих лиц прежних снов: днем оно ни разу не появлялось в его уме, и память до тех пор ничего ему о нем не говорила.

Явление это хорошо известно в гипнотизме; и все же его стоило отметить, чтобы установить связь, существующую между естественным и вызванным сном. Сенсорное «я» находит на нижнем ярусе забытые им воспоминания, которые служат исходной точкой для новой работы мысли. Эти воспоминания тем легче пробудить наяву, чем ближе бодрствование к состоянию сна; тогда они очень живы, но их сила понемногу ослабевает в течение дня. Г-н Корриво вспомнил свой сон тотчас после пробуждения. Во второй части мы увидим, что такое воскрешение памяти может вызывать явления иного порядка.

«Я чувствовал, что нахожусь во власти кошмара, и очень ясно сознавал разные фазы этого кошмара», — говорит г-н Корриво. Это подводит меня к особому состоянию, в котором можно судить о нелепости кошмара, но нельзя прогнать его, сдвинув вызывающее его представление. Сон претерпевают, а не направляют: я называю это состояние *пленением*.

Пленение в кошмаре

Мадемуазель Н… рассказала мне, что однажды ночью видела во сне девушку, которая когда-то жила у нее пансионеркой и которую она очень любила. Девушка бросилась ей на шею с криком: «Заберите меня отсюда, я так несчастна!..» Тут мадемуазель Н… заметила, что девушка лишилась рассудка; горе ее было велико и перешло в кошмар. Она, однако, понимала, что видит сон, и хотела выйти из очень тягостного положения; но, зная, что одной воли не хватит, чтобы проснуться, раз она не

может изменить хода сна, *она ущипнула себя*, и действительно боль ее разбудила.

Мадемуазель Н… уверяла меня, что прибегает к той же уловке всякий раз, когда хочет избавиться от кошмара.

Один из моих коллег сообщил мне следующее наблюдение: «Я подвержен кошмарам; когда меня схватывает кошмар, я толкаю ногой жену, чтобы она меня разбудила. Во сне я вполне сознаю самого себя, но чувствую, что не могу изменить хода своих мыслей. Я знаю, что пробуждение их прогонит, и, не имея сил *проснуться*, я *бужу* жену, чтобы она в свою очередь *разбудила* меня. Однажды, — добавляет он, — когда я лежал на диване, мне приснился кошмар. Рядом не было никого, кто мог бы меня разбудить; тогда я сказал себе, что, если соскользну, то упаду на пол и падение меня выручит. И в самом деле, я не упал, но, должно быть, сделал несколько движений, которые подвинули меня к краю дивана, и я уже готов был свалиться, когда проснулся».

Б… говорит мне, что сознает свои кошмары, но, не умея их сдвинуть, старается проснуться, ворочаясь в постели. Однажды ночью ему приснилось, что его преследуют и хотят убить. «Ко мне подошли двое, — рассказывает он, — схватили меня за голову, а в это время кто-то ковырял кюреткой рану у меня на бедре. Я хотел проснуться, хорошо чувствуя, что нахожусь во власти сна, но никак не мог; наконец, *сильно встряхиваясь*, я сумел проснуться. Я был весь в поту; сколько я ни промывал глаза водой, веки снова слипались; чтобы проснуться совсем, мне пришлось встать и пройти до конца зала».

Заметим мимоходом, что Б… лежал, свернувшись калачиком, и что раненой во сне оказалась как раз та нога, которая была согнута сильнее и несла на себе тяжесть другой. Положение тела

вызвало боль, а боль в свою очередь породила кошмар о раненой ноге и ране.

Одной даме, о которой рассказывает Макарио,[9] снится кошмар; не в силах вынести чрезмерной муки и зная все же, что видит страшный сон, она во что бы то ни стало хочет проснуться, но может это сделать лишь благодаря уловке: она сильно встряхивается, переворачивается в постели, зажигает свечу, встает и стряхивает с себя ужасный кошмар.

[9] Макарио. *Les Rêves morbides* (*Gazette médicale de Paris*, 1889, № 8, с. 87).

Механизм пленения тот же, что и в обычном сновидении. Проснуться не удается, но будят кого-нибудь, чтобы он в свою очередь разбудил тебя, или же сползают с кровати, переворачиваются, щиплют себя, совершают мышечное действие, ибо благодаря представлениям, которые поставляют спланхническое «я» и сенсорное «я», совершается суждение, высвобождается нервная сила, то есть происходит волевой акт, который идет к мышце, чтобы заставить ее сократиться и прийти в действие. Но известно, что усилие велико, что наступает утомление и требуется восстановление; отсюда в кошмаре чередование полусна с сознанием бессилия и очень легкого полупробуждения с мышечной работой, что составляет очень мучительное явление. Сенсорное «я» может проснуться разом под действием боли, но может просыпаться и медленно, и тогда борьба тяжелее. Сколько Б… ни промывал глаза, он не мог поднять век; он действовал, но все еще спал; разбудила его только ходьба.

Глава II. Патологический сон

Сновидения патологического происхождения

Болезни обычно начинаются с медленной болезненной работы, наяву порой неощутимой, но во сне способной стать очень чувствительной и вызывать сновидения, которые более или менее созвучны пораженному органу.

Поэтому болезненные сновидения должны иметь большое значение в семиотике — как с точки зрения симпатической связи, так и с точки зрения симптомов.

Я лишь слегка коснусь этого вопроса, потому что эта глава сама по себе требует долгого труда: это новый путь, который еще предстоит исследовать. Некоторые авторы занимались этим вопросом мимоходом; между тем он стоит того, чтобы им заняться.

Известен случай Арнольда из Виллановы, которому приснилось, что собака укусила его за ногу: через несколько дней на том же месте развилась раковая язва; случай Конрада Геснера, которому приснился укус змеи и у которого на том самом месте, где он почувствовал боль, появился карбункул; другой больной, которому предстояло заболеть амаврозом, в снах, предшествовавших болезни, видел предметы смутными и словно окутанными туманом; еще один человек видел во сне эпилептический припадок, а через несколько дней сам впал в эпилептический припадок, и т. д. и т. п. Поражения главных отправлений вызывают особые сновидения.

Кровообращение

При болезнях сердца, говорит Ласег,[10] особенно при поражениях митрального клапана, сон нарушается страхом,

тревогой, тоской, не связанной с дыханием, и зрительными галлюцинациями. Последние не похожи на галлюцинации алкоголиков: алкоголик всегда видит предмет в движении и тотчас придает ему значение; сердечный больной ничего не уточняет, остается в неопределенности и, несмотря на все усилия, не может придать своей галлюцинации плоти; тогда им овладевает сильная тревога. Сновидения, вызванные расстройством кровообращения, обычно очень коротки, очень страшны, сопровождаются трагическими обстоятельствами и в особенности мыслью о близкой смерти. Г-н Макарио приводит случай одной своей молодой пациентки, у которой после ряда тяжелых снов начались сердцебиения и которая умерла от болезни сердца.

[10] Ласег. *Le Sommeil*, *Études médicales*, с. 442. Париж, 1884.

Морганьи вскрывал тело человека, подверженного кошмарам: он нашел жидкость в плевре, а сердце оказалось так увеличено, что никто никогда не видел такого большого. Правый желудочек и правое предсердие были сильно расширены, аорта у сердца сильно сужена. Этот автор[11] указывает на совпадение аневризмы сердца с инкубом. Моро (де ла Сарт) приводит случай сердечного больного, которого каждую ночь мучили страшные сны.[12] «Очень нервные и полнокровные женщины, — говорит он, — у которых менструация почти равна болезни, обычно видят тяжелые сны: им видятся предметы, охваченные огнем или окрашенные в красный цвет, сцены убийства или резни, более или менее трагические».

[11] *Epist.* 18.

[12] *Dictionnaire des sciences médicales*, статья «Rêves», с. 282.

Сосудистое раздражение, предшествующее некоторым периодическим кровотечениям, нередко дает подобные же сны. Один врач в летах, у которого кровотечения бывали уже не так часто, как в молодости, видел тяжелые сны, всегда или почти всегда о насильственных действиях: спящему казалось то, что он дерется и получает раны, то, что он идет по вулкану или бросается в огненную пропасть.[13]

[13] Указ. соч., с. 283.

А вот наблюдение более убедительное:[14]

[14] Артиг. *Essai sur la valeur séméiologique des rêves*. Дисс., Париж, с. 43.

> Жанна К., сорока трех лет, поденщица, поступает в больницу Кошен. Телосложение крепкое; в тридцать лет перенесла приступ подострого суставного ревматизма. В течение двух лет она испытывала довольно легкие его возвраты, не мешавшие ей работать.
>
> Три года назад сон этой женщины, которая прежде видела сны, как все, стали нарушать страшные сновидения с неизменным содержанием. Она все время звала на помощь мать, видела себя среди крови и пламени и просыпалась в испуге, охваченная живейшим ужасом.
>
> Впрочем, кроме этой перемены, здоровье ее нисколько не было нарушено. Она без усталости продолжала свою работу, которая состояла в том, чтобы подниматься по лестницам, носить тяжести и натирать полы в квартирах. За все это время она ни разу не почувствовала ни малейшей одышки, ни малейшего сердцебиения. Между тем сны становились все чаще и уже не оставляли ей ни одной спокойной ночи. По совету мужа, встревоженного тем, что одни и те же сны упорно повторяются, больная решилась обратиться к врачу. Тот, тщательно ее осмотрев, обнаружил

начинающееся поражение сердца, которое еще ничем не проявлялось в общем состоянии здоровья, кроме этих тяжелых снов, длившихся уже шесть месяцев. Лишь через год после первых кошмаров, когда однажды она долго и быстро бежала, спасаясь от грозы, больной вдруг пришлось остановиться как вкопанной в приступе крайнего удушья. С этого дня ведут начало признаки вполне установившейся болезни сердца: недостаточность митрального клапана, асцит, отек нижних конечностей, застой в легких, одышка, цианоз, расстройства зрения, нитевидный пульс. Сны так и не прекратились и продолжаются уже три года; они все те же. Соседки по палате говорят, что ночью она мечется, не просыпаясь, и с тоской зовет: «Мама, мама!» — что подтверждает рассказ самой больной.

Сновидения, вызванные болезнями сердца и крупных сосудов, обычно очень коротки и быстро сменяются внезапным пробуждением; к ним всегда или почти всегда примешивается страх близкой смерти при трагических обстоятельствах. В приведенном наблюдении основой кошмара неизменно было чувство страха. Сновидение обнаружило болезнь сердца задолго до того, как ее выявило выслушивание.

Дыхание

У людей, страдающих болезнями органов дыхания, обычно бывают кошмары с удушьем, со стесненной грудью, с телом, зажатым между двумя стенами, с погоней, с одышкой и т. д. Здесь связь между отправлением органа и работой мозга очевидна.

Макарио снится, что у него сильно болит горло; проснувшись, он здоров, но через несколько часов у него сильнейшая ангина.[15]

[15] *Ann. méd.-psych.*, т. IX, 1847, с. 27.

Одна особа довольно крепкого здоровья, но подверженная частым бронхитам, говорит Макс Симон,[16] никогда не заболевала своим обычным недугом без снов вроде следующего. После нескольких часов сна она видела себя перенесенной в какое-то дикое место, вдали от всякой помощи. Ею овладевало тягостное чувство, она ощущала рядом с собой присутствие страшной опасности. Вдруг появлялся всадник со свирепым лицом и бросался за ней в погоню. Бежать было почти невозможно, и спящую вот-вот должен был настичь враг, когда она просыпалась, едва дыша. Во время сна в бронхах больной скопилась слизь, и стеснение дыхания, вызванное чисто физическим препятствием, породило представления ужасных сцен, которые как раз и должны были бы вызвать дыхательную тревогу. Когда препятствие устранялось, сон снова становился спокойным, страшные сновидения исчезали.

[16] Макс Симон. Указ. соч., с. 51.

Вот другое наблюдение того же автора, очень интересное в ином отношении. Здесь болезненное ощущение перенесено на животное.[17]

[17] Там же, с. 55.

Человек, уже несколько лет страдающий астмой и уснувший в состоянии дыхательной тревоги, видит себя во сне на крутой улице, по которой поднимается большая повозка: жара удушающая, лошади запыхались; им очень трудно идти, и вскоре одна из них падает. Бедное животное дышит прерывисто, оно все в поту. Возница изо всех сил старается поднять упавшую лошадь, и спящий приходит ему на помощь. Тот, кто видит этот сон, просыпается; он сам весь в поту и страдает от крайнего удушья.

Здесь нет раздвоения личности, как можно было бы подумать, а есть воплощение особого рода. Обычно в таких случаях «я»

бывает затронуто прямо; в этом случае — косвенно.

Сенсорное «я», давшее образ лошади, взяло верх над спланхническим «я», дававшим представление боли и одышки; первое представление, будучи более сильным, одолело второе, более слабое.

М…, пятидесяти девяти лет, торговый служащий, говорит мне, что с 1880 года почти каждую неделю видит один и тот же кошмар. Почти всегда он совпадает с душевной озабоченностью (жена душевнобольная, сын и дочь умерли, денежные потери). С этого года кошмары у него бывают реже; он приписывает это относительному спокойствию своей жизни; говорит он также, что меньше страдает от приступов астмы (М… страдает эмфиземой). Во сне он видит, что его преследуют, и не может уйти от врагов; он задыхается, просыпается, тяжело дыша, садится в постели, видит, как перед глазами плывут облака, и три-четыре минуты остается оглушенным; хочет говорить, но не может. Понемногу дыхание восстанавливается.

Жан Г…, сорока пяти лет, тоже страдающий эмфиземой, видит все один и тот же сон. Его преследуют жандармы; он хочет бежать, но не может; он чувствует на груди большую тяжесть, ему тесно дышать. Тут он просыпается, задыхаясь.

Сара М…, девятнадцати лет, острый плеврит, перешедший в гнойный, поступила в больницу 2 ноября 1888 года; она рассказывает мне, что кошмары начались через неделю после этого; бывали они преимущественно после полудня, около трех часов. Она видела себя запертой в комнате, стены сдвигались; она уже не видела ни двери, ни окна, потолок понемногу опускался; она не могла дышать, задыхалась. Все тело ее зябло, и она не могла говорить, потому что голос замирал у нее на губах. Она слышала, как разговаривают между собой соседки по палате, но

не могла пошевелиться. Зная, однако, что у нее кошмар, она кричала им: «Да разбудите же меня!» Те что-то слышали, но не могли разобрать, что она говорит, и потому не будили ее. А ей казалось, что она кричит очень громко. Только в дневном сне больная сознавала свой кошмар, но никогда — в ночном, хотя он был почти таким же. В конце декабря ей сделали прокол, 12 января 1889 года произвели операцию по поводу эмпиемы. С конца марта у этой больной кошмаров больше не было. В последних своих снах она видела, как тонет ее ребенок; она хотела позвать на помощь, но не могла.

Дневные кошмары, бывавшие у М..., приходили в гипнагогическом сне. Днем сенсорное «я» легче поддается впечатлениям, чем ночью: отдых его не так полон; вот почему М... сознавала, что у нее кошмар, чего не случалось ночью, хотя сны были почти одинаковы. В самом деле, всякий, кто научился наблюдать за собой, удивляется тому, что один и тот же сон с одним и тем же образом иной раз вызывает кошмар, а чаще всего проходит почти незамеченным. Мне случается видеть во сне, что я поднимаюсь на гору; этот сон мне приятен, я уверенно иду по краю пропастей и с большим удовольствием спускаюсь в овраги. Иногда, однако, этот же самый сон превращается в кошмар. Все зависит от суждения об опасностях, которым подвергаешься. Спящий в таком случае находится в гипнагогическом состоянии: сенсорное «я» наполовину проснулось, произвольное внимание отчасти вытесняет непроизвольное.

При болезнях дыхательного аппарата, вызывающих лихорадку, сновидение осложняется мозговым состоянием. Работа мысли уже не та: она подчиняется особой систематизации, свойственной расстройствам мозга.

Г-ну Дамаскино[18] довелось наблюдать галлюцинации у двух детей, больных крупозной пневмонией верхушки легкого с мозговыми явлениями и сильным бредом. Просыпаясь, они словно продолжали начатый сон и настойчиво просили прогнать воров и жандармов, спрятавшихся в углу комнаты, на который они прямо указывали. Эти галлюцинации длились не дольше нескольких минут, затем дети снова впадали в полусон.

[18] Дебаккер. Дисс., Париж, 1881, с. 96.

Макарио отмечает, что кошмары обычны при пневмонии, плеврите и туберкулезе. Моро (де ла Сарт) приводит несколько случаев; он считает их дурным предзнаменованием, когда они появляются в первом сне.

Однажды ночью, когда Макс Симон страдал довольно сильным бронхитом, он проснулся в сильном удушье. Ему только что приснилась фабрика, где среди густого пара работало множество рабочих: всех этих людей, казалось, душили окружавшие их облака пара.

Подобно человеку, страдавшему астмой, этот автор воплотил свое ощущение вовне; только оно было перенесено не на лошадь, а на людей.

Пищеварение

Если сновидениям, происходящим от кровообращения, свойственно чувство страха, тоски, сопровождаемое особыми представлениями (пожар, падение в глубину и т. д.); если сновидения, происходящие от дыхания, будят в спящем ощущение удушья, бегства, задыхания и т. д., то сновидения, связанные с пищеварением, вызывают вкусовые образы.

Кошмарам пищеварительного происхождения особенно подвержены дети. Пищеварительный аппарат у них очень нежен и очень чувствителен. Г-н Жюль Симон говорит, «что ребенку не следует ужинать на ночь».

По мнению Ж. Се,[19] причины ночных страхов у детей кроются скорее в кишечной, чем в желудочной брадипепсии; кишечное пищеварение обычно начинается около третьего часа после еды и заканчивается между восьмым и девятым. Кошмар начинается около десяти или одиннадцати часов вечера и заканчивается около четырех часов утра: такова продолжительность кишечного панкреатического пищеварения.

---

[19] Ж. Се. *Des dyspepsies gastro-intestinales*, 1881.

> Феликс Р…, восьми лет, съедает вечером обильно и жадно ломоть баранины, который мать назвала ему «солдатским ломтем», полтарелки фасоли флажоле, хлеб с сыром и вареньем — и это после прогулки, на которой он нагулял необыкновенный аппетит. Ложится он в девять часов вечера. Между половиной двенадцатого и полуночью родителей будят страшные крики, которые он издает; он сидит в постели, со лбом в поту, с прерывисто дышащей грудью, вытянув руки вперед, и не перестает выкрикивать бессвязные слова: «Помогите! Они меня хватают! Пожалуйста! Мама! Пожалуйста!..» Его тщетно пытаются разбудить — никак не удается. Глаза его широко открыты, неподвижны, блуждают, не чувствуют света; он словно видит страшные фигуры, угрозы которых и вызывают его тоску. Отец напрасно брызгает ему в лицо водой — ребенок все кричит: «Ох! ох! вот они!..» Крик, громче всех прочих, завершает эту душераздирающую сцену; обессиленный ребенок падает в глубокий сон. Приглашенный врач отмечает, что дыхание шумное, что у ребенка подергиваются губы, что глаза время от времени как бы моргают, приоткрываясь наполовину; на лице написано

оцепенение, ужас сменился ступором. Он крепко держит руку, вложенную в руку матери.

На другой день Феликс просыпается в восемь часов утра, как обычно. Он ничего не помнит. Когда ему подсказывают, он говорит, что испугался трех человек, которые дрались между собой у него на глазах, а потом повернулись против него. Воспоминание это смутное и далекое.[20]

[20] Дебаккер. Дисс., Париж, 1881, с. 49.

Другой ребенок, объевшийся спелого винограда, испытал сильные страхи с галлюцинациями и бредом. Доктор Моте дал ему рвотное, и ребенок изверг множество косточек и кожицы ягод: ему стало легче, судорожные явления прекратились, но всю следующую ночь у него были галлюцинации и страхи — он видел зверей, которые его пугали; к утру это походило на *subdelirium tremens*.[21]

[21] Дебаккер. Дисс., Париж, 1881, с. 49.

Если ночные страхи у взрослого редки, то сновидения пищеварительного происхождения часты. Известно, что голод вызывает созвучные ему сны. Так, барон Тренк, заключенный в темнице и страдавший от голода, видел во сне богато накрытые столы. Мори, соблюдая строгую диету, присутствовал во сне на роскошном пиршестве. В другой раз, когда у него сосало под ложечкой и во рту был резкий привкус, он заснул в кресле. Ему привиделось блюдо с рагу под горчицей, от которого шел запах, напомнивший ему вкусовое ощущение, испытанное незадолго перед тем.[22]

[22] Мори. Указ. соч., с. 64.

В другой раз, снова страдая желудком, он увидел руку, державшую тарелку с пирожным. Макс Симон в тех же условиях видел яйца на

серебряном блюде.[23] Макарио приводит случай дамы, которая, страдая довольно сильными коликами, чувствовала запах лука-шалота. Одной молодой даме, страдавшей диспепсией, снилось, что она в кондитерской и видит толпу покупателей, выбирающих разные пирожные. Вскоре и она начинала им подражать и до отвала ела всевозможные пирожные, сильно приправленные флердоранжем. Это вкусовое впечатление, поначалу приятное, вскоре становилось крайне тягостным: это было нечто вроде нестерпимой тошноты.[24]

[23] Там же, с. 237.

[24] Там же, с. 56.

Фелида теряет все больше крови через слизистую оболочку желудка или пищевода. Во сне кровь медленно вытекает у нее изо рта. Тогда ей снится, что она на бойне или видит, как кого-то режут; обоняние у нее почти угасло, кроме запаха крови, который она различает лучше всякого другого.[25]

[25] Азам. Указ. соч., с. 51.

Это наблюдение могло бы найти себе место в разделе о кровообращении.

> Мадемуазель А..., восемнадцати лет, семья с нервной наследственностью, истерии нет, очень восторженна, высокого мнения о себе. Органические отправления совершаются нормально, аппетит превосходный. Однажды ночью ей снится, что ее рвет после слишком обильной еды; утром она отказывается от мяса, которое ей подают за завтраком. Так начинается приступ ситиофобии, длящийся четыре месяца и оставляющий после себя стойкую нервную анорексию, сопровождаемую душевным расстройством.[26]

[26] Ф. Шаслен. *Du rôle des rêves*. Дисс., Париж, 1887, с. 49.

Это наблюдение могло бы найти себе место во второй части нашей работы, если допустить, что сон может вызвать органическое расстройство. Вернее допустить, что сон этой больной был симптоматическим и обнаруживал скрытую болезнь. Один больной, которого я лечу, видит во сне, что ест много змей, и утром просыпается с сильной болью в желудке. У этого больного рак привратника. Разумеется, не сон вызвал рак, а рак вызвал сон.

Между мозгом и желудком существует очень ощутимое сродство. Известна раздражительность и вспыльчивость людей, страдающих этим органом. Вот очень интересный случай такого сродства, приводимый Мори. Одному ученому филологу снилось, что он идет по воде, всякий раз, когда он, даже сам того не зная, съедал что-нибудь жирное. Желудочные и особенно кишечные расстройства у малых детей сильно отзываются на их мозге. Иной бред, иные судороги вызываются упорным энтеритом, присутствием глистов и т. д.

Прорезывание зубов может вызывать у детей созвучные ему сны. Чаще всего страхам подвержены дети, которых слишком рано стали кормить обычной пищей. По Гиртаннеру,[27] трудное прорезывание зубов вызывает галлюцинации и страхи скорее у мальчиков, чем у девочек.

[27] *Ueber die Kinderkrankheiten*, с. 112.

> Робер Д…, двадцати шести месяцев, прорезываются четыре первых коренных зуба, десны припухшие и красные, довольно сильное возбуждение. Однажды к нему быстро подбегает собака, чтобы отнять пирожное, которое он держал в руке; немного погодя другая собака бросается на него и сильно его пугает. Вскоре после этого появляются ночные явления. Он внезапно просыпается,

вздрагивая, с криками, выражавшими сильный испуг. Он видит собак, которые хотят его съесть.[28]

[28] Дебаккер. Указ. соч., с. 142.

Если, однако, большинство сновидений, вызванных пищеварительным аппаратом, будит вкусовые представления, то не всегда бывает так, когда болезнь глубока и мучительна; тогда больным снятся страшные сны с ощущением тяжести и тоски, порой очень сильной. Есть, например, змей — не очень-то приятный сон. Желудочное расстройство вызывает отвратительные сны с призраками, трагическими сценами и т. д.

Вообще, говорит Дубль, сны, связанные с желанием есть и пить, указывают лишь на потребности голода и жажды. Они служат добрым знаком при выздоровлении, но менее благоприятны, когда появляются в самом начале болезней.

Гиппократ сказал еще до него:

«Per somnum vero si quis solitos cibos aut potus edere aut bibere videatur, alimenti inopiam animique mœrorem significat».

Иннервация

Известен случай, приводимый Галеном. Человек, которому приснилось, что у него каменная нога, немного позже был поражен параличом той же стороны. Но вот наблюдение гораздо более недавнее, его сообщает Фор;[29] речь идет о случае прогрессивного паралича, задолго предвещенного сновидением:

[29] Фор. *Archives générales de médecine*, «Rêves morbides», с. 558.

Г-н А..., испанский банкир, очень умный и очень здравомыслящий, говорит однажды своему брату Б..., что с некоторых пор каждую ночь видит очень приятные сны, в которых совершает большие дела и наживает много денег. Он

радуется такому расположению, которое дает ему во сне те радости, каких он ищет и наяву, но в размерах, о которых он никогда бы и не помыслил. Эти сны продолжаются, всякий раз с чудесным ростом барышей, вызывающим у обоих банкиров настоящие восторги. А… до тех пор оставался человеком в высшей степени осторожным и опытным; вскоре у него появляются новые замыслы, в нем замечают непривычную смелость. Он безрассудно пускается в предприятия. Б… пытается его удержать — он ничего не слушает. Вскоре становится очевидно, что в дела он вносит свои грандиозные ночные замыслы. Все встревожены, советуются с врачами; приходится поместить его в лечебницу, и очень скоро он доходит до самой поздней стадии прогрессивного паралича.

Это наблюдение, как видно, представляет большой интерес. Его можно было бы поместить во второй части нашей работы. Но прежде всего оно симптоматично. Вот больной, который, нося в себе страшную болезнь, в сновидениях, вызванных самой этой болезнью, черпает материал для больших финансовых комбинаций. Лишь позже болезнь распознается, когда она уже очевидна для всех.

Известно, насколько угасает половое чувство при двигательной атаксии.

Я наблюдал, однако, в отделении профессора Питра больного атаксией, который наяву уже семь месяцев страдал половым бессилием, а во сне видел эротические сны в самом широком смысле слова. Кроме того, ему снились сны, созвучные его болезни, в которых он видел себя окруженным водой. Он тщетно пытался бежать, потому что чувствовал, что может ходить лишь с трудом.

Дебаккер,[30] добросовестно изучивший вопрос о сновидениях у детей, приводит несколько очень интересных наблюдений. Изложу вкратце некоторые из них.

[30] Указ. соч. Дисс., Париж, 1881, с. 90.

Речь идет о двух девочках, больных хореей; у обеих по ночам бывали такие страхи, что сиделка едва могла удержать их в постели, откуда они хотели бежать: одна видела змей, на которых будто бы лежала и которые ее кусали; другая слышала голоса, говорившие ей, что она украла, и видела жандармов, готовых ее схватить.

Вот случай малокровия мозга в возрасте полового созревания, вызвавшего ночные страхи:

> Альбер Г..., тринадцати лет, старший из пяти детей; отец ко времени женитьбы болел сифилисом; зубы растут в несколько рядов, ярусами, несколько коренных зубов недоразвиты. Уже два года Альбер видел сны, ночи его были очень беспокойны, бывали ночные страхи и галлюцинации, в которых он видел дьявола, кричавшего ему во все горло: «Попался! Попался!» — затем он *чувствовал* запах смолы и серы. Огонь жег поверхность его тела. Крики, сперва сдавленные в гортани, затем более внятные, и тогда слышалось: «Нет, это не я, это не я! Я ничего не сделал!» — или еще: «Отпустите меня! отпустите! я больше не буду!» Иногда он, казалось, терял ощущение собственной личности и кричал: «Альбер никогда этого не делал!» Зрение, осязание, слух, обоняние были затронуты одновременно. Это состояние длилось два с половиной месяца. Днем Альбер крестился, чтобы отогнать демонов. На занятиях, хотя он прилежно трудился, он не смел оглянуться, боясь увидеть «тех, кто так мучил его ночью». Каждый вечер он исповедовался у священника; когда того не

было, Альбер не раздевался, потому что «огонь доставал его, только когда он был раздет». Он стоял на коленях на своей постели и исповедовался сам. Он худел на глазах, потерял аппетит. Он хотел умерщвлять плоть. Его отправили в деревню, на свежий воздух; охота в полях, телесные упражнения, деревенский покой, свежий воздух, прекращение умственных занятий вернули ему здоровье через полтора года.

Рядом с этим наблюдением малокровия мозга, вызвавшего перемену характера, галлюцинации и ночные страхи, вот другое — о мышечном переутомлении:

Мальчику, о котором идет речь, было тринадцать лет; ему приходилось тянуть ручную тележку вместе с человеком, который напивался и часто оставлял его тянуть одного. Однажды груз был так тяжел, а напарник так пьян, что мальчику пришлось везти одному; обливаясь потом, изнемогая от усталости, он бледнеет и вдруг падает на улице. Когда его привели домой, ему всю ночь снились «кошмары»: он видел, как мимо проносят «гробы, гробы, и все гробы». Он был так напуган, что по лбу его струился холодный пот и он вскрикивал: «Ох, еще! еще! Мне страшно, я не хочу, не хочу!» На другой день он был подавлен, удручен, обессилен, слегка ломило все тело, но не было ни малейшего следа лихорадки; что-то вроде судорожного дрожания губ показывало, что и *наяву* он все еще во власти ночных галлюцинаций: он видел черных бабочек, которые ему досаждали.[31]

[31] Дебаккер. Указ. соч., с. 61.

В одном случае туберкулезного менингита галлюцинации и ночные страхи служили предвестником каждой новой вспышки болезни.

Речь идет о ребенке, умершем в семь лет, которого наблюдал Мартен-Дамурет. Туберкулеза в семье не было. У сестры пятнадцати лет атрофия половины тела, соответствующая такой же атрофии черепа. Однажды ребенок стал вялым, речь его — неровной; тяга к одиночеству, внезапные вздрагивания с испугом. Ночи понемногу становятся беспокойными, пронзительные крики, ребенок поднимается в постели. Видит страшные предметы. Из ночных страхи на некоторое время становятся дневными. Г-н Мартен-Дамурет, думая, что имеет дело с глистами, назначает каломель. Глистов нет; улучшение держится четыре недели. Месяц в деревне. По возвращении в Париж новые вспышки, рвота, лихорадка, страхи усиливаются. Подозревая какую-то болотную причину, назначают сернокислый хинин и бромистый калий. В состоянии больного наступает некоторое улучшение. Снова в деревню. Тотчас лихорадка каждое утро, сопровождаемая рвотой. Снова каломель. Заметное улучшение; ребенок опять весел, очень резв, бегает по дорогам, как совершенно здоровый, как вдруг галлюцинации усиливаются, головная боль, лихорадка, рвота, светобоязнь, мозговое возбуждение, косоглазие.

Смерть после нескольких клонических судорог, в течение сорока восьми часов.

Дамаскино говорит о туберкулезном менингите, что в его продромальном периоде одним из главных симптомов бывают галлюцинации, преимущественно зрительные: это настоящие психосенсорные галлюцинации. Симптом этот показался ему по преимуществу ночным, — во всяком случае, ему не доводилось наблюдать его днем. Ребенок вдруг просыпается ночью с криком, и на время, разное по длительности, но едва ли больше четверти часа, его охватывает ужас, и ему кажется, что он видит страшные предметы.

Г-н Ладрейт де ла Шарьер наблюдал случай мозгового туберкула у ребенка, который стал слышать лишь глухо. Он заключил о *мозговой глухоте*, и в диагнозе ему серьезно помогли явления ночных страхов, которые порой в высокой степени обнаруживал его юный пациент.

Мальчик, почти совершенно глухой наяву, ночью слышал голоса; он их боялся, кричал и все время прислушивался. Когда ребенок был еще в полном здоровье, этот врач смог предсказать, от чего он погибнет. И действительно, три месяца спустя ребенок умер от мозговых туберкулов.

Истерия и сомнамбулизм. — Эти два невроза дают почтенное число наблюдений, одно интереснее другого с психической точки зрения.

Макарио приводит случай больной истерией, которой приснился немой человек и которая проснулась без голоса. Интересно было бы узнать точную связь причины и следствия. Она хорошо видна в следующем случае, где сновидение симптоматично.

> Девушка четырнадцати лет приходит на прием в Сальпетриер[1]. С некоторых пор она сильно выросла, и месячные у нее прекратились. Однажды ночью ей приснилось, что на площади Одеон ее преследуют какие-то люди, чтобы убить. Она изо всех сил старалась от них уйти и спаслась; но, проснувшись, была крайне утомлена, а на следующий день ноги под ней подкосились. Сон повторялся несколько ночей подряд; он не оставлял ее даже наяву. Каждое утро слабость в ногах росла. Несколько дней спустя, сделав усилие, чтобы подняться по лестнице, больная упала и уже совсем не могла встать: у нее была параплегия.

[1] Ш. Фере, *Заметка о случае истерического паралича, последовавшего за сновидением* (*Биологическое общество*, 1886, заседание 20 ноября, № 41).

Это наблюдение нашло бы место во второй части настоящего труда, если бы отсутствие месячных и внезапный рост не составляли продромального состояния, которое сновидение обнаруживало. Что в известный момент мозговая работа подействовала на мышечную деятельность, бесспорно; но вначале именно мышечная деятельность подействовала на мозговую работу. По мнению Ш. Фере, этот паралич происходил не от самовнушения, а от истощения двигательных центров вследствие быстрой череды волевых разрядов, за которыми не следовало действительных движений. Всем, кто видит сны, знакома мышечная усталость после сновидений о движении. Девушку вылечили пассивными движениями.

> В... получает удар по голове; он теряет сознание минут на десять. Через неделю — перемена характера, глубокая подавленность и упадок духа, печальный, безучастный вид, неспособность к работе, бессонница, ужасные, устрашающие сновидения. «Я вижу, — говорит он, — часто, почти каждую ночь, руку, которая сжимает мне горло и душит меня; тогда я вдруг просыпаюсь, полный ужаса, и больше не могу уснуть. Часто мне также кажется, что я стою у пропасти, которая меня затягивает и куда я всегда падаю на левую сторону; прежде, до несчастного случая, я никогда не видел снов». С тех пор он почти всегда видит один и тот же сон каждую ночь... Этот больной — истерик[2].

[2] *Поликлиника Сальпетриер*, 1888–1889, с. 28.

Сновидение, приведенное в следующем наблюдении, сделанном в отделении профессора Питра, — симпатического и симптоматического происхождения одновременно. Речь идет о больном истерией Ф... Освальде, сорока двух лет. До того как его поразил парез, ему снились осязательные сны: ему казалось, что

он взлетает в воздух. Он уверяет меня, что с тех пор, как заболел, больше не видит снов. Как бы то ни было, заболел он год назад, после сильного волнения из-за судебной тяжбы. Через две недели, около полуночи, у него была галлюцинация: он увидел, как из его комнаты выходит маленький человек с вытянутыми вперед руками. В другую ночь ему снится, что он присутствует при землетрясении и обрушении своего дома; проснувшись, он очень удивлен, что все на месте. Но вот сон, совпадающий с его паретическим состоянием:

«Я был один, — говорит он, — в Аркашонском лесу, в месте совсем невеселом. В какой-то момент я увидел ступни с голыми голенями и бедрами, которые величаво прогуливались по мощеной дороге; особенно я различил одну пару плохих ног, которые ковыляли кое-как... Вот что мне нужно! — воскликнул я. — Этих никто назад не потребует... Дайте мне лучшую и поставьте ее на место моей, — сказал я, и это тотчас было сделано... Но когда операция кончилась, я почувствовал такое отвращение, что изо рта у меня на подушку потекла какая-то вода, и меня передернуло от ужаса».

После этого сна он пришел лечиться в больницу Сент-Андре в Бордо. Любопытно, что он по-прежнему думает, будто владеет одной из плохих ног. «С тех пор, — говорит он, — эта нога поправляется благодаря заботам г-на Питра, и до сих пор никто не приходил требовать ее у меня. Значит, я правильно сделал, что взял ее, а не хорошую, потому что если бы ее пришлось отрезать, чтобы вернуть владельцу, уверяю вас, я защищался бы мужественно. Г-н Питр захочет меня вылечить и показать себя не хуже *тамошних* врачей!» (врачей, которые, как ему снилось, вручили ему знаменитую ногу).

Итак, сон был так силен, что Ф... по-прежнему думает, будто владеет ногой, которая ему не принадлежит. На этот счет у него нет даже сомнения, ибо сомневаться — значит судить, а суждение у него упразднено подавлением целого ряда следов памяти в пользу одного всемогущего следа, который господствует и повелевает. Это самовнушение вслед за невызванным сном. Ниже мы увидим, что может произвести физиологическое сновидение на мышечную деятельность наяву через оживление чувственного следа памяти.

После сновидения чисто истерического происхождения — вот сновидение у сомнамбулы-истерика. Вопрос о ночном сомнамбулизме слишком известен, я оставляю его в стороне, чтобы заняться лишь одним очень редким случаем — *дневным сомнамбулизмом*. Речь идет о больном Альбере. Как я уже говорил[3], ему снится страна, которую надо повидать, и он уходит, окутанный своим сном, чтобы проснуться на большой дороге или в тюрьме. Вот наблюдение над приступом сомнамбулизма, застигнутым на месте в больнице Сент-Андре:

---

[3] *Душевнобольные странники*. Дисс., Бордо, 1887. Изд. Октав Доэн, Париж.

> (9 июня 1888 года.) Альбер выполняет в городе несколько служебных поручений. Вернувшись на склад, он сильно ссорится с одним из рабочих и тотчас просит начальника отделения рассчитать его, не желая больше оставаться на этом месте. Получив отказ, он уходит из мастерской и в половине двенадцатого идет домой завтракать; он ничего не ест, лицо у него отупелое. В полдень он говорит жене, что идет в отделение склада на улице Виталь-Карль, чтобы его туда приняли.
>
> Четверть первого. — Он сам отправляется в больницу Сент-Андре, где его узнает конторщик, у которого он просит приема, говоря, что чувствует, что вот-вот уйдет, и умоляя помешать его уходу,

оставив его как больного. Его направляют в отделение г-на Питра, палата 16.

2 ч. 10 мин. — Узнав об этом от его жены, я тотчас отправляюсь в больницу. Я нахожу Альбера полураздетым в постели; лицо налито кровью, нижняя губа отвисла, рот косо приоткрыт справа налево. Полукоматозное состояние. Он лежит, свернувшись, поджав ноги к животу. Я зову его, он меня не слышит. Я слегка надавливаю на гиперестезированную зону, которая у него есть на темени: он вздрагивает и просыпается с криком боли, но тут же снова впадает в тот же сон. Анестезия рук к уколу. *Он двигает ногами в постели, словно вертит педаль или идет.* Вдруг он разражается рыданиями, лицо его еще больше наливается кровью, *ноги двигаются быстрее*, он произносит несколько невнятных слов, плач усиливается, потом он восклицает: «Ах! Боже мой! Боже мой! Моя голова! моя голова! Никого больше нет! моя бедная жена!» Я зову его — он не отвечает. Я спрашиваю, где он находится, — то же молчание. Вдруг он видит санитара, бессмысленно смотрит на него с минуту и, взяв его за руку, несчастным, плаксивым голосом просит написать его жене. Он думает, что приехал в Орлеан. Меня он принимает за сыщика.

Он говорит, что сел на поезд из Бордо, отходящий в 7 часов вечера, проехал Либурн, Ангулем и т. д. Он помнит, что женат, что работает в Газовой компании. Он добавляет, что сбежал, что взял с собой деньги, и спрашивает санитара, злые ли люди в Орлеане. Он видит префектуру, главную улицу, статую Жанны д'Арк. Санитара он принимает за служащего, одетого в черное и в фуражке (санитар был в одной рубашке). Он просит этого служащего отправить его с провожатым в Бордо, где его будут лечить. Я спрашиваю, кто я такой; он пристально смотрит на меня и трогает мой сюртук. «Вы весь грязный, — говорит он мне, — у вас жилет в серую крапинку (мой жилет был в белую и черную клетку). А вы с виду не злой. Я в чужие дела не вмешиваюсь. Мне надо пройти

порядочно до вечера, чтобы найти ночлег». Потом голова его падает на подушку, он засыпает, и вдруг ноги его *снова начинают движение, как на педалях*. Лицо, выражавшее боль, пока он говорил со мной, становится спокойным, потом проясняется, делается радостным: «*Ах, как жарко в дороге!* — восклицает он. — *А вам не жарко?*» Я колю ему ноги — они нечувствительны.

2 ч. 20 мин. — Я надавливаю на гиперестезированную зону, и вдруг, словно разжавшаяся пружина, Альбер садится в постели, проснувшийся, разъяренный, пристально глядя на санитара, впившись в него глазами: «Ах! не трогайте меня!» — восклицает он. Гипестезия ног. Альбер узнает меня. Он видит, что находится в больнице, но не знает, как сюда попал. У него болит голова, мерзнут ноги, ему хочется помочиться. Хотя мочеиспускание совершается нормально, он сознает этот акт лишь тогда, когда слышит, как жидкость падает в сосуд. Гипестезия яичек при надавливании.

2 ч. 25 мин. — Общий упадок сил; он часто трет затылок, по-видимому, отдыхает. Анестезия лица, ног, рук и кистей. Гипестезия стоп. Гиперестезия подошв.

2 ч. 35 мин. — Его тошнит, он кашляет и плюет. Гипестезия туловища спереди и сзади. Каждый укол вызывает прыщик с пупковидным вдавлением в центре, величиной с просяное зернышко; аккомодация глаз едва чувствительна к свету и к виду предмета; зрачки очень сужены.

2 ч. 40 мин. — Альбер испытывает сильную потребность ходить. Он плохо отдает себе отчет в своем положении. Так, он удивлен грубостью своей рубашки, которая принадлежит больнице, хотя думает, что на нем все еще его собственная. Возле кровати стоит судно; он берет его за ручку и, приняв за свою шляпу, надевает на голову, правда, посмотрев на него с минуту; потом, так как больные смеются, он наконец узнает предмет. Ему хочется пить,

он хочет домой. Санитар дает ему травяного отвара, и он жадно пьет. Я тщетно пытаюсь внушить ему, что отвар, который он пьет, — шампанское; потом вдруг он хватается руками за голову с криком боли.

3 ч. — Он не знает, как попал в больницу. Но знает, что сейчас три часа. Он думает, что продал свои часы, которые один больной, когда он поступил, положил ему под подушку. «Они тоже путешествуют», — говорит он с покорным видом. Он удивлен, найдя в кармане брюк тряпку, которую сам положил туда накануне. Он ищет свои башмаки, которые стоят возле его ног, и не видит их. Он просит соседа по койке одолжить ему сандалии, потому что ему надо уйти, надо идти, хотя погода плохая и идет дождь. Впрочем, для него это хорошая погода. Он видит свои часы, которые я положил на его кровать; он не выказывает ни малейшего удивления, что они нашлись. Но хватается руками за голову, которая у него сильно болит. Он не знает, что заходил домой, прежде чем прийти в больницу. О путешествии он не слышал. Жена Альбера, пришедшая незадолго перед тем, пряталась за пологом кровати. Я спрашиваю его, женат ли он; он утвердительно кивает головой, и лицо его становится отупелым. Он не хочет возвращаться домой. На разные мои вопросы он отвечает, что утром не пил, что пришел прямо в больницу из мастерской, чтобы его здесь задержали, так как чувствовал, что вот-вот уйдет в сторону Парижа. В десять часов утра он просил начальника отделения рассчитать его; тот назвал его сумасшедшим. Он хотел навсегда уйти в Париж, ему надо было много ходить. Он тщетно пытается надеть свою фланелевую фуфайку, которую натягивает поверх больничной рубашки; один рукав вывернут, но он этого не замечает; он всякий раз находит только один рукав — правый или левый, смотря по тому, какой стороной повернет фуфайку. «Да у нее, выходит, только один рукав!» — восклицает он в нетерпении.

3 ч. 20 мин. — Он узнает свои башмаки, которые все так же стоят на месте. Мысль о том, чтобы снова увидеть жену, сильно его мучит; у него болит голова. Он обувается. Вдруг появляется жена и обнимает его. Он не хочет на нее смотреть; взгляд у него блуждающий, лицо налито кровью и отупело. Ему очень хочется ходить. Он мочится. Я отправляю его погулять в галерею и, так как он хочет уйти, поручаю одному больному присматривать за ним.

4 ч. — Альбер все прогуливается. Я несколько раз становлюсь перед ним, чтобы не дать пройти: он меня обходит, но говорит мне о своем стороже: «Этот человек меня преследует, он ходит за мной повсюду. Скоро ли это кончится?» Я ухожу.

6 ч. — Он долго гулял после моего ухода, потом, устав, лег. Гипестезия ног, рук и кистей. Гиперестезия подошв. Очень сильная боль в головной зоне и во лбу. Он отдыхает, хотя и испускает тихие стоны от боли. Нижняя губа отвисла. У него болит желудок и сильно тошнит. Усыпив его гипнотически *месяц спустя* (1 июля), я заставил его рассказать о разных уходах, которые он совершил. Он вдруг говорит мне, что, выйдя из мастерской, очутился в больнице, потому что чувствовал, что вот-вот уйдет. Он хотел, чтобы его там задержали, так как у него не было денег, чтобы уйти. «Я это хорошо знаю, — говорю я ему, — ведь я вас видел. — Да нет же, — отвечает он, — вы не знали, что я там». Потом вдруг, взяв меня за руки, он восклицает: «Постойте... постойте, *я был в Орлеане...*» И, подумав минуту: «Нет, это было не в этот раз... — Вы не видели полицейского комиссара? — Зачем же? ведь я был в больнице...» Потом вдруг, расстегивая куртку, он говорит мне: «*Как жарко в этой комнате! Вы не чувствуете!*» Температура в моем кабинете, выходящем на север, была невысокой.

Это наблюдение весьма интересно. Я мог присутствовать при развитии сновидения Альбера, которое было полудеятельным,

раз он крутил педали в постели. Но психологическая суть — в оживлении памяти, которое произошло месяц спустя, когда Альбера погрузили в гипнотический сон. Он решил, что *был в Орлеане*. Потом он признал свою ошибку. За месяц перед тем, в своем невызванном сомнамбулическом сне, он восклицал, обращаясь к воображаемым спутникам: «*Ах, как жарко в дороге! А вам не жарко?*» И через оживление памяти он испытывает тот же жар в моем кабинете и спрашивает меня, *не жарко ли мне!* Итак, в гипнотическом сне можно испытать чувственное впечатление, полученное в сомнамбулическом сне, — и это через оживление следов памяти, долгое время спустя после того, как был запечатлен первоначальный след. Гипнотический сон той же природы, что и сомнамбулический, поскольку след памяти, накопленный в первом состоянии, пробуждается во втором.

Помешательство. — Нередко, говорит Бриер де Буамон, больные, прежде чем совсем лишиться рассудка, видят устрашающие сны и сознают, что сходят с ума; иные боятся засыпать — так часто во сне им являются страшные видения. Неврозы и особенно душевное расстройство нередко возвещаются странными или необычайными сновидениями. Кошмар, по Моте, — предвестник апоплексии, эпилепсии или мании.

К Одье из Женевы[4] обратилась в 1778 году одна дама из Лиона, которая в ночь перед душевным расстройством, постигшим ее, видела сон, будто свекровь подходит к ней с намерением ее убить. За этим впечатлением последовало меланхолическое состояние и все признаки настоящего помешательства.

[4] *Болезненные сновидения*, указ. соч., с. 568.

Ферре[5], школьный учитель, видит однажды ночью сон, будто упал в пропасть, откуда поднимались серные пары, и *живет* под этим впечатлением до той минуты, когда в другом сне слышит, как король говорит людям, правившим его каретой: «Проезжайте по этому: раздавите его!» На что он будто бы ответил: «Государь, не делайте этого! Если я виновен, подождите, пока меня осудят!» Напрасно доктора Манури, Лелон и Грестон доказывают ему, что этого не могло случиться, так как в то время, к которому он относит эту встречу с королем, его не было в Париже; он упорствует в своем бредовом убеждении, обнаруживает цареубийственные намерения и т. д. Очевидно, что в этих двух случаях сновидение не вызвало помешательство, а скорее обнаружило его; оно существовало в возможности, а затем, когда мысль систематизировалась, усилилось в силу самого органического расстройства, которое его вызывало.

[5] *Болезненные сновидения*, с. 564.

Вот наблюдение, которое послужит нам связующим звеном между симптоматическими и симпатическими сновидениями:

> Девица М..., тридцати восьми лет, с признаками телесного и душевного вырождения, страдала судорожными тиками, спазматическими выкриками, различными импульсивными явлениями, приступами маниакального возбуждения. Однажды ночью она вдруг просыпается и зовет мать, утверждая, что кто-то сейчас выломал дверь и что она слышала шаги в квартире. В доме не находят ничего тревожного; но девица М... не может уснуть до утра. На следующий день слуховая галлюцинация не проходила, больная все время прислушивалась. В следующую ночь кошмар повторяется с большей силой; больная встает в смятении и бросается из окна. С этого времени развивается форма бреда преследования, которая держится несколько месяцев[6].

[6] Ф. Шаслен, *О роли сновидения в развитии бреда*. Дисс., Париж, 1887, с. 49. — Фере, *Медицина воображения*. Париж, 1886, с. 27.

Кошмар у этой больной с признаками вырождения был симпатическим, но прежде всего симптоматическим, поскольку он случился за несколько часов до бреда преследования.

> Б..., двадцати двух лет, поступила в 1880 году в отделение доктора Легран дю Солля. *Циркулярное помешательство*, умственная слабость, припадков нет. Приступы угнетения и возбуждения сменяют друг друга через довольно короткие промежутки. Гипестезия всей левой половины тела, радужный стигмат Фере. «Приступы начинаются внезапно ночью, около часу или двух, как, впрочем, у многих циркулярных больных». Первым проявлением нового состояния, в которое она вступает, бывает обычно сновидение. По ее собственным рассказам, когда она переходит от возбуждения к угнетению, ей обычно снится смерть отца. Тогда она просыпается посреди кошмара под действием этой горестной мысли и с этой минуты впадает в уныние. Если же, напротив, она переходит от угнетения к возбуждению, начало опять отмечено сновидением. Но на этот раз сон веселый, и предмет его меняется. Он, по-видимому, связан с обстоятельствами минуты и не имеет того однообразия, какое отличает его в первом случае[7].

[7] Ф. Шаслен, указ. соч. Дисс., Париж, 1887, с. 38.

Это чередование веселых и печальных сновидений, соответствующее подобному же чередованию возбуждения и угнетения, ясно доказывает, что сновидение было лишь отражением органической перемены, совершавшейся *внизу*, в глубине, еще бессознательной наяву, но сознаваемой во сне. Доказательство тому — в следующем наблюдении.

Модсли[8] приводит случай больной меланхолией, приступы которой были перемежающимися и отделялись друг от друга

промежутками здоровья и веселья.

[8] *Патология духа*, франц. пер., 1883, с. 46. Париж, Ф. Алькан.

«Замечательно в ее случае, — говорит этот автор, — то, что неизменно перед каждым приступом ей снилось, что она больна этим приступом, а когда приступ подходил к концу, ей снилось, что она выздоравливает, что она весела и здорова. Эти предзнаменования были так верны, что ни разу ее не обманули. И все же сразу после выздоровления она не чувствовала себя веселее и сил у нее не прибавлялось; напротив, в два-три дня, предшествовавшие концу приступа, она чувствовала себя раздражительнее, так что ее тянуло все крушить; сразу после этого она была истощена, слаба и неспособна ни к какому усилию. Перед приступом у нее всегда были одни и те же признаки пищеварительного расстройства, и никакое лечение, несмотря на многочисленные попытки, не могло ей помочь; язык был красный, больная почти или вовсе не принимала пищи, и у нее был неудержимый понос».

Модсли весьма справедливо добавляет: «Эти признаки, без всякого сомнения, зависели от первичного поражения большого симпатического нерва, за которым быстро следовали мозговые расстройства; и представляется несомненным, что во время сна *мозг ощущал симпатические расстройства*, так что сновидения позволяли предвидеть надвигающуюся беду прежде, чем больная сознавала ее наяву, так же как они позволяли предвидеть выздоровление».

Это спланхническое «я» господствовало над сенсорным «я», заимствуя у него, однако, представления, необходимые для образования печальных или веселых сновидений, предшествовавших приступу или выздоровлению.

Еще одно доказательство того, что душевнобольной, даже выздоровев наяву, не всегда выздоравливает во сне, — то, что у него бывают сновидения, связанные с его помешательством, и это в течение более или менее долгого времени. Макарио[9] говорит об одном маниакальном больном, у которого через неделю после полного выздоровления были сновидения, где вновь появились те же стремительные мысли и бурные страсти его прежней болезни.

[9] Макарио, *Медико-психологические анналы*, т. IX, 1847, с. 27.

Г-н Байярже приводит случай ипохондрика, у которого ощущения, по меньшей мере сильно преувеличенные, на которые он жаловался почти во всех органах, в полусне достигали такой силы, что он особенно страшился минуты засыпания.

Известно, что Эскироль, проводя ночи у постели мономанов, узнавал от своих больных, слушая их во сне, каков предмет их бреда. Род помешательства вызывает род сновидения.

При липемании сон печален и гнетущ, с глубоким и длительным впечатлением. Пробуждение обычно бывает внезапным; оно сопровождается слезами или потом; при мании сновидения странны, беспорядочны, мимолетны; при слабоумии они скоротечны; при ипохондрии они ужасны, сон беспокоен, пробуждение внезапно; при ступоре они смутны, темны, бессвязны и прежде всего печальны. По мнению г-на Байярже, эта форма помешательства будто бы есть лишь долгий и мучительный сон. Больной в ступоре молчалив, неподвижен и почти нечувствителен к внешним впечатлениям, а когда эти впечатления воспринимаются, они будто бы тотчас преображаются и становятся исходной точкой множества сновидений-иллюзий.

Эпилепсия. — Не есть ли эпилепсия проявление глубинного сновидения, оставляющее после припадка мало воспоминаний или почти никаких?

Будучи врачом Бордоского велосипедного клуба, я присутствовал однажды в этом качестве на велосипедных гонках, устроенных на велодроме, который принадлежит этому обществу.

Одного зрителя принесли на пункт помощи: у него только что случился эпилептический припадок. Вдруг, когда больной находился в коматозном состоянии, в нескольких метрах от нас взорвали петарду. Эпилептик вздрогнул, открыл глаза и стал искать, откуда донесся шум. С этой минуты припадок сильно изменился, и больной смог досмотреть гонки до конца.

Известно, что буйные приступы у эпилептиков иногда оставляют некоторые воспоминания, словно поступок был совершен во сне. Среди лиц, которые обращались ко мне, говорит г-н Шарко[10], был один, который в приступе такого рода (эпилепсия с буйством) переломал все у себя в доме. Жена и все домашние разбежались. Разбив все вдребезги, он ушел через поля и исчез. Некоторое время спустя он, к великому своему удивлению, обнаруживает себя в поле; он возвращается домой, не сохранив никакого воспоминания о том, что произошло. И вот он входит в кухню: там все разбито. «Тогда, — сказал он мне, — мне пришло в голову, что мне *снилось*, будто я переломал все в доме, и я действительно в этом убедился, потому что все сказали мне, что виновник всего разгрома — я».

---

[10] Шарко, *Поликлиника Сальпетриер*, Вторничные лекции, 1887–1888, с. 165, 9-я лекция.

Вместе с этим наблюдением следует упомянуть и наблюдение над больным скрытой эпилепсией из Сальпетриер. Уходов у него много; г-н Шарко подробно описывает их в своей *Поликлинике*.

Этого больного вдруг охватывает потребность ходить, которая обычно наступает после минуты усталости или легкого сна; он бегает по Парижу, по окрестностям или оказывается в отдаленном городе. Мало-помалу, поразмыслив, он вспоминает некоторые поступки, совершенные им в состоянии амбулаторного приступа.

Лихорадки. — Всем известна тесная связь между лихорадочным состоянием и образованием сновидений.

Кошмары при брюшном тифе, например, бывают различны, смотря по тому, адинамический он или атаксический.

Как и при других болезнях, сновидения бывают симптоматическими или симпатическими.

> «Однажды ночью, — говорит Макс Симон[11], — когда я лег в состоянии легкого недомогания, мне приснилось, что я в Париже в день народного праздника, среди огромной толпы, с маленьким ребенком, которого мне доверили. На минуту отвлекшись, я замечаю, что ребенок, порученный мне, исчез. Меня охватывает смертельный страх. В тревоге, дрожа, я покрываюсь гусиной кожей. Я просыпаюсь — и действительно меня бьет сильнейший озноб, сопровождаемый настоящей гусиной кожей, которую я отметил в тревоге своего сна. Это было начало приступа лихорадки, который и породил чисто душевное волнение и мысленные образы».

[11] Указ. соч., примечание, с. 61.

Сновидение здесь было непосредственно осязательным — через сокращение гладких мышц кожи, — но лихорадочного происхождения.

> «Наш друг П..., студент-медик, — рассказывает г-н Артиг[12], — попал под ливень в Лоншане. Он вернулся домой промокшим до костей, в плачевном состоянии, дрожа всем телом и с трудом

держась на ногах. На следующий день у него началась лихорадка, принявшая трехдневный тип. Приступ начинался около трех часов пополудни и длился до пяти или шести часов. И вот что неизменно происходило каждый раз. После озноба и периода жара П..., очень утомленный, задремывал, и ему снилось следующее: он находился у подножия горы Валерьен, и ему нужно было взобраться на нее, несмотря на свою крайнюю слабость. Он делал несколько попыток, и каждый шаг давался ему лишь ценой изнурявших его усилий. Наконец, после мучительной усталости, он, разбитый, достигал вершины горы — и тогда просыпался весь в поту. Его приступ достигал стадии потения и кончался вместе со сном. Этот сон повторялся каждый раз, когда возвращались приступы, и больше не появлялся, когда они уступили сернокислому хинину».

[12] Артиг, *Опыт о семиологическом значении сновидения*. Дисс., Париж, 1884, с. 47.

Отметим систематизацию сновидения, всегда одного и того же, возникающего с приступом и прекращающегося вместе с кризом.

Отравления. — Об этом простом параграфе можно было бы написать весьма интересную главу. Известно ведь, каково влияние алкоголя, табака, гашиша, опиума, дурмана и т. д. на образование сновидений.

Каждое из этих веществ вызывает особый строй мыслей. Даже при алкоголизме сновидения от злоупотребления вином уже не те, что вызываются абсентом, пивом или спиртом. Что до спирта, то сновидения различаются между собой в зависимости от того, получен ли он из вина, из картофеля или из зерна. Поле слишком обширно, я намеренно оставляю его, с тем чтобы вернуться к этим исследованиям позднее, в другой работе.

Тем не менее вот интересное наблюдение, сообщенное г-ном Дебакером[13], о ребенке, отравленном алкоголем через кормилицу.

[13] Указ. соч., с. 80.

> Маленькому Альфреду Т... было восемнадцать месяцев, зубы у него резались легко; ни запоров, ни поноса, ни судорог, ни каких-либо осложнений. Уже несколько дней его сон, до тех пор спокойный, становится беспокойнее. Однажды ночью наступают сильные страхи; ребенок, который уже немного говорил, кричит: «*Собачка, вон там! Собачка! Мама!*» Кормилица, спящая рядом с ним, не может его разбудить, даже давая ему грудь, от которой он отказывается... Встревоженные отец и мать поделились опасениями со своим врачом. Тот, зная семью, не нашел причин для этих страхов и, по подозрению, высказанному г-жой Т..., велел обыскать комнату кормилицы. В небольшом сундучке под ее кроватью нашли пять бутылок мадеры и три литра анисовки.

Кормилица призналась, что ей совершенно невозможно обходиться без этих напитков, которые она пила давно. Ее рассчитали, ребенка отняли от груди, и приступы больше не повторялись. Так алкоголизм кормилицы вызывал у ребенка классические сновидения алкоголиков: он видел свою собаку и боялся. Думаю, что этот случай заслуживает известности. Внимание врачей-инспекторов, надзирающих за грудными детьми, следует обратить на сновидения, которые порой могут дать ключ к некоторым загадкам.

Но алкоголь переходит не только от кормилицы к ребенку через молоко: дети *пропитанных* им родителей тоже пропитаны им, если только придавать значение причины и следствия сновидениям, которые они видят. «Они подвержены устрашающим сновидениям, — говорит Дебакер[14], — особый отпечаток которых порой может выдать их истинную природу: животные, собаки, кошки, лошади, львы, блохи, клопы, майские жуки. В других случаях это настоящие кошмары, ощущения

тяжести под ложечкой, со сжатием горла и внезапным пробуждением после крайней тревоги. В ряде случаев бывало, что прозорливый врач распознавал особый характер этих сновидений, не будучи в силах обнаружить их источник у родителей; грудные дети страдали ночными страхами, внезапно просыпались без всякой иной причины, кроме страха, который они выказывали неподвижностью взгляда, силой движений и неистовостью криков».

---

[14] Указ. соч., с. 79.

Отравление свинцом тоже может вызывать особые сновидения. Вот ребенок стекольщика, который имеет обыкновение лепить человечков из замазки. У него запор, по ночам его охватывают ужасные страхи; он встает на ноги и убежал бы, если бы его не удерживали. Проснувшись, он ничего не помнит; ему дают слабительное, он больше не трогает замазку и выздоравливает. Другой принадлежал к семье, которая *первой обживала* только что построенный дом, где еще не просохла штукатурка. У него были страхи, он видел кошек, белых медведей, которые шли к нему, чтобы его съесть: накануне он ходил в Ботанический сад.

Опиум. — Г-жа Х... рассказала мне, что, приняв перед сном несколько капель сиденгамова лауданума, она, уже лежа в постели и с открытыми глазами, увидела множество мышей, которые подходили к ней... Эти мыши собирались крестить одну из своих. Первую из них отправили к г-же Х... депутацией, чтобы спросить, какие обычаи приняты в таком случае. А г-жа Х... через несколько дней должна была держать над купелью маленькую девочку, что сильно ее занимало.

Здесь речь идет о сне с открытыми глазами, о гипнагогической галлюцинации, вызванной опиумом.

Испорченный воздух. — Когда я готовился к экзамену по анатомии, мне часто случалось препарировать после обеда до десяти часов вечера в старом анатомическом зале школы Сен-Ком в Бордо, плохо проветриваемом и находившемся в плачевных гигиенических условиях. Я возвращался домой и ложился в постель. В течение нескольких месяцев мне почти каждую ночь снился один и тот же сон.

Я видел трупы, варившиеся в больших котлах: здесь из кипятка высовывалась рука, там нога или ступня; рядом выступала, гримасничая, иссохшая голова с вылезшими из орбит глазами. Из котла поднимался тошнотворный пар, который заполнял весь зал, окутывал меня жирным туманом и вызывал тошноту. Просыпался я обычно без страха: это был сон, который не вызывал во мне тягостного чувства кошмара. Между тем он вполне мог бы стать кошмаром; для этого было бы довольно, чтобы спланхническое «я» придало ему иное значение. Эти сны прекратились, когда после очень сильных трупных колик, продержавших меня в постели несколько дней, я решил каждый вечер, выйдя из анатомического зала, час гулять перед сном.

Очевидно, мои сны происходили от трупного отравления; спланхническое «я» обращалось к следам памяти сенсорного «я» и создавало сон, всегда один и тот же, так как склад моего ума был обращен к одной главной мысли: к анатомии.

Теллуризм. — Следует ли отнести также к сновидениям от отравления наблюдение Лорана? Я склонен это сделать, принимая во внимание, что аббатство, о котором он говорит, давно было покинуто из-за привидений.

> Лоран, старший хирург полка Ла Тур д'Овернь, рассказывает, что ему пришлось вместе со своими людьми спешно покинуть Пальми в Калабрии, где они стояли на квартирах, чтобы форсированным

маршем двинуться на Тропею. Был июнь, и отряду предстояло пройти пешком около сорока миль. Солнце палило нещадно. Солдатам пришлось ночевать в заброшенном аббатстве, где, по словам крестьян, водились привидения. Люди улеглись вповалку на полу в тесном, душном помещении. Около полуночи они подняли ужасный крик и разбежались. Все они видели дьявола, который в образе черной собаки бросился на них, пробежал у них по груди с быстротой молнии и исчез.

На следующую ночь Лоран и офицеры бодрствовали вместе со своими людьми, потому что иначе те не согласились бы ночевать на том же месте. В час ночи в обеих комнатах сразу снова раздался тот же крик, люди выбежали, опять увидев дьявола. Нечего и говорить, что дьявол не появлялся.

Причинами этого кошмара были мышечная усталость, возбуждение мозга палящим солнцем, но прежде всего спертый воздух и, вероятно, еще присутствие вредных газов теллурического происхождения, которые, должно быть, вызывали подобные же сновидения у прежних обитателей аббатства: отсюда и слава, будто его посещает дьявол.

Вероятно также, что солдаты знали об этом, прежде чем расположиться на ночлег; теллурическое влияние вызвало кошмар, а воспоминание о дьяволе придало ему особую форму.

Паразиты. — Присутствие *гельминтов* в пищеварительном канале может вызывать кошмары.

Г-н С... говорит мне, что видел их все то время, пока *у него был ленточный червь*; они прекратились, как только червь был изгнан.

Кошмары были двух родов: 1) ощущение падения с высоты башни или скалы; 2) сцена убийства. Он видел, как какой-то человек подходит к его постели, чтобы заколоть его кинжалом; он

слышал, как тот крадется. Он ощущал холод клинка и внезапно просыпался.

Г-н С..., который никогда не видел снов до того, как у него завелся ленточный червь, перестал их видеть, как только от него избавился.

Г-на Мутар-Мартена пригласили однажды на консультацию в Нанси к ребенку, больному менингитом с устрашающими сновидениями. Он случайно заметил маленькую корочку за ухом; приподнял ее и увидел ужасающее гнездо *pediculi capitis*. Менингит ребенка был не чем иным, как мозговым перевозбуждением, вызванным бесчисленным множеством этих паразитов, засевших под кожицей волосистой части головы. Ребенок поправился после того, как на выбритое место наложили ртутную мазь, и больше снов не видел.

Наконец, чтобы закончить этот простой обзор сновидений патологического происхождения, упомяну о влиянии слишком развитых привязанностей. Сеннерт сообщает о случае одиннадцатилетней девочки, у которой появились мысли о самоубийстве после сильных страхов во сне, оттого что ее заставили расстаться с двенадцатилетним мальчиком, с которым ее застали родители.

Положение спящего в постели тоже может вызывать сновидения более или менее приятные или более или менее печальные.

Многих мучит кошмар, когда они засыпают на левом боку. Бонне приводит наблюдение над человеком, которого мучил кошмар всякий раз, как он ложился на спину.

Из всего сказанного можно заключить, что различные болезни служат источником особого строя мыслей в сновидениях.

Сновидения эти находятся в прямой связи с функцией пораженного органа.

Сновидения, происходящие от *кровообращения*, вызывают чувство стеснения, зрительные галлюцинации, тревогу, ощущения падения, вид крови и пламени, внезапное пробуждение и т. д. Эти сны мучительны или устрашающи.

Сновидения, происходящие от *дыхания*, вызывают одышку, удушье, стеснение, мысль о погоне, о стене, которая сдвигается и мало-помалу давит, и т. д.

Для *пищеварительного аппарата* это вкусовые образы, призраки, отвратительные сны, ощущение тяжести, тоска. Кишечные расстройства сильно отражаются на нервной системе детей и вызывают ночные страхи.

Сновидения, зависящие от иннервации, различны в зависимости от болезни. При общем параличе в них может проявляться мысль о величии. Наблюдение над больным, приведенное выше, по-видимому, устанавливает, что в сновидениях больных атаксией половые функции еще сохраняются, хотя наяву они угасли.

При истерии сновидения обычно утомительны и ужасны; они могут сильно отражаться на бодрствовании.

При помешательстве сновидения почти сходны с формой душевного расстройства и т. д. и т. д. Итак, сновидение ничего не выдумывает. Лучше, чем наяву, спланхническое «я» ощущает изменения органов или систем, из которых оно состоит; оно обнаруживает их в сновидении.

Это средство диагностики может оказать медицине некоторую услугу; желательно было бы, чтобы вопрос был заново и основательно разобран, ибо во время сна мозг ощущает

симпатические расстройства иначе, чем в бодрствовании, когда он находится в более непосредственной связи с внешним миром.

Глава III. Гипнотический сон

Сновидения чувственного происхождения

Изучив образование сновидений в физиологическом и патологическом сне и установив, что они зарождаются в возбужденном чувственном или спланхническом органе, интересно было изучить *de visu* образование сновидений у человека, усыпленного гипнотически.

Мне выпала редкая удача найти превосходного испытуемого — Альбера. Справедливость требует сказать, что именно он обратил мое внимание на сновидения.

Отличается ли физиологический сон от гипнотического, или они сходны?

Я поставил на этот счет несколько опытов.

Как мы сейчас увидим, образование сновидений в обоих видах сна имеет одни и те же исходные точки; более того, следы памяти одного сна переплетаются с другим, чего, как мне кажется, не могло бы быть, если бы оба сна не были одной природы.

Как и наяву, более сильное чувственное впечатление вытесняет менее сильное. С другой стороны, едва ощущаемое чувственное впечатление может быть усилено другим, более живо испытываемым чувственным впечатлением и возрасти в значении. Одно чувство действует на другое. Так, должно быть, происходит и в физиологическом сне, ибо в обоих состояниях чувственные впечатления сильно усилены.

Прежде чем идти дальше, я должен условиться об одном термине. Альбер, будучи усыплен гипнотически или находясь в

естественном сомнамбулизме, попеременно пребывает в двух совершенно различных состояниях сна.

В первом он видит сны и действует. Органы чувств обладают изощренной чувствительностью: это я назову *состоянием верхнего сна*; во втором он не видит снов и не действует; органы чувств, утратив чувствительность, пробуждаются лишь довольно сильным раздражением: это я назову *состоянием глубинного сна*. Между этими двумя состояниями есть промежуточные ступени, как мы увидим ниже по гипногенной и тормозящей лестницам, созданным внушением.

Опыт 7 августа 1888 года. — Я усыпляю Альбера и, не говоря ни слова, так что он не знает, что я собираюсь делать, подношу к его носу следующие запахи и духи: ирис, лимон, валериану, ваниль, розовую воду, уксусную кислоту, лавровишню, корилопсис, нашатырный спирт.

Он ничего не чувствует, кроме ириса: «Тут где-то варят капустный суп», — говорит он.

Так как обоняние упразднено или, вернее, дремлет, я хочу узнать, восстановит ли или пробудит его раздражение другого органа чувств. Я обращаюсь к осязанию.

Осязание и обоняние. — Я очень слегка обмахиваю веером голову Альбера: он жалуется, что его обдувает очень сильный ветер. Осязательное впечатление, которое он воспринимает, более чем удесятерено. Я подношу к его носу духи.

Ирис. «Дует ветер, и пахнет он нехорошо. Бедный дом! Придется вычистить выгребные ямы». Он пытается опустить заслонку камина, которая уже опущена.

Я перестаю обмахивать и давать нюхать; впечатление дурного запаха держится еще около тридцати секунд.

Валериана без обмахивания. Ничего.

С обмахиванием. Запах гнили.

Альбер снова пытается закрыть камин. «А ведь тянет-то оттуда, — говорит он, потрогав заслонку. — Сюда нельзя впускать чахоточных!»

Я убираю валериану и обмахиваю. Ощущается сильный ветер, но запах исчез.

Одна уксусная кислота. «Ай! ай! какой дурной запах, пахнет гнилой капустой!»

Уксусная кислота и ветер. «Какая вонь! Меня от этого стошнит».

Один корилопсис. «Это другое дело. Такими духами душат платки. — Так вы чувствовали дурной запах? — спрашиваю я. — Да нет». Забвение наступило мгновенно.

Корилопсис и ветер. Обонятельное впечатление, сначала усиленное осязательным, упраздняется этим последним, как только я обмахиваю сильнее.

Один нашатырный спирт. «Пахнет не слишком хорошо», — говорит Альбер.

Нашатырный спирт и ветер. «Это невыносимо, я больше не могу. Какой запах! Какой ветер! Я простужаюсь (он сморкается). Я уже по меньшей мере *двадцать раз* вытаскивал платок из кармана». (Альбер высморкался всего два раза.)

Дым папиросы. Он думает, что горит; он ощупывает себя, роется в карманах, осматривает мою одежду и говорит мне: «Вы горите».

Осязание. — Альбер лежит на моем диване, обнаженный до пояса; я брызгаю на него с кончика пальца несколько капель воды. Ему тотчас снится, что он тонет. Он зовет на помощь, но очень слабо, хотя думает, что громко кричит. Он задыхается, барахтается, сцена утопления полная. Я прекращаю ее отрицательным внушением.

Щекотание лба. «Эти мухи невыносимы; как вы можете работать при таком сильном ветре и стольких мухах! — Так вы видите мух? — Нет, но я их чувствую». Он пытается бить их у себя на руке. «Странно, что они налетели все разом». Тем не менее он легко переносит щекотку.

Щекотка и ветер. «Какой ветер! сколько мух, сколько блох! Все тело искусано! По мне муравьи ползают!» Он чешется и сильно хлопает себя по ногам. Он видит на полу клочок бумаги, хватает его; думая, что это муха, давит его ногой. «Эта больше не укусит», — восклицает он.

Я перестаю щекотать и обмахивать и жду, украдкой бросив на пол несколько клочков бумаги. Альбер нагибается и подбирает их. Я спрашиваю, что у него в пальцах: «Это клочки бумаги», — отвечает он.

Я снова щекочу и обмахиваю. Новая борьба с мухами. Обращаясь к клочкам бумаги: «Ах вы, гадкие твари, погодите!» Он вынимает платок и хлопает по ним.

Я перестаю, Альбер спокоен.

Через минуту я слегка кладу палец ему на лоб. Альбер ощущает, будто голову ему сжимает железный обруч. Я кладу палец на кончик его носа: нос у него словно в тисках. «Мой нос! мой нос!» — восклицает он. Я убираю палец, впечатление держится еще пятнадцать секунд.

Тот же опыт с ухом, которое, как ему кажется, зажато; та же продолжительность впечатления.

Мой палец, положенный ему под подбородок, вызывает у него ощущение перекладины, которая ощутимо сдавливает ему шею; он не может больше говорить, давится, задыхается. Я убираю палец: Альбер глубоко дышит, он чувствует большое облегчение.

Я кладу палец *ему на затылок*. «Меня бьют палкой по шее», — восклицает он.

Между глаз. На лбу у него большая тяжесть, он принимает страстную позу; в ушах у него свистит.

На правое колено. Ощущение перекладины, которая вонзается в ногу; крики боли, онемение ноги и стопы. Альбер встает и с трудом идет; он волочит правую ногу. Это состояние длится десять секунд, по истечении которых он больше ничего не помнит и боли не чувствует.

На оба колена сразу. То же явление; он объясняет эту усталость слишком долгим сидением.

На правый локтевой отросток. Онемение руки. Альбер не может удержать предмет, который я ему даю; он роняет его на пол. То же ощущение, как если бы он ушиб локтевой нерв. Тот же опыт, повторенный на правом и левом плечах, на стопах и т. д., дает то же ощущение тяжести. На груди он испытывает боль в области сердца, словно железная перекладина лежит на желудке; на сердце — очень сильную боль, колотье в боку, куда он прикладывает руки.

Я повторяю все эти опыты с надавливанием, сопровождая их легким обмахиванием.

При надавливании на плечо, подбородок, локоть, затылок, лоб между глаз, грудь он чувствует только боль от давления *и не чувствует ветра*. При надавливании на большой палец ноги, большой палец руки, ухо, колено, сердце он испытывает боль и чувствует ветер.

Повязка на глазах. Альбер думает, что находится в сыром погребе. Он зовет на помощь, но очень слабо, думая, что кричит очень громко. Шум, который он производит, должно быть, для него усилен, как и все шумы, которые он слышит. Я заставляю его

встать. «Ай! — восклицает он, — я задеваю потолок». Я снимаю повязку, тогда он говорит мне, что его заперли в погребе, где он страдал. *Но это был только сон*; голова у него, однако, болит.

Осязание и слух. — Я слегка провожу пальцем по бокалу для бордо; он издает едва слышный хрустальный звук. Альбер внимательно слушает и поет. Страстная поза.

Я даю ему легкий щелчок по голове. Он быстро подносит к ней руку, думает, что об нее только что разбили стекло; нежный звук бокала превратился в *гул*, раздирающий ему уши. Это ощущение держится несколько секунд, потом он снова принимает страстную позу. Через мгновение он говорит мне: «У нас будет хороший урожай в этом году. — Почему? — Разве вы не видите этот прекрасный виноград? Я бы с удовольствием его поел. — Вот вам ягодка», — говорю я, протягивая ему кусочек сахара. Он берет его, ест и выплевывает, поморщившись, потому что *это кислый незрелый виноград*. Через десять секунд он говорит мне, что виноград, который он только что съел, *был сладок как мед*.

Через несколько секунд я снова провожу пальцем по *ликерной рюмке*. Альбер говорит, что слышит пение цикад. Он рассказывает о Ландах и о жаре, которая стоит там летом.

Я даю легкий щелчок. «Это уже не пение цикады, — говорит он, — это раздражающий шум, от которого у меня болят уши. Что это у вас такое?»

Малейшие звуки и шумы сильно усилены. Так, у него страшно болит голова, когда я совсем тихо трублю в рожок, а легкое потрескивание веера из листа латании, которым я машу над его головой, превращается в шум сильно раскачиваемой ветки дерева. Треск восковой спички превращается в удар грома.

Орган слуха у Альбера, как, впрочем, и почти у всех людей, усыпленных гипнотически, наиболее восприимчив к внушению. Слуховое впечатление сильнее любого другого чувственного

впечатления. Случай устроил так, что несколько раз под моими окнами проходил гармонист, когда Альбер был усыплен и подвергался различным опытам. Едва он слышал первые звуки, он мне больше не принадлежал и, смотря по тому, был ли мотив веселым или грустным, смеялся или плакал, подбирал к мотиву, который слышал, живой или трогательный романс, служивший исходной точкой для нового строя мыслей.

Зрение. — Я ставлю синим карандашом на белом листе точку; в ней 0,002 миллиметра в диаметре. Я показываю ее Альберу и прошу воспроизвести ее такой, какой он ее видит, на другом листе бумаги, который я ему передаю. Он рисует карандашом кружок 0,030 миллиметра в диаметре. Я даю ему посмотреть на ту же точку в слабо выпуклую лупу; тогда он рисует круг 0,110 миллиметра в диаметре.

Альбер в гипнотическом сне видит крупнее, чем наяву. Лист, который я ему дал, он принимает за мишень для стрельбы. Он удивлен, что я не попал в такую крупную точку. Я даю ему лупу, он смотрит: ему кажется, что перед ним мишень огромных размеров.

Мышечное чувство. — Известно, какое влияние оказывает положение мышц на образование мыслей у людей, усыпленных опытным путем. Придайте рукам положение для бокса — и испытуемый станет боксировать; для фехтования — и испытуемый станет фехтовать, и т. д. и т. д.

Я усаживаю Альбера и укладываю его правую ногу так, чтобы, сильно подогнутая, она оказалась в утомительном положении и через мгновение онемела. Вскоре Альбер считает себя калекой. «Вот уже полгода, — говорит он, — как он не может владеть ногой; он чувствует в ней покалывание до самых кончиков пальцев. Придется мне ее отрезать, раз она ни на что не годна, — говорит он. — Пусть так», — говорю я ему и изображаю ампутацию своим карандашом.

Альбер вскрикивает; он хватается руками за бедро, ноги у него больше нет. «Однако любопытно, — говорит он, — я все еще чувствую ступню, а ее у меня нет. Один человек с деревянной ногой говорил мне, что все равно чувствует свою ступню: должно быть, я испытываю то же ощущение».

Альбер на несколько секунд погружается в глубинный сон, после чего возвращается в верхний сон и говорит мне, что ему «снилось, будто ему отрезали ногу и он страдал; вот уже *два или три дня*, как мне снится одно и то же».

Я ставлю Альбера перед дверью, правую руку прикладываю к филенке, пальцы сложены, словно он держит карандаш, — и Альбер красит дверь, время от времени обмакивая кисть в горшок с краской.

Я кладу обе его руки ладонями на живот, и тотчас у него колики, он расстегивается, так как испытывает сильную нужду.

Я укладываю его на спину, руки скрещены на груди: он плачет, он сейчас умрет, он хочет увидеть жену, прежде чем уйти навсегда.

Я кладу его левую руку на сердце и вытягиваю правую руку вперед: он запевает патриотическую песню, думая, что стоит на сцене.

Половые органы. Наблюдения над Альбером позволяют мне сказать, что эротические сновидения можно создавать опытным путем. Красноречивая судорога не оставляла никаких сомнений в природе сновидения, совершенно психической, ибо физиологические явления всегда отсутствовали.

Сновидение чувственного происхождения без внушения. Опыт 20 апреля 1889 года. — Я усыпляю Альбера и оставляю его на стуле.

Я не произношу ни слова; я наблюдаю за ним, желая узнать, что он будет делать. Он начинает рассказ об одном из своих

путешествий, потом умолкает и погружается в глубинный сон. Время:

9 ч. 21 мин. утра. — Голова его падает на плечи, как в физиологическом сне; он мало-помалу сгибается; он храпит.

9 ч. 28 мин. — Он слегка шевелится, ищет положения, чтобы лучше спать; вероятно, его преследует какая-то мысль, потому что он поднимает правую ногу и качает головой, как бы говоря, что так не годится.

9 ч. 30 мин. — Он поднимает голову, глаза почти закрыты. Он видит на моем камине никелированный портсигар в виде коробочки, открывающейся нажатием пружины; он упорно смотрит на него, пытается взять, снова кладет руку в карман, опять смотрит на него, *отчаянно борется с собой, прежде чем совершить кражу*.

9 ч. 33 мин. — Снова глубинный сон, длящийся пять секунд. Верхний сон, новая попытка украсть портсигар. *Явная борьба.* Он приближает голову к предмету, наконец касается его — глубинный сон. Снова верхний сон от шума проезжающего по улице экипажа; он трогает пол, чтобы узнать, откуда идет ощущаемое сотрясение.

9 ч. 37 мин. — Снова глубинный сон. Почти мгновенно верхний сон. Он видит на полу клочок розовой бумаги; подбирает его, рассматривает и украдкой кладет в карман. Во время глубинного сна я подкладываю вместо розовой бумаги клочки белой.

9 ч. 39 мин. — Верхний сон. Он видит белые бумажки, подбирает их, рассматривает и держит в руке. Должно быть, ему что-то снится, потому что лицо его выразительно меняется. Он смеется, часто поглядывая на бумажки, которые держит в руке.

9 ч. 42 мин. — Он нюхает их, ощупывает, сжимает, скатывает в шарики; наконец кладет один в рот, а другой пытается засунуть в

туфлю, но, не сумев его туда просунуть, затыкает им, как тампоном, правое ухо.

Я украдкой роняю на паркет лист белой бумаги, на котором крупными штрихами нарисовал *красным карандашом* человеческий профиль. Он видит бумагу; нагибается, чтобы потрогать ее, толкает ее ногой, потом засовывает указательный палец в рот, чтобы убедиться, что бумажный шарик все еще там.

Он возвращается к портсигару, который решительно хочет присвоить; он снова борется с собой, наконец хватает его, пытается открыть. Портсигар и в самом деле вдруг открывается. Альбер мгновенно его бросает, он испуган, дрожит, хватается руками за голову; мимика его поразительна. Однако он снова смотрит на портсигар, пытается его закрыть, это ему удается, и он ставит его на место, как человек, который прячется; он радостно потирает руки. Но бумажный тампон во рту, должно быть, мешает ему, потому что он его выплевывает. Сжимание рук, протирание глаз, как у человека, который просыпается. Он видит на полу белую бумагу с красным профилем; с интересом рассматривает ее, пытается схватить нос, хлопает по лицу, словно хочет кого-то разбудить, начинает плакать. Потом, обращаясь к профилю, восклицает: «Eh! Lasmal! hopp!..» Он говорит несколько слов по-немецки, спрашивая профиль, спит ли тот. «Eh! Lasmal! hopp!» — и вдруг давит лицо каблуком.

10 ч. — Он складывает руки крестом перед собой, словно его заковывают. Лицо его становится печальным; должно быть, ему снится, что его судят, потому что он берет из кармана розовую бумажку и отдает ее, вероятно, какому-то судебному следователю, которого видит во сне, потом встает и прижимается к стене в углу моего кабинета. Через минуту он стучит ногой в стену: «Сторож, — восклицает он, — мне надо помочиться, сторож!..» — и корчится. Я открываю дверь кабинета. Альбер, который знает

расположение дома, идет в уборную, находящуюся на площадке; он справляет нужду, возвращается в мой кабинет и садится на диван.

10 ч. 8 мин. — Он зовет меня по имени. У него болят ноги.

«Вам что-нибудь снилось? — спрашиваю я.

— Я не спал». Альбер по-прежнему усыплен гипнотически (верхний сон).

«Вы не видели блестящего предмета?»

Он вспоминает. И правда, говорит он мне, он нашел ценную бумагу, потом золотую шкатулку (портсигар), но его выдал слуга (профиль). *У того были рыжие волосы*; он застал его, когда тот подбирал ценную бумагу. Пришла полиция; его посадили в тюрьму в Майнцской цитадели. Шкатулка, открываясь, произвела страшный шум. Что до слуги, тот притворялся спящим, он с ним расправился, убил его ударами каблука башмака по лицу. Его арестовали почти тотчас; на запястья ему надели цепи; в тюрьме ему очень захотелось помочиться, потом его привели обратно ко мне. «Почему же ко мне, раз вы были в тюрьме в Майнце? — спрашиваю я его. — Должно быть, я спал», — отвечает Альбер. Потом он рассказывает мне, что прошлой ночью ему снилось, будто он присутствовал на публичном сеансе гипнотизма; все уснули. «Я проснулся очень удивленный, — добавил он, — и рассказал свой сон жене; потом снова уснул, и тогда мне приснилось, что я украл шкатулку, что меня посадили в тюрьму и т. д.» Альбер рассказывает мне сон, который только что видел, и относит его к предыдущей ночи, когда ему действительно снился гипнотический сеанс, — ведь, придя ко мне в кабинет, он рассказал мне тот сон. Я его бужу. Забвение сна.

Гипногенная лестница, созданная внушением. Опыт 23 апреля 1889 года. — Я усыпляю Альбера; я хочу узнать, что он будет делать, переходя *от бодрствования ко сну*; для этого я читаю ему следующее внушение: «Вы уснете, когда я нажму вам на большой

палец правой руки; однако вместо того, чтобы уснуть так, как вы засыпали до сих пор, вы пройдете через все состояния сна, которые предшествуют вашему обычному сну в постели. Всякий раз, как вы перейдете в другое состояние, вы предупредите меня либо *голосом*, либо *подняв левую руку*, если уже не сможете предупредить голосом». Я бужу Альбера.

9 ч. 50 мин. — Я нажимаю на большой палец правой руки.

9 ч. 51 мин. — «Глаза у меня закрываются, — говорит Альбер. — Палец! ноги! Я засыпаю, чувствую большую слабость в ногах». Голос слабеет.

9 ч. 53 мин. — Я зову его, он не отвечает.

9 ч. 54 мин. — Новый зов. Он мог бы предупредить меня голосом, но стучит по моему столу левой рукой. Сон его глубже.

9 ч. 55 мин. — Я снова зову. Он опять стучит. Он делает усилие, чтобы заговорить; он бормочет: «Я сплю». Язык у него заплетается.

9 ч. 56 мин. — Полукоматозное состояние. Он храпит, слюна течет ему на жилет.

9 ч. 59 мин. — Он не слышит моего зова.

10 ч. — *Я его встряхиваю.* Почти тотчас ему что-то снится: «Вот уже три часа, — говорит он, — как я заперт тут, в Туре, у меня нет билета. Да, господин полицейский комиссар». И тогда он делает вид, что подписывает бумагу. Очевидно, ему снится, что он подписывает протокол допроса.

10 ч. 5 мин. — Я бужу его надавливанием на третий остистый отросток грудного отдела позвоночника (тормозящая зона, созданная внушением). Пробуждение. Забвение всего, что сейчас произошло.

10 ч. 7 мин. — Я снова его усыпляю. Я спрашиваю, что ему снилось; он отвечает, что не спал и снов не видел. «Однако вы что-

то подписали. — Нет. — Вокзал в Туре! — Верно. Вокзальный комиссар составил на меня протокол за то, что я сел в поезд без билета. Я подписал допрос. Меня будут судить в исправительном суде, я жду повестки». Я его бужу.

Тормозящая лестница, созданная внушением. Опыт 24 апреля 1889 года. — Я повторяю опыт предыдущего дня, но в обратном направлении, то есть *от сна к бодрствованию*. Я внушаю усыпленному Альберу, что он уснет глубоко, как в обычном сне, потом будет просыпаться мало-помалу, постепенно, и будет сообщать о каждой перемене состояния либо стуком руки, либо голосом.

Я его бужу.

9 ч. 50 мин. — Нажатие на большой палец.

9 ч. 52 мин. — Сон установился глубинный. Кожа нечувствительна; он храпит. Он не отвечает, когда я его зову.

9 ч. 54 мин. — Он хлопает левой рукой. Я его зову; ответа нет.

9 ч. 54 мин. 30 сек. — Он стучит левой рукой по моему письменному столу. Я его зову; он тихо мне отвечает и мало-помалу поднимает голову.

9 ч. 55 мин. — Он слегка вздрагивает на стуле и живо стучит рукой.

9 ч. 56 мин. — Он тихо говорит мне: «Я просыпаюсь. Помогите! Боже мой! Море! Это ветер, буря поднялась!»

9 ч. 57 мин. — Лицо его проясняется. Он очень хорошо слышит мой голос, но не просыпается.

9 ч. 58 мин. — Зевота. Руки двигаются так, словно он гонится за какой-то мыслью.

9 ч. 58 мин. 30 сек. — «Я выбираюсь наверх», — говорит он. Он снова стучит рукой.

9 ч. 59 мин. — Альбер встает. «Откуда же вы выбираетесь? — спрашиваю я. — Из вашего погреба».

10 ч. — Зевота. «Нехорошо так тяжело спать. У меня болит голова. Пойду умоюсь, а потом на работу».

10 ч. — Он стучит рукой и говорит мне, что головная боль у него *опускается* в желудок: он слишком долго спал. Сейчас 10 часов (это верно). Тогда начинается долгий кошмар. «Придется есть мертвецов, до чего же это скверно!» Его тошнит. «Ах, беда! Вкус мягкого мяса! Когда умираешь с голоду, бросаешься на все. Мы три дня ничего не ели! Это я ее отрезал. Но мясо мертвеца отравляет! Я пил масло и молоко». Он плюет, его мутит. «Сколько народу идет еще взять себе! Не трогайте, для вашей же пользы: у нее в печени были черви». (Головная зона болезненна.) Он думает, что теперь съедят его самого. «Шкура у меня жесткая, тем хуже для вас!» Он плачет. Он узнает двух сутенеров. «Вот главный комиссар, он их сейчас арестует. Нет! нет! На помощь! Они теперь душат комиссара!» Тут большая сцена борьбы, в которой он принимает участие, чтобы спасти комиссара. Он встал и сражается у меня в кабинете с существами, которых видит во сне. Потом вдруг останавливается. «Сколько крови! Какая резня! Какая ночь, какие тучи крови! Я стою во весь рост на всех этих трупах! Ну вот, врачи относят ногу комиссара к Большому Перо. Я не могу идти!» Он подносит руку к голове: голова у него сильно болит.

10 ч. 18 мин. — Я считаю нужным остановить кошмар, потому что Альбер страдает. Я говорю ему только: «Ну что?» Он снова стучит. Он думает, что находится в Женеве.

10 ч. 20 мин. — Он и рад бы открыть глаза, но не может. У него болит голова, он думает, что не спит.

10 ч. 20 мин. — «Ну что?» — говорю я ему снова. Он делает большие усилия, чтобы проснуться, но не может; лицо у него

отупелое. Однако он вдруг просыпается, зевает, потягивается и снова засыпает.

10 ч. 24 мин. — (Верхний сон, гипнагогический.) Он хочет уехать в Швейцарию. Он встает и берет свою фуражку. Он показывает мне, какой дорогой поедет и через какие города. Совершено преступление, ему надо уезжать. Мне приходится его удерживать. Вдруг — глубинный сон. Я уже отмечал по этому поводу, что Альбер погружался в глубокий сон, после того как совершал какое-нибудь действие, требовавшее от него известного мышечного или душевного усилия.

10 ч. 30 мин. — Он просыпается (верхний сон, гипнагогический) и думает, что находится в Швейцарии. Он просит меня написать *для г-на Тисье* письмо, которое объяснит его жене его уход.

10 ч. 36 мин. — Я нажимаю на тормозящую зону (остистый отросток): Альбер просыпается, но снова засыпает. Голова у него все еще болит. Новое нажатие: новое пробуждение, за которым следует новый сон. Нажатие на тормозящую зону, отвечающую гипнотическому состоянию, не будит Альбера, потому что он находится в гипнагогическом сне. Тогда я нажимаю на большой палец правой руки (гипногенная зона), и Альбер переходит из гипнагогического сна в гипнотический. Тогда я нажимаю на тормозящую зону, и он легко просыпается.

Внушение пробуждения, вызываемого нажатием на тормозящую зону, обращено было к гипнотическому состоянию, а не к гипнагогическому. Сновидение никогда не возникало у Альбера в глубинном сне. Впрочем, так бывает и в физиологическом сне — или, по крайней мере, это принято считать верным. Опыт подтверждает теорию. Итак, из всего сказанного можно заключить, что образование сновидений подчинено одним и тем же законам и в физиологическом, и в гипнотическом сне.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВЛИЯНИЕ СНОВИДЕНИЙ НА МЫШЛЕНИЕ И НА ПОСТУПКИ, СОВЕРШАЕМЫЕ ВО СНЕ И НАЯВУ

✦

Глава I. Влияние сновидений на поступки, совершаемые во сне

Поступки, совершаемые во сне, вызываются галлюцинаторным или сомнамбулическим состоянием.

Галлюцинация, возникающая во сне, есть форма сновидения, которую я оставляю в стороне, чтобы заняться лишь самим сновидением — вполне определенным физиологическим сновидением, которое по своей силе может стать патологическим в отношении поступков, которые оно вызывает. Это сновидение бывает порой так сильно, что может дать начало галлюцинациям через объективацию мысли. «Обыкновенные галлюцинации, — говорит Байярже, — всегда имеют исходной точкой непроизвольную работу памяти и воображения и не могут быть вызваны прямо усилием размышления». Мы увидим, что у Альбера галлюцинация вызывается именно силой следа памяти, вдруг приобретающего большое значение.

Гипнагогическое состояние благоприятно для галлюцинаций; они могут длиться часть ночи и прекращаться утром. Так, одна женщина в полусне слышала шум в камине и не хотела спать, боясь, что ее застанут врасплох. Утром шум прекращался. Его никогда не бывало, когда она совсем просыпалась, когда, например, садилась в постели и звала свою собаку[15].

[15] Байярже, *Галлюцинации в состоянии, промежуточном между сном и бодрствованием*, набл. VII.

В других случаях галлюцинация, вызванная сновидением, так сильна, что влияет на чувственные впечатления.

Г-н Поль Дюпюи сообщает следующий факт[16]:

[16] Поль Дюпюи, *Психофизиологический этюд о сне*, с. 21.

> *19 января.* Сегодня утром, в полусне, в полупробуждении, я вдруг вижу себя перед противником, который стоит напротив меня с рапирой без наконечника в руке. Я делаю выпад и получаю укол в середину живота. В месте удара я испытываю отчетливое, но очень слабое ощущение и в то же время гораздо более ясное чувство силы, которая резко меня опрокидывает.

По Мори, гипнагогическая галлюцинация в некоторых случаях есть воспроизведение мысли, поразившей ум за несколько мгновений до наступления сна[17].

[17] Указ. соч., с. 68.

Вот наблюдение, подтверждающее эту теорию; я обязан им юноше превосходного здоровья.

Л..., семнадцати лет, ученик Бордоского лицея, участвует в велосипедной гонке. Он долго тренировался со своими друзьями и соперниками и рассчитывал на победу.

Он приходит вторым. Напряжение его духа было очень велико на протяжении всей гонки, потому что он хотел обогнать соперника, ехавшего на трехколесном велосипеде.

Вечером, едва он закрыл глаза в постели, как видит перед собой трехколесный велосипед своего друга, и картина гонки отчетливо встает перед его взором. Велосипед имел голубоватый оттенок, который придает блеск колес, вращающихся с большой

скоростью. В то же время Л... сгибается, наклоняется, свешивается набок и двигает ногами в постели, словно он на треке. Брат, который спит с ним, спрашивает, что с ним. Л... открывает глаза; он отвечает, что крутит педали. Он думал, что не спит (гипнагогический сон). Он снова закрывает глаза, и тотчас возвращается та же галлюцинация с теми же движениями. Брат снова окликает его; то же пробуждение, тот же ответ. Так продолжалось всю ночь, и брат Л... не мог уснуть. Галлюцинация возвращалась почти тотчас, как только Л... закрывал глаза.

Это явление очень часто у велосипедистов; я упоминал о нем в другом месте[18]. Оно бывает и наяву, но слабее.

[18] *Гигиена велосипедиста*. Париж, Доэн, 1889.

В первый раз, когда я сел на велосипед, я проехал 30 километров. Весь день я чувствовал в ногах, *когда сидел*, два вполне отчетливых толчка, четко ритмичных, сообразно движению педалей, которому мои ноги следовали несколько часов. Это впечатление держалось лишь один день; на другой день, когда я снова совершил поездку, мои приученные ноги следовали за педалями автоматически, тогда как накануне добрая часть моего внимания уходила на то, чтобы не упустить их.

Известно наблюдение над немецким крестьянином, который, проснувшись среди ночи, ударил топором призрак, вставший, как ему показалось, перед ним; так он убил свою жену, которую всегда любил. Ни до того, ни после он не обнаруживал никаких признаков помешательства. Судебные врачи заявили, что убийство, должно быть, было совершено в состоянии, промежуточном между бодрствованием и сном[19].

[19] Байярже, *О влиянии состояния, промежуточного между бодрствованием и сном, на возникновение и течение галлюцинаций* (*Медико-психологические анналы*, 1845, т. VI, с. 1).

Этот человек действовал под влиянием гипнагогической галлюцинации, находясь в сомнамбулическом состоянии. В самом деле, простые гипнагогические галлюцинации очень часты; но в таком случае галлюцинирующий не действует, он лишь видит, как перед его глазами проходит то или иное лицо, или слышит тот или иной звук: это первая степень. Но стоит ему дойти до второй — и тогда к работе органов чувств присоединяется работа мышц. То, что мы знаем о влиянии мозговой работы на передвижение, позволяет нам понять механизм второй степени — сомнамбулизма.

Действует сенсорное «я» под влиянием представления чувственного происхождения, достаточно сильного, чтобы возбудить мышечное волокно.

Но наряду с этими вполне известными видами галлюцинаций существуют другие, еще более интересные: я имею в виду галлюцинации спланхнического «я», в которых сценой владеет представление органического я.

Мы знаем, что во сне связь между психическими центрами и работающими внутренними органами теснее; различные впечатления, которые эти органы откладывают в мозгу, обнаруживаются отчетливее: малейшее сердцебиение, более сильное, чем предыдущее, ощущается лучше; малейшая работа кишечника усилена и т. д. Именно благодаря этому явлению некоторые врачи смогли распознать скрытую болезнь, которую выслушивание еще не позволяло обнаружить.

«Спланхническое «я»» может иметь галлюцинации.

Вот весьма интересное наблюдение, которым я обязан чрезвычайной любезности адъюнкт-профессора г-на Арнозана.

> Г-н Х..., лет сорока, служащий табачного управления, испытывает однажды ночью внезапный приступ удушья, по поводу которого

приходится провести довольно сложное лечение (горчичники, вдыхание эфира и т. д.). Случай не оставляет у больного иного следа, кроме *очень сильного впечатления*. Несколько недель спустя он едет в Бордо и вечером прибывает в гостиницу, где встречает нескольких членов своей семьи, которым назначил там свидание. Он проводит с ними вечер, по-видимому, в добром здоровье, и ложится спать, не обнаруживая ничего особенного. Около полуночи он встает, зажигает свечу и идет в комнату одного из родственников, жалуясь, что задыхается, и настойчиво прося *облегчить* ему дыхание. Но этот родственник, видный врач, не находит ни со стороны функций, ни при выслушивании стетоскопом ни малейшего расстройства. Голос ясен и естествен, дыхание полное и неторопливое. Доктор Б... назначает безобидное лечение, уверяет больного, что ему нечего бояться, отводит его в его комнату, снова укладывает и мало-помалу успевает его успокоить и усыпить. Остаток ночи проходит без новых происшествий. Утром г-на Арнозана приглашают вместе с доктором Б... к г-ну Х... Не находят ни поражения сердца, ни поражения легких. Исследованная моча не содержит ни белка, ни сахара. Впрочем, в эту минуту г-н Х..., у которого дыхание и пульс совершенно нормальны, нисколько не жалуется на удушье. Он очень спокоен, *но забыл, что находится в Бордо, забыл свой вечер в гостинице и ночное происшествие*. Он не может объяснить себе присутствие г-на Арнозана и тревогу своей семьи.

Так как язык слегка обложен, назначают солевое слабительное, которое тотчас дают.

После полудня воспоминание о поездке в Бордо и о вечере вполне отчетливо вернулось. Г-н Х... по-прежнему не помнит ни того, что ему казалось, будто он задыхается, ни того, что ночью он выходил из своей комнаты и искал помощи.

На другой день он возвращается домой здоровым (апрель 1889 года).

Итак, г-н Х... в течение двух ночей, с промежутком в несколько недель, испытывает два приступа удушья; *первый производит на него очень сильное впечатление*, второй он совершенно забывает. Ничего ненормального, никакого функционального расстройства, которое могло бы объяснить это явление; значит, все здесь мозговое, все происходит в психических центрах, ибо если бы приступ был действительно бульбарного происхождения, одышка была бы явной.

Г-н Х... думает, что не может дышать, потому что у него галлюцинация спланхнического порядка. Нужно заметить, что первый приступ, испытанный в действительности, произвел на г-на Х... очень сильное впечатление. Неудивительно, что через оживление памяти и во сне это тягостное воспоминание вернулось и вызвало мнимый приступ, спланхническую галлюцинацию. Тем не менее я поставлю здесь вопросительный знак и сделаю все оговорки в отношении диагноза. То, что мы знаем о сновидениях патологического происхождения, позволяет нам спросить себя, не идет ли речь о складывающемся бульбарном поражении, которое и вызвало первый приступ одышки. То, что второй приступ был забыт по пробуждении, составляет состояние ночного сомнамбулизма, ибо галлюцинация была *пережита*. У г-на Х... была ночная сомнамбулическая галлюцинация спланхнического порядка. Я считаю этот случай очень редким, его очень интересно отметить. Я не буду говорить об обычном сомнамбулизме: факты слишком известны, чтобы их приводить. Сомнамбул встает ночью, совершает поступок, который ему снится, и просыпается наутро, все забыв. Это деятельное ночное сновидение.

Существует ли дневной сомнамбулизм? Может ли человек увидеть во сне поступок и совершить его не ночью, а в течение

следующего дня, и притом во сне?

Такой случай существует. Школа Сальпетриер его не признает. Г-н Шарко относит его к скрытой эпилепсии. «Существует, — говорит он, — естественный дневной сомнамбулизм, явление истерическое. Речь идет о больных, которые после припадков вступают в амбулаторный период, кончающийся другим припадком; эти больные возбуждены и скорее похожи на бредящих эпилептиков[20]».

[20] *Поликлиника Сальпетриер*. Вторничные лекции.

Мне неизвестно, чтобы Альбертина М..., один из уходов которой описал мой друг доктор Дишас[21], страдала эпилепсией. Многие из нас ее знают и не раз видели в отделении профессора Питра. У этой женщины бывают иногда истерические припадки, которые заставляют ее уходить из дому и бродить куда глаза глядят. Но приступ наступает почти внезапно; она засыпает, она уходит, подгоняемая не сном, который только что видела, а самим припадком. Припадок прекращается вдруг.

[21] Д-р Дишас, *Исследование памяти в ее отношениях с гипнотическим сном*. Дисс., Бордо, 1887, с. 34.

Еще недавно на Конгрессе душевной медицины г-н Ж. Вуазен представил работу на ту же тему[22]. Факт, следовательно, хорошо известен. Это истерия с амбулаторным проявлением, но не дневной сомнамбулизм.

[22] Ж. Вуазен, *Бессознательные бегства у истерических больных* (*Конгресс душевной медицины* [Париж, вечернее заседание в понедельник 5 августа] и *Медицинская неделя*, 1889, с. 291, стб. 2).

Случай в клинике позволил мне изучить это явление на Альбере. Он послужил главным наблюдением для моей докторской диссертации[23]. Так как подобный случай не был известен, мне

пришлось создать для него особый класс под рубрикой *Плененный*.

---

[23] *Душевнобольные странники*. Дисс., Бордо, 1887.

Этот больной слышит *наяву* разговор о какой-нибудь стране или городе, которые стоило бы повидать; *ночью ему это снится, и на следующий день, почти всегда утром*, он отправляется в эту страну или в этот город. В других случаях довольно сна, ничем не вызванного, чтобы он бросил семью и свои дела. Тогда он находится в состоянии дневного сомнамбулизма, которое длится от одного до восьми и десяти дней и даже дольше.

Он два или три раза обошел Францию; он дважды дезертировал. Он побывал пешком в Бельгии, Голландии, Германии, Швейцарии, Австрии, России, где его чуть не повесили как нигилиста, в Турции и Алжире. За последнее дезертирство его приговорили к общественным работам; он перебывал во всех больницах и во всех тюрьмах Европы. Новый Агасфер, он идет, сохраняя в состоянии приступа чувство направления, но почти ничего не ест и проходит пешком до 70 километров в день. Этот бедняга только что поступил после одного из своих уходов в больницу Сент-Андре в Бордо, когда я увидел его впервые, однажды утром в июле 1886 года.

Альбер в двенадцать лет упал и ударился головой и с этого же времени начал свои уходы.

Он закоренелый онанист. Сновидениям у него всегда предшествуют прилив крови к голове и более или менее сильная головная боль, которую иногда рассеивает ходьба. Когда прилив случается ночью, сновидение становится настолько сильным, что *берет Альбера в плен*.

Г-н Шарко, видевший этого больного, называет его «оригиналом».[1] «Нам остается рассмотреть последнюю категорию, — говорит он, — тот класс больных, которых Тисье из Бордо назвал „душевнобольными странниками“. Один из них — оригинал, которого вдруг одолевает мысль поехать посмотреть какой-нибудь город, и он отправляется туда каким угодно способом; другой и т. д.». Оригинальность, доведенная до такой степени, становится патологическим случаем. Впрочем, вот продолжение наблюдения из моей диссертации, ибо мне выпала редкая удача изучать этого больного в течение четырех лет.

[1] *Bulletin médical*, 3 марта 1889, № 18, с. 276, стб. 3.

29 мая 1887. Альберу снится, что он собирается в Сен-Годенс, в Испанию и в Германию; ему кажется, что он в Ашаффенбурге, где он узнает нескольких знакомых.

1 июня. Я его усыпляю. Вдруг он становится серьезным и говорит мне: «Я чувствую, что скоро вас покину: мне хочется поехать в Испанию и в Германию. Какое несчастье, если я снова уйду!» Внушение забыть сон и запрет уходить.

13 июня. Он помнит, *наяву*, что видел во сне Испанию и Германию, но уходить ему не хочется. *В состоянии вызванного сна* он говорит мне, что не уйдет, «*раз я ему это запретил*». Наяву он этого запрета не помнит.

Альбер женится. Я теряю его из виду.

21 ноября. Получаю из Парижа письмо от рабочего, который встретил Альбера в отчаянии на одном из бульваров; есть он не захотел, голода не чувствовал. Посылаю письмо и медицинское свидетельство в Жуанвиль-ле-Пон, где он должен был оказаться через несколько дней. — 26 ноября Альбер в Льеже, в Английской

больнице. Дежурный интерн г-н Арно выхлопотал ему через французского консула пособие на дорогу.

7 декабря. Альбер вернулся. Лицо отупелое, очень сильная боль в области головы. Он рассказывает мне, что накануне ухода (17 ноября) видел, как я проходил мимо его двери около шести часов вечера (это верно). У него болела голова, он лег в десять часов с еще более сильной головной болью. Тут *он увидел*, как мимо его дома проходит г-н Питр (это неверно: г-на Питра в тот день не было в Бордо), и тот посоветовал ему поехать в Льеж вместе с женой, уверяя, что он найдет там работу и заработает много денег. Г-н Питр прибавил, что сам как раз завтра утром едет в этот город и что они поедут вместе. Наутро Альбер встает в пять часов; он поспешно одевается, боясь опоздать на встречу на Орлеанском вокзале. Не найдя шляпы, он берет фуражку и уходит, захватив с собой около двухсот франков, принадлежавших жене, свидетельство о браке и старый паспорт.

Он приходит на вокзал, где *видит г-на Питра*, ожидающего его у кассы: «Поторопитесь, Альбер, — говорит тот, завидев его, — мы опоздаем на поезд». Альбер берет билет и садится в *третий класс, а г-н Питр — в первый*. В Либурне поезд останавливается. Альбер видит, как г-н Питр выходит из вагона и направляется к выходу.

Он несколько раз окликает его, но тот не оборачивается; Альбер хочет броситься за ним, какой-то пассажир его удерживает, поезд трогается. Оставшись один, Альбер горько плачет, потому что он очень несчастен.

Я спрашиваю его, как вышло, что у него в кармане оказалось мое свидетельство. Он признается, что до сих пор не может этого объяснить; он думает, что я, должно быть, дал ему его несколько месяцев назад. Он помнит, однако, что был в Париже и в Льеже, но совершенно забыл, что побывал в Жуанвиль-ле-Пон, где все же

получил мое письмо и медицинское свидетельство. Я предлагаю его усыпить, но он отказывается. Я снова теряю Альбера из виду до 10 февраля 1888 года. Нахожу его с сильной головной болью; он лежит в постели. Лицо отупелое.

11 февраля 1888. Головная боль продолжается, ему приходится бросить работу. В семь часов вечера, проглатывая последний кусок за обедом, он чувствует, как сильно бьются височные артерии, кровь приливает к голове; головная боль внезапно прекращается, и тотчас он *выплевывает большой стакан алой крови*. Его знобит, он ложится. В два часа ночи — *новое кровохарканье, столь же обильное*.

12 февраля. Головной боли больше нет. Ощущение благополучия, словно с головы сняли *железную каску*. Жена в испуге, хотя он чувствует себя здоровее, чем когда-либо, зовет врача того общества взаимопомощи, к которому принадлежит Альбер, и тот велит поставить нарывной пластырь на верхушку правого легкого спереди и другой — под лопатку той же стороны, сзади. Он прописывает кровоостанавливающую микстуру, рыбий жир и т. д. — словом, классическое лечение туберкулеза.

16 февраля. Новая сильная головная боль, которая *заставляет его скорее спать, чем ходить*. Снова ощущение железной каски. Он не может есть, принимает горчичную ножную ванну, ложится, засыпает; в два часа ночи *новое кровохарканье*, такое же обильное, как прежние. Новый визит врача, снова нарывные пластыри; поговаривают о точечных прижиганиях.

18 февраля. Альбер никогда не чувствовал себя так хорошо, хотя стоит сильный холод; он идет пешком гулять за город.

23 февраля. Новая головная боль, около восьми часов вечера; новое кровохарканье в три часа ночи — *около полстакана*. Голова больше не болит.

24 февраля. Прогулка пешком в двадцать километров по окрестностям Бордо, и это по снегу, при двух градусах мороза. Хороший аппетит, хороший сон, голова не болит.

27 февраля. Он позволяет мне выслушать себя, чего до сих пор не разрешал. Притупление звука на верхушке сзади справа; легкое ослабление голосового дрожания. Дующее дыхание с исчезновением везикулярного шума. Спереди под правой ключицей бронхиальное дыхание; треска нет. В левом легком ничего. Он не хочет, чтобы я его усыпил. Я снова теряю Альбера из виду.

1 мая. Жена получает письмо из Марселя; муж попал туда, сам не зная как. «Я думаю, — пишет автор письма (Альбер не умеет писать), — что у него не все в порядке с головой». Альбер возвращается. Он рассказывает мне, что, проводив глазами президента Республики, уезжавшего с вокзала Миди в Бордо, через несколько минут сел на поезд до Сета.

27 мая. Дежуря на складе, он слышит, как товарищи говорят о путешествиях. Головной боли нет, тоски нет.

28 мая. У него на руках оказываются пять франков, которые хозяин дал ему на одно поручение. Боль в области головы. Он закладывает обручальное кольцо в ломбарде по соседству с домом, получает 6 франков и садится на трехчасовой поезд до Либурна. Ночь проводит в ходьбе, добирается до Ангулема, ничего не евши и не чувствуя голода. Возвращается в Бордо. Вид отупелый. Часов у него больше нет, и он не знает, что с ними сделал.

31 мая. Та же амнезия. Тут я вспоминаю, что недалеко от Орлеанского вокзала есть часовщик, и спрашиваю, не ему ли он продал свои часы. После долгих поисков в памяти Альбер в самом деле вспоминает, что отдал их ему за 3 франка. Жена идет их

выкупить. «Мне нужно сесть на поезд до Либурна, — сказал он часовщику, — у меня при себе не хватает денег, купите у меня часы».

Чувствительность к уколу. — Спереди: на лице чувствительность нормальная; гипестезия на груди, на руке, на ладони.

Гипестезия на животе, нормальная чувствительность на ноге.

Сзади: затылок — чувствительность нормальная; *спина* — гипестезия; *плечо* — анестезированные участки по всей области трехглавой мышцы; *предплечье, кисти* и *тыльная сторона* — гипестезия. Нормальная чувствительность на кончиках пальцев, где чувствительный участок имеет форму наперстка. *Ноги* — чувствительность нормальная.

Разуться Альбер не хочет. У него сильно потеют ноги и руки.

9 июня. (См. наблюдение над его приступом сна в главе II первой части.)

15 июня. Врач общества прописал ему души, и он ходит принимать их в больницу. Мой коллега доктор Дельма спросил его обо мне; Альбер не только не знает моего имени, но и не понимает, о ком с ним хотят говорить. Головная боль.

16 июня. Жена, заметив его отупелое лицо, спрятала деньги в шкаф; но Альбер обшаривает шкаф и находит около ста франков. Он добирается до Парижа. Собравшись уже ехать в Германию, он возвращается в Бордо, вызванный женой, которая пишет ему, что тяжело больна. Эта ложь удалась.

21 июня. Лицо дурных дней. Он просит меня прекратить лечение бромом, которое он проходит с 31 мая: оно все равно не мешает ему ни уходить, ни страдать головными болями. Я соглашаюсь.

22, 23, 24 июня. Усиленная ходьба освобождает ему голову.

25 июня. Новый уход. В 6 часов утра он отправляется в Ажен, взяв 12 франков из кошелька жены.

30 июня. Возвращение. Лицо отупелое. Хотя в последние дни он много ходил и у него болят ноги, ему снова хочется уйти.

1 июля. Альбер просит меня усыпить его, чего я не делал больше года. Я его усыпляю.

Желая узнать, сможет ли он в состоянии вызванного сна восполнить пробелы в разных рассказах о своих уходах, которые он делал мне наяву, я спрашиваю, не уезжал ли он из Бордо за последнее время. Ответ отрицательный. Я прошу его вспомнить. Он ищет напрасно и, несмотря на все усилия, не может мне ответить.

«Не были ли вы в Льеже?» — говорю я. Он ищет. (*Подумав:*) «Да, я знаю Льеж, — отвечает он, — бывал там иногда. (*Вдруг вспомнив:*) Постойте... я был там месяцев пять-шесть назад. Я взял 200 франков из шкафа; я видел, как жена их пересчитывала, за три дня до того».

Но он не может дать мне сведений, которые я хотел бы получить о его уходах: он вспоминает о них лишь с большим трудом.

Он забывает, что был в Марселе; лишь когда я велю ему подумать о поездке г-на Карно, он вспоминает, что сел на поезд до Тулузы. Видя, что он спешит, служащий спросил его, куда он едет. «В Марсель, конечно!» — ведь он слышал разговоры об этом городе. Он помнит, что служащий не хотел его пропускать, потому что *принял его за пьяного*. Поездок в Ангулем, Париж, Ажен он не помнит. По поводу того, как попал в больницу во время приступа, он думает, что был *в Орлеане*, и, распахнув куртку, вдруг восклицает: «*Как жарко в этой комнате! Вы не чувствуете?*»[2]

[2] См. главу II первой части.

5 июля. В присутствии профессора Эспинаса я усыпляю Альбера. Снова спрашиваю, был ли он в Льеже, потому что наяву он все еще не знает, что проезжал через Жуанвиль-ле-Пон. Он не помнит. Я прошу его хорошенько подумать. Через несколько минут он наконец вспоминает, словно ему пришлось искать это воспоминание в глубоких слоях памяти. Затем он рассказывает нам точнейшие подробности о том, как тратил деньги.

Когда я удивился, что в Лилле он потратил на еду 10 франков, хотя только проезжал через этот город, он с большим воодушевлением рассказывает нам, что встретил на улице тамбурмажора своего прежнего полка из Валансьена; он повел его выпить, но тот никогда не пил, не поевши. Альбер, видя, что имеет дело с любителем поесть, велит подавать одно за другим четыре кружки пива, свиной паштет, двухфунтовый хлеб, кофе и ром, говоря про себя: «Раз хочешь есть — ешь, и свалишься под стол». Себе же он велел подать рюмочку можжевеловой водки. Тамбурмажор, наевшись досыта, и в самом деле свалился под стол. Тогда хозяйка заведения потребовала платы.

— Подайте ему еще, — приказал Альбер, расплачиваясь.

— Незачем, — ответила женщина. — У вас лицо такое же расстроенное, как у вашего приятеля, вы пьянее его. Когда вы вошли, я так и сказала: «Вот господин, который выпил».

Тут он рассказывает нам, что во время своих путешествий щедро тратит деньги, угощая едой и выпивкой то одних, то других, а сам не ест и не пьет.

По улице проходит бродячий музыкант, играющий на аккордеоне: Альбер вдруг прерывает рассказ; он слушает. Страстная поза. Музыкант умолкает — Альбер продолжает рассказ с того места, где его оставил. Я его бужу — он не знает ничего из того, что сказал минуту назад. Я усыпляю его нажатием

на правый большой палец (созданная гипногенная зона), и он снова продолжает рассказ с того места, где его бросил. Я повторяю этот опыт несколько раз.

27 июля. Жена Альбера сообщает мне, что он снова ушел, после неприятностей на стройке, где работал. Он отнес в ломбард каминный гарнитур из своей комнаты, под который ему ссудили 30 франков. В тот же день я получаю письмо от разносчика, встретившего Альбера на дороге из Нерака в Ажен: «Когда я встретил этого молодого человека, — пишет он мне, — мне показалось, что он не вполне владеет своими умственными способностями... Думаю, что у него нет средств... Когда я расстался с ним в нескольких километрах от Ажена, его расстройство, как мне показалось, почти прошло».

2 августа. Альбер вернулся и рассказывает мне о своем уходе. Он лег одетым на кровать, страдая головной болью; ему кажется, что он на минуту уснул, у него свистело в ушах, он не отдавал себе ясного отчета в своем состоянии; потом он уходит в 9 часов утра. Он садится на поезд до Либурна, оказывается в Бюиссоне без железнодорожного билета; его уже собирались задержать, но по показаниям пассажиров пропускают. «Куда вы едете?» — спрашивает его начальник станции. — «В Ажен». — «Ну так возьмите поскорее билет и на этот раз больше его не теряйте, не то — берегитесь тюрьмы!»

Тюрьма!.. Почему?.. Это слово его преследует. Он находит в кармане шесть серебряных монет по 5 франков и не знает, откуда они. Он останавливается в гостинице. На другое утро слуга приходит будить его в 5 часов. «Зачем же?» — спрашивает Альбер. Он узнает, что сам распорядился об этом накануне, чтобы успеть на поезд в Лектур. «Ну что ж, в Лектур!» И он поспешно одевается, как человек, у которого важное дело и который боится опоздать

на поезд. Он приезжает в Лектур, видит перед собой совсем прямую дорогу и читает на указательном столбе: «Ош». И вот он идет пешком в Ош. На другой день, сильно страдая от головной боли, он направляется в Нерак; чем быстрее он шел, тем больше «освежалась» его голова; он прошел 24 километра за два часа. В Нераке он хочет поесть, но голода не чувствует. Он возвращается к Ажену и встречает разносчика; рассказывает ему о своих несчастьях и о своем уходе. Тот сомневался. «Есть у вас документы?» — спросил он. Альбер протягивает свою брачную книжку; из нее выпадает листок бумаги. «Э, да это квитанция из ломбарда», — говорит разносчик. — «Квитанция!» — восклицает Альбер в сильном удивлении. Потом он понемногу вспоминает, откуда она у него.

Амнезия длилась два дня.

Внушение не уходить.

7 августа, 9 ч утра. Альбер говорит мне, что ему снилось, будто он идет, и он чувствует, что скоро уйдет. Противоположное внушение: он будет ходить, но не покинет Бордо. — *5 ч 20 мин вечера.* Альбер ходил весь день; он приходит ко мне, находясь во власти внушения, данного утром. — *11 часов вечера.* Альбер за весь день не возвращался домой. Жена тем более уверена, что он снова ушел, что у него в кармане было 22 франка. Альбер никогда не уходит без денег. В *половине двенадцатого* он возвращается домой, пробегав весь день по Бордо и его окрестностям. Жена обыскивает его карманы: она находит в них медицинское свидетельство и брачную книжку, которые старательно спрятала, но которыми Альбер запасся, как делает это перед каждым уходом.

Лечебное действие внушения в этом случае вполне очевидно.

12 августа. Альбер уходит, получив сумму в 180 франков.

31 октября. Возвращение. За это время Альбер был задержан 27 августа в Мо как бродяга. Он просидел в тюрьме двенадцать дней.

2 ноября. Он смутно помнит, что делал во время ухода. Он не знает, например, как раздобыл 180 франков. *Я его усыпляю.* Он вспоминает все. Его заставили подписать расписку о продаже мебели, за которую он получил 180 франков. У него болела голова. Он направился в Париж, где сутенер украл у него деньги приемом, который называют «американским», оставив ему на хранение сумку (14 августа). Оставшись без гроша, он направляется в Клэ, надеясь добраться до Германии. В Мо его охватывает сильная тоска, и он идет в жандармерию, где умоляет бригадира его арестовать. В проблеске памяти он рассказывает, что оставил жену, как с ним случаются приступы, что он очень несчастен и т. д., и, плача, целует руки жандарму. Альбер очень впечатлителен в состоянии гипнотического сна. В жандармерии совещаются. Здесь я дословно переписываю из своих записей. Говорит Альбер:

«Он сумасшедший!» — сказал бригадир. Потом я заснул. Я хорошо слышал, что он меня зовет, но не хотел ему отвечать.

Я. — Почему же?

Альбер. — Потому что один бордоский врач мне это запретил.

Я. — Какой врач?

Альбер. — Господин Тисье... Вы его не знаете.

Я. — Значит, это бордоский врач запрещает вам называть свое имя?

Альбер. — Ну да... Это вы... вы же сами знаете. (Нечего и говорить, что это неправда: Альбер переносил на меня свою мысль не отвечать.) Меня поместили во двор, где я прогуливался спящим. Меня трясли, я не проснулся. Я пришел спящим к прокурору Республики. «Он идиот», — сказал бригадир. — «Это

пьяница», — ответил судья, и меня посадили в тюрьму на пятнадцать дней.

Выйдя оттуда, Альбер отправляется в Париж, где его осматривают г-да Шарко и Жиль де ла Туретт.

7 ноября. Заметив, что уходам Альбера всегда предшествует прилив крови к голове, я хочу попробовать с помощью внушения переместить это состояние. Я его усыпляю и внушаю, что по пробуждении у него пойдет кровь носом. Пробуждение: Альберу жарко в лицо; он кашляет, несколько раз сморкается, но кровь из носа не идет; между тем лицо его все сильнее наливается кровью, и *он засыпает сам собой*. Тогда я внушаю ему, чтобы кровь прилила к ногам и чтобы ногам стало тепло. Пробуждение: у Альбера теплые ноги. Нет больше ни прилива крови к голове, ни кашля, ни сонливости, как только что.

20 ноября. С 7 ноября у Альбера свободная голова и теплые ноги.

Получив хорошие результаты от применения духов для подкрепления внушения у одной больной морфинизмом,[3] я внушаю ему, что голова у него будет освобождаться всякий раз, как он почувствует запах корилопсиса.

---

[3] Тисье. *Un cas d'obsession intellectuelle et émotive guérie par la suggestion renforcée par le parfum du corylopsis, l'isolement et les douches* (*Semaine médicale*, 1889, с. 297, стб. 1).

22 января 1889. До этого дня я терял Альбера из виду. Он приходит ко мне и сообщает, что духи некоторое время приносили ему пользу, но что он только что снова ушел.

Он дошел пешком до Лангона и вернулся оттуда так же, за один день, — 75 километров.

Я внушаю ему: 1° что, когда ему захочется уйти, первой его мыслью будет прийти сначала ко мне и ждать меня здесь; 2°

чтобы ногам его было тепло.

23 января. Голова у Альбера свободна, ноги теплые. Мы выходим вместе и идем в Бордоский парк. Я хотел узнать, как он будет вести себя на улице в гипнотическом сне, близком к его сомнамбулическому сну, если не тождественном ему. На ходу я нажимаю на его большой палец (гипногенная зона). Он засыпает и идет быстрее. Ему кажется, что он в Булонском лесу, в Париже. Он далеко от дома, ему надо вернуться в Бордо; он переходит на походный шаг. Мне приходится бежать, чтобы поспевать за ним. Глаза его полузакрыты, можно подумать, что он выпил лишнего; лицо отупелое, губа отвисла. Препятствия он обходит очень ловко. Я его бужу. Мы возвращаемся ко мне, где я даю ему то же внушение, что и накануне. Затем, желая узнать, может ли внушение, данное в гипнотическом сне, воспроизвестись в физиологическом сне, я говорю ему, что следующей ночью он увидит меня во сне; как только он меня увидит, он встанет, потом снова ляжет, но наоборот, то есть головой в ноги кровати; затем снова встанет и ляжет как обычно.

24 января. Альбер говорит мне наяву, что прошлой ночью видел меня во сне, но, прибавляет он, вот что удивительно: «Я хорошо слышал ваш голос, но лицо было не ваше. Вы сказали мне: „Ну, Альбер!..“ Тогда я встал, потом снова лег головой в ноги кровати и т. д. и т. д.».

Я усыпляю Альбера: он рассказывает мне то же самое.

Однако, опасаясь, как бы он не вспомнил наяву внушение, данное в гипнотическом сне, и не ввел меня в заблуждение, сам того не зная и уж тем более не желая, — ибо я изучал этого испытуемого четыре года, — я спрашиваю у его жены, действительно ли он вставал ночью и ложился головой в ноги кровати. Она подтверждает это. Значит, Альбер принял внушение.

11 марта. Я несколько раз встречал Альбера, и он говорил мне, что чувствует себя хорошо. Он взялся за работу на верфи довольно далеко от Бордо и не мог приходить ко мне, чтобы я его усыплял. Сегодня, когда я проходил мимо его дома, жена попросила меня зайти. Было шесть часов вечера. Альбер лежит, двигая ногами, как в больнице; он в состоянии сомнамбулического сна. Ему снится сон. Я вступаю с ним в беседу. Тут он рассказывает мне, что прошлой ночью ему снилось, будто какой-то господин посоветовал ему уйти с верфи и поискать работы в Базасе. Ночь, по словам жены, была беспокойной. Утром он встал с сильной головной болью. Он вышел из дому и отправился на верфь в Лормоне, близ Бордо, с намерением работать, потому что взял с собой корзинку и еду на день. *Лишь принявшись за работу, он вдруг решил взять расчет и уйти.* Погода была ужасная, шел дождь, дул ветер; он направился в Базас пешком; придя в этот город, *он не нашел того господина* и вернулся тем же способом, не истратив 6 франков, которые ему дали на верфи. Он говорит мне, что спрятал кошелек в ногах кровати, чтобы жена не взяла деньги, и сделал это, вернувшись, то есть в состоянии сна. Я внушаю ему: 1° что по пробуждении голова у него болеть не будет и он будет весел; 2° что он сам отдаст кошелек жене; 3° что всякий раз, как во сне кто-нибудь велит ему уйти, тотчас перед ним являюсь я и велю ему остаться. Пробуждение: Альбер больше не страдает и отдает деньги жене.

12 марта. Жена провожает его на верфь, чтобы объяснить его случай начальству. Ей говорят, что не могут нахвалиться ее мужем, что он очень вежливо объявил им о своем уходе в Базас, где, по его словам, заработает больше, потому что получит работу по своему ремеслу. Ему дали расчет, не думая, что имеют дело с

больным, потому что он говорил совершенно естественно и ничто в его поведении не могло указывать на состояние сомнамбулизма.

4 апреля. Я узнаю от жены, что Альбер снова ушел и что он велел написать ей из По, где у него лихорадка. Я не видел его с 12 марта. В ночь с 31 марта на 1 апреля (с воскресенья на понедельник) она слышала, как он говорил во сне: «Видишь ли, — сказал он ей, — мне поручили разыскать неверную жену, которая украла 3 миллиона. Мне дадут 3000 франков, если я ее найду. Будет нам на что жить». В ту минуту она думала, что муж проснулся, но несообразность сказанного навела ее на мысль, что он спит с открытыми глазами. В самом деле, Альбер быстро проснулся и очень удивился тому, что сейчас сказал, а потом прибавил, словно возвращаясь к своему сну: «Но я в большом затруднении: не знаю, в какую сторону она уехала. Все равно... 3 миллиона!..» Мой коллега г-н Моно любезно согласился написать своему брату, врачу в По, и рекомендовать ему Альбера, который благодаря ему получает от префектуры пособие на дорогу, чтобы 7 апреля вернуться в Бордо.

8 апреля. В присутствии доктора Моно я прошу Альбера рассказать нам о своем уходе.

Он в состоянии бодрствования. В субботу 30 марта, на работе, на судостроительной верфи в *Лормоне*, он услышал, как рабочие называют его шпиком (Альбер наяву не галлюцинирует). Это вызвало у него сильную тоску, которая длилась весь вечер и весь следующий день, воскресенье. Чтобы развлечься, он пошел на дневной спектакль; он видел там пьесу «*Жена, которую плохо стерегут*» (это была «*Хорошо оберегаемая девочка*» Лабиша, где мать оставляет ребенка на попечение слуг, чтобы одной поехать на вечер). Голова у него не болела; тем не менее он не смог досидеть до конца представления и рано лег спать. Ночью ему

снились кошмары: он видел, как на него бросаются львы; видел, что его расстреливают, и, вздрогнув, проснулся, когда в него попала пуля. Он долго страдал от боли в том боку, куда попала пуля. «Всякий раз, — говорит он, — когда во сне меня кусают или бьют, я весь день чувствую боль в задетом месте».

Альбер снова засыпает, и ему снится, что г-н Д..., который был очень добр к нему в Бордо и в Вене, поручает ему разыскать свою жену, которая бросила его и бежала со своим бухгалтером, захватив миллион. Альбер получит 3000 франков награды, если ее найдет. Он встает в половине четвертого утра, берет сумку, которую оставил ему вор, обокравший его «по-американски», кладет в нее рабочие штаны, чтобы не запачкать те, что на нем: судно, на котором он работает, только что выкрашено суриком. Он уходит, напевая, вполне проснувшийся, без головной боли и совсем не думая о сне, который только что видел.

Дойдя до набережной Кейри, то есть километрах в 5 от своего жилища, он замечает, что идти на верфь еще слишком рано. Он поворачивает назад и, дойдя до моста Бастид-Бордо, *облокачивается на парапет и смотрит, как течет вода; в ней отражались газовые рожки. Было половина пятого утра.* С этой минуты он больше ничего не помнит. Его будит блеяние овец; была ночь, прошел дождь. Он был мокрый, ему было холодно; он лежал, прижавшись к овцам в загоне и согреваясь их теплом, посреди Ландского леса. Очень удивленный, он дождался рассвета; тогда он встал и по ближайшему километровому столбу увидел, что находится в 4 километрах от Пюйоо. Мимо проходил рабочий и указал ему несколько дорог. Он выбрал дорогу на По, куда пришел пешком во вторник, 2 апреля, в семь часов вечера. У него была лихорадка. Он порылся в карманах и нашел там 1 франк 50 сантимов; пошел купить хинина. Остальное известно.

Я усыпляю Альбера. Он начинает плакать; он очень несчастен, он опять ушел из дома. Он рассказывает нам то, что я только что изложил, снова говоря «*Жена, которую плохо стерегут*» вместо «*Хорошо оберегаемая девочка*».

«Моя жена, — сказал ему г-н Д..., — прячется в Ландах с моим бухгалтером, как Агер;[4] догони ее, ты один можешь оказать мне эту услугу — *за те услуги, что я оказал тебе*. Ты получишь 3000 франков». Он встает с намерением догнать неверную и привезти ее назад, но не хочет говорить об этом жене.

[4] Агер — убийца, которого за несколько дней до сна Альбера задержали в Ландах после необычной облавы — охоты на человека с собаками, длившейся восемь дней; о ней писала вся местная печать.

Однако свежий утренний воздух будит его, и он забывает свой сон. Километром дальше, у моста Бастид-Бордо, сон снова приходит ему на память; но пока он переходит мост, то есть через пятьсот метров, он опять его забывает. Так он доходит до верфи близ Лормона; она закрыта. Он поворачивает назад; облокачивается на парапет моста, *и его гипнотизирует отражение газовых рожков в воде*.

«Тотчас же, — говорит он, — так как мне было грустно, я увидел, что ко мне идет г-н Д... Он был весь в грязи, как человек, который только что бегал по полям.

„Я ходил за женой к ее родным в *Лормон*, — сказал он мне, — ее там не было. Родные даже не захотели меня слушать. Она уехала в сторону Ланд; тебе надо догнать ее во что бы то ни стало. Ступай, друг мой“. И г-н Д... в отчаянии бросился через мост в сторону Бордо». (Г-н Д..., занимающий в Бордо высокое положение, и в самом деле женился на девушке, жившей в Лормоне.)

«Я не знал, что делать, — продолжает Альбер, — я заметил, что у меня не хватает денег на поезд. Я бросился вдогонку за г-ном Д...,

чтобы попросить у него; но, перейдя на другой берег, на набережную Салиньер, я его больше не увидел. Я повернул назад. Тогда я вспомнил, что на верфи мне причитается 14 франков; я дождался открытия. В семь часов утра я получил расчет. Мне было холодно, я дрожал, меня прошибал холодный пот. Как только деньги оказались у меня, я направился к вокзалу Миди. Однако, подумав, что г-жа Д... может еще быть в окрестностях Лормона, где живет ее семья, я обошел округу, дошел до Катр-Павийон, побывал то тут, то там, прежде чем пуститься в дорогу, которая должна была дорого мне обойтись. Выбившись из сил, я перехожу Гаронну по Пассерели и в одиннадцать часов утра прихожу на вокзал Миди. Прошу билет до Ланд. Поезд отходил только в час; я сажусь на скамью и жду. Беру билет до Дакса, куда приезжаю вечером в пять часов. Сразу же отправляюсь пешком и обшариваю лес. Вдруг вдали, на дороге, я вижу, как мелькает женский силуэт. Это силуэт г-жи Д... Я бросаюсь к ней, она убегает; я бегу быстрее, вот-вот ее догоню — и вдруг она исчезает, я больше ничего не вижу!.. Я устал, шел дождь; я замечаю овечье пастбище, перелезаю через ограду и ложусь посреди овец. Проснулся я на другой день и только тогда понял, что стал игрушкой сна».

Остальное известно.

12 сентября. Альбер окончательно покидает Бордо вместе с женой; он переселяется в Париж. У него родилась дочь. Он истратил все сбережения семьи. Люди не слишком совестливые воспользовались его положением и скупили у него мебель за бесценок. Он в нужде. Его слишком хорошо знают в Бордо, никто не хочет брать его на работу, и он меняет среду.

19 октября. Полицейский комиссар моего квартала передает мне следующую депешу, направленную префекту Жиронды префектом Эндра:

«Некто Д..., Альбер, просит средств на проезд до Бордо, улица Барада, 6, где он живет. Представляет свидетельства докторов Тисье и Моно, удостоверяющие, что он страдает истерическим сомнамбулизмом. По его словам, он не отдает себе отчета в том, как уехал из Бордо и прибыл в Шатору, и т. д.»

Альбер, ушедший из ночлежки в Париже, был в состоянии сомнамбулизма, когда прибыл в Шатору; ему снилось, что он едет из Бордо, и он давал мой адрес, думая, что дает свой.

Из этого длинного наблюдения следует, что Альбер Д... страдает истерией. В самом деле, у него сужение поля зрения,[5] расстройства кожной чувствительности и — явление довольно редкое у мужчин — истерические кровохарканья, соответствующие приступам головной боли и приливу крови к голове, ибо этот прилив внезапно прекращается после *легочного кровопускания*; явление повторяется трижды, и трижды сильные головные боли, предшествующие снам об уходе, внезапно прекращаются. Можно, следовательно, допустить связь причины и следствия.

[5] См. мою диссертацию, с. 78, табл. 2.

Во время приступа у Альбера лицо человека, который выпил лишнего. Альбертину М..., страдающую истерией, о которой я говорил выше, один из наших коллег тоже принял за пьяную.[6] Во время уходов Альбер не ест. Обо всем, что касается его клинического наблюдения, отсылаю читателя к моей диссертации.

[6] Дишас. Указ. соч. Дисс., Бордо, с. 44.

Как мы видели, каждому уходу предшествует либо рассказ о путешествии, либо приступ тоски, внезапной или чем-нибудь

вызванной, и т. д., но всегда — прилив крови к голове. Альбер внушает себе уход посредством сновидения. Пробелы, существующие в его памяти наяву, восполняются в состоянии гипнотического сна. Это явление слишком известно, чтобы о нем говорить.

Но что я хочу отметить в наблюдении, сделанном во время сомнамбулического сна 9 июня 1888 года, — это воскрешение памяти, которое произошло через месяц, 1 июля, после того как я усыпил его экспериментально. Он на минуту поверил, что действительно был в Орлеане, тогда как видел это во сне; он *ощутил* жару в моем кабинете, потому что в памяти воскресло слово «Орлеан», а оно вызвало воспоминание о жаре, испытанной во сне, в больнице, на большой дороге, вместе со спутниками. И опять-таки мимолетное воспоминание о его положении в Бюиссоне, вызванное словом «тюрьма», и словом «ломбард» на дороге в Нерак бросает немного света в его психическую область. Разговаривая со мной во сне, он вдруг думает, что обращается к другому лицу. Когда, например, он говорит мне, что сидел в тюрьме в Мо, и я спрашиваю у него имя бордоского врача, запретившего ему говорить, он отвечает: «Это г-н Тисье; вы его не знаете». В эту минуту он, должно быть, психически видел лицо бригадира и принимал меня за него; когда галлюцинация прошла, он знает, кто я. Кстати, вот опыт, который я проделал с этим испытуемым. Я хотел узнать, однородно ли чувственное впечатление. Для этого я поставил Альбера перед круглым столиком, на котором лежала моя фотография; сам я стал напротив него. В этом случае я был тюремщиком, заковавшим ему ноги в кандалы. Альбер думал, что он в тюрьме. Я спросил его, кто приговорил его к такому наказанию (это я сам только что отправил его туда как представитель власти за проступок,

совершенный им по внушению). Он не только не захотел сказать мне, откуда у него беда, от которой он несправедливо страдает, но и обругал меня как тюремщика; он широко раскрывал глаза, он был в ярости. Вдруг он заметил мою фотографию; он схватил ее и угрожающим тоном спросил, откуда у меня портрет «этого честного человека». А когда я сделал вид, что смеюсь, он воскликнул: «Не оскорбляйте его, вы негодяй! Это г-н Тисье; если бы он знал, что я здесь, он посадил бы вас на мое место!» Я отошел в сторону и сказал ему: «Ну, Альбер, что с вами здесь делают?» Тотчас он узнал меня и обрадовался. Когда я сказал ему идти за мной, он ответил, что не может, потому что ему заковали ноги в кандалы. Я снял их внушением.

Вот, значит, раздвоение моей личности, вызванное двумя различными чувственными впечатлениями. Хотя Альбер меня видел, он не замечал моих настоящих черт: он накладывал на мое лицо маску тюремщика, которого, должно быть, встречал в какой-нибудь тюрьме; он не узнавал и тембра моего голоса, потому что главная идея заключения брала верх, — отсюда зрительный и слуховой обман. Но моя фотография пробудила в нем непроизвольное внимание, и он ее узнал. Так что глаза его физиологически видели одно и то же лицо, но внутреннее зрение заставляло различать два. Когда сестра видит меня во сне после спора, она видит двух похожих братьев; но так как в эту минуту в ней господствуют два противоположных представления, она объективирует их по-разному.

Воскрешение памяти может быть вызвано ассоциацией идей после более или менее долгого забвения. Альберу снится, что *он найдет работу* в Базасе. Он просыпается, забывает; приходит на верфь, пройдя 5–6 километров, и лишь *когда он принимается за работу*, воспоминание о сне возвращается; он тотчас берет расчет

и идет на свидание, назначенное ему воображаемым существом. Он ищет его и, не найдя, возвращается в Бордо. Здесь больше, чем сон: здесь галлюцинация. «Галлюцинация есть воспроизведение идеи, поразившей ум за несколько мгновений до наступления сна», — говорит Мори; можно прибавить: и идеи, поразившей ум во время сна.

Альбер засыпает. Он *видит*, как г-н Питр проходит мимо его двери, он *слышит*, как тот велит ему ехать в Льеж, и, когда наступает день, он уходит, идет на вокзал, где *видит* г-на Питра, где *слышит*, как тот велит ему поторопиться.

Очевидно, эта двойная галлюцинация была вызвана главной идеей — пойти искать работу в другом месте. Это господствующая идея Альбера. Но вот интересное явление: он судит, что г-н Питр не может ехать в третьем классе, как он сам, и видит, как тот садится в первый. Он уезжает. В Либурне, то есть через час, когда галлюцинаторное состояние все еще длится, Альбер видит, как г-н Питр выходит из вагона первого класса и покидает вокзал.

Особенно интересно разобрать последний уход Альбера. Ему снится, что г-н Д..., лицо вполне действительное, обещает ему 3000 франков, если он найдет его жену, уехавшую с его главным кассиром. Утром он встает, все забыв; идет на верфь близ Лормона, в 6 километрах от своего жилища; приходит туда слишком рано. Он поворачивает назад; облокачивается на парапет каменного моста, смотрит, как течет вода, видит, как в ней отражаются газовые рожки. Его гипнотизируют эти блестящие точки, он засыпает, и тотчас сон начинается снова. Он *видит* и *слышит* г-на Д... Он только и ждет, чтобы повиноваться, потому что г-н Д... когда-то оказал ему кое-какие услуги, но вспоминает, что у него не хватает денег для долгого путешествия. Он гонится

за г-ном Д... до набережной Салиньер; переходит мост, потом возвращается, снова проходит 3 километра до верфи, где получает расчет за два-три причитающихся ему рабочих дня. Затем он бродит по окрестностям Лормона, все так же следуя своему сну; он ищет неверную; снова переходит Гаронну, ждет два-три часа на вокзале, садится в вагон, выходит в Даксе, идет по лесу, где новая галлюцинация показывает ему вдали силуэт г-жи Д... Он бросается к ней, но она исчезает. Альбер просыпается на другой день посреди овечьего стада!.. Все это похоже на роман...

А теперь — почему Альберу приснился г-н Д..., а не кто-нибудь другой? Случайно ли? Может быть. Но, не желая искать гипотетических причин, я не могу не сопоставить некоторые факты. То, что мы знаем об образовании сновидений, может быть, пригодится нам.

1° Альбер услышал, как его назвали шпионом на верфи в *Лормоне*; отсюда тоска и причина, предрасполагающая к патологическому сновидению.

2° На следующий день, в воскресенье, *страдая головной болью*, он идет в театр и видит там пьесу под названием «*Хорошо оберегаемая девочка*», которую Альбер называет «*Жена, которую плохо стерегут*». Известно, что в этой пьесе светская дама, желая поехать на вечер, оставляет ребенка на попечение слуг *и уезжает*. В этой пьесе актер бросает на пол куклу, лежавшую в кроватке девочки, и *разбивает ей нос*.

3° Г-н Д... женился в *Лормоне*, живя в Бордо.

4° Г-жа Д... *потеряла дочь в младенчестве*.

5° Альбер *очень любит детей*.

6° Печать много занималась убийцей, укрывшимся *в Ландском лесу*. Альбер повесил на стене своей комнаты портрет преступника.

Мы видим, таким образом, очень любопытную и очень правдоподобную цепь идей, связанных ассоциацией.

Тоска на верфи в *Лормоне* будит память о г-не Д..., который женился в *Лормоне*. Сцена с куклой, у которой *разбит нос*, напоминает о *ребенке, которого потеряла г-жа Д...* Поступок *матери*, которая оставляет ребенка на попечение слуг, чтобы *уехать* на вечер, переносится на г-жу Д... по ассоциации идей *материнства*. Горячая привязанность Альбера к г-ну Д... заставляет его отдать себя в распоряжение г-на Д...; он объективирует в г-не Д... то, что чувствует сам. Что же касается погони в *Ландах*, причину ее можно найти в душевном состоянии спящего.

Как бы то ни было, оставаясь на клинической почве, Альбера нельзя принять за больного скрытой эпилепсией, страдающего амбулаторным автоматизмом, каким наблюдал и описал г-н Шарко больного М... в своих «*Лекциях в Сальпетриер*»;[7] это *истерик — дневной сомнамбул*, принадлежащий к классу *Плененных*.

[7] Шарко. *Leçons du mardi à la Salpêtrière*, лекция 21 февраля 1889 г., с. 303.

У этого испытуемого сомнамбулический сон и гипнотический сон, по-видимому, одной природы, потому что в одном состоянии он вспоминает то, что делал в другом, и *наоборот*.

Глава II. Влияние сновидений на мышление и на поступки, совершаемые наяву

Всем известно, что можно жить своим сном в течение следующего за ним дня. Впечатление, которое сон производит на ум спящего, не всегда рассеивается наяву; оно бывает более или менее сильным, смотря по тому, касался ли сон более или менее

сокровенной области чувств. Поясню. В юности, например, самое развитое чувство — любовь.

Юноше мало снятся те интересы, которыми руководится зрелый возраст. Если ему случайно и приснится сон в этом роде, след, который такой сон оставит в его уме по пробуждении, будет неглубок. Юноше снится любимая женщина, и этот сон оставляет прочный отпечаток. Нередко встречаются девушки, которые живут своим сном целый день. У зрелого возраста другие заботы, но поступает он так же. Финансисту снится биржевая сделка, и на другой день он живет финансами больше, чем накануне. Человек науки часто продолжает мысль, пришедшую ему во сне, и по пробуждении живет с этой мыслью теснее. Здесь есть нечто вроде самовнушения, которое может приобретать иногда очень большую силу, как мы увидим дальше. Поступки, совершаемые в этом состоянии, зависят скорее от сновидения, чем от воли, — по крайней мере в том смысле, в каком ее понимают до сих пор. Но будем действовать по порядку. Самый простой случай — воспоминание сна по слову или по ассоциации идей.

Мне снится, например, что я нахожусь в гостиной перед очень красивой картиной. Один мой друг-художник, светская дама и я любуемся ею, хотя окружающим она нисколько не нравилась. Отсюда спор. Только мы трое не находили это произведение «*мещанским*». И вот на другое утро, совершенно забыв этот сон, слишком обыденный, чтобы оставить глубокий след в моем уме, я проходил мимо торговца эстампами и увидел в его витрине гравюру, изображавшую молодого супруга, который целует молодую жену при выходе из церкви. «Вот уж поистине мещанство!» — сказал я, проходя, и тотчас воспоминание о сне вернулось с большой силой, и на мгновение я пережил свой сон, психически видя действующих лиц — даму и моего друга. Общее

впечатление, которое я испытал, было впечатлением сна, а не той среды, в которой я находился, — улицы. Впрочем, оно длилось очень недолго.

В другой раз мне снится человек в забавном наряде, которого я встретил на улице *двумя месяцами* раньше, причем мое любопытство не было особенно возбуждено. Я забываю сон, а на другой день после полудня, увидев проходившую мимо деревенскую девушку, одетую без особого вкуса, вспоминаю сон, который видел двенадцатью часами раньше.

Так впечатление, полученное наяву, вызывает сновидение, а почти такое же впечатление, полученное наяву, напоминает сон, который был забыт. Это памяти, которые возбуждают друг друга и могут производить очень любопытные явления гипермнезии.

Известен случай, приводимый Аберкромби. Один из его друзей, служивший кассиром в одном из главных банков Глазго, сидел в своей конторе, когда какой-то довольно чудно одетый человек потребовал выплаты суммы в шесть фунтов. Несколько человек перед ним ожидали своей очереди, но он был так нетерпелив, так шумлив и особенно так утомлял всех своим заиканием, что один из присутствующих попросил кассира заплатить этому человеку, чтобы от него избавиться. Кассир исполнил просьбу, не записав этой операции. В конце года, наступившем через восемь или девять месяцев, баланс счетов не сходился: в нем все время оказывалась ошибка в шесть фунтов. Кассир напрасно провел несколько ночей и несколько дней в поисках этой недостачи; побежденный усталостью, он лег в постель, и ему приснилось, что он в конторе, что заика является, и вскоре все подробности этого дела верно вернулись к нему в память. Проснувшись, он просмотрел свои книги и действительно убедился, что эта сумма

не была занесена в журнал и что она в точности соответствовала ошибке.

Здесь не чувственное впечатление, полученное наяву, напоминает сон, а сон пробуждает памяти, казалось бы, давно угасшие. Психическая работа бодрствования, благодаря сосредоточению ума, подготовила возвращение далекого воспоминания.

Г-н Р... из Боуленда,[8] землевладелец в долине Гала, был привлечен к суду из-за значительной суммы денег, которую его отец когда-то уплатил и которую с него требовали снова.

[8] Р. Макниш. *The Philosophy of sleep*, с. 81. Лондон: M'Phun and Son; и Макарио, *Ann. méd.-psych.*, 1846, т. VIII, с. 186.

Он долго и много, очень тщательно искал в бумагах, оставшихся после отца, но не мог найти никакого доказательства в свою пользу. Срок платежа наступил, и на другой день он собирался уплатить. Он лег в таком расположении духа; едва он уснул, как ему явился отец и спросил, что его так тревожит. Г-н Р... объяснил ему причину своего беспокойства, ибо был убежден, что сумма не причитается. «Ты прав, — ответил отец, — я уплатил эту десятину; бумаги, касающиеся этой сделки, находятся в руках г-на М..., стряпчего, который теперь удалился от дел и живет в Суверске, близ Эдинбурга. Я обратился к нему в этом случае, хотя он никогда не вел моих дел. Если он забыл эту подробность, напомни ему, что у нас вышло затруднение с разменом португальской золотой монеты и что мы условились пропить разницу в таверне».

Г-н Р... проснулся утром с головой, полной своего сна. Он заехал в Суверск, прежде чем отправиться в Эдинбург; он нашел там лицо, указанное во сне, но уже очень преклонных лет. Тот все

забыл; однако случай с золотой монетой все ему напомнил. Бумаги нашлись, и тяжба была выиграна.

Очевидно, здесь речь идет о далеком воскрешении памяти. Долгое сосредоточение ума подготовило путь, приведя в движение в глубине психических центров целый ряд памятей, так или иначе относящихся к этому делу. Во сне работа продолжалась в глубине, бессознательно для спящего, и вдруг искомая память явилась ему. Но так как спланхническое «я», сознававшее, что все забыло, не могло допустить этого представления, оно изменило его, объективировав в чертах отца. Отсюда диалог, все расходы по которому несло спланхническое «я», — а под «спланхническим „я“» я разумею мозговое «я». Г-н Р..., должно быть, слышал об этом деле в юности от отца. Размен португальской золотой монеты, довольно редкой в Англии, и спор, возникший по этому поводу, должно быть, поразили когда-то его юный ум. Впрочем, такие случаи припоминания нередки в сомнамбулическом и в гипнотическом сне.

Молодая крестьянка, которая говорила по-латыни, по-гречески и по-древнееврейски, хотя получила лишь начальное образование, — случай того же рода. «Память слова становится автоматической, как, например, память ходьбы».[9]

[9] Дишас. Указ. соч. Дисс., Бордо, 1887.

Тогда как кассир Аберкромби лишь *видел* сцену выплаты 6 фунтов, г-н Р... *видел* и *слышал* отца. Дело в том, что между сновидением и галлюцинацией существует тесная связь. Можно даже утверждать, что зрительное сновидение — это галлюцинация с закрытыми глазами. Пусть галлюцинаторное состояние будет сильнее — и оно продолжается в гипнагогическом состоянии, когда сенсорное «я» понемногу

просыпается. Эти два состояния так близко соприкасаются, что у людей, подверженных гипнагогическим галлюцинациям, образы, увиденные в этих галлюцинациях, иногда появляются во сне, в ткани следующего сновидения.[10] С другой стороны, зрительный или слуховой образ, явившийся во сне, может вызвать зрительную или слуховую галлюцинацию в момент пробуждения. Тиссо,[11] увидев во сне чудовищную фигуру, внезапно проснулся и очень отчетливо увидел этот образ перед глазами. Спиноза увидел наяву страшного прокаженного, которого видел во сне. Доктор Льебо, которому снился пожар, проснулся и увидел образ пожара.[12]

[10] Макс Симон. Указ. соч., с. 239.

[11] Тиссо. *L'Imagination*.

[12] Льебо. *Du sommeil et des états analogues*.

Вот галлюцинации, начавшиеся во сне и продолжающиеся наяву. Но галлюцинация одного чувства может вызвать галлюцинацию другого.

> «Сегодня утром, — говорит профессор Дюпюи,[13] — *после пробуждения*, смутно различив черты одного архитектора, я слышу, как он говорит мне о каком-то владении. Потом он поправляется, а его мимолетный образ уже исчез: „Речь идет вовсе не о загородном владении, — говорит он, — а о владении из мостовой и камней. Раз уступка обеспечена и раз должны основать конгрегационную школу…“
>
> На этих словах фраза внезапно обрывается, — прибавляет автор, — руководящая власть тотчас выступает из облаков, которыми ее окутывал мозговой автоматизм, чтобы объявить себя совершенно чуждой подобной мысли. Это был у меня сон наяву.

Между этим сном и тем, который бывает, когда спишь, я не могу усмотреть никакой разницы».

[13] Дюпюи. Указ. соч.

Речь идет, очевидно, о сне, начавшемся в гипнагогическом состоянии и закончившемся наяву слуховой галлюцинацией. Господствующая идея — «дело, которое надо уладить», — была объективирована.

Вот другое наблюдение того же автора, в котором зрительной галлюцинации нет, хотя она и служит исходной точкой слуховой галлюцинации.

«Этой ночью, около пяти часов, мне представляется во сне, что на меня только что наложили сильнейшую надбавку налога, весьма стеснительную при таком скромнейшем положении, как мое. Я резко просыпаюсь с чувством живой досады. Потом почти сразу же я мысленно слышу, как кто-то, кого я не вижу, говорит мне: „Ваш налог увеличен на треть сверх прежнего“. Я отмечаю этот факт в памяти и снова засыпаю».[14]

[14] Дюпюи. Указ. соч., с. 14.

Вот теперь галлюцинация вкуса, вызывающая зрительное представление, которое, однако, недостаточно живо, чтобы породить галлюцинацию.

Б... (Леон) рассказывает мне, что несколько лет назад, будучи в Париже, он видел во сне, будто сидит за столом и хорошо обедает. Он встает — было два часа ночи — и, проснувшись, говорит приятелю, спавшему в той же комнате: «Да что же ты! Передай-ка вина!» И он ищет в комнате, удивляясь, что не находит вина, которого ему хотелось. Приятель зажег свечу. Сон длился несколько минут.

Галлюцинация может быть осязательной.

Одному человеку снится, что его закалывают кинжалом; он просыпается, чувствуя холод клинка на шее. Он ощутил его так явственно в первую минуту пробуждения, что подумал: «Ну, на этот раз конец».[15]

[15] Там же, с. 21.

Вот теперь несколько наблюдений над мышечными действиями, совершенными наяву под влиянием сновидения.

Одному знакомому мне солдату снится, что его судит военный суд за какой-то проступок. В то время у солдат отбирали оружие, и он должен был сдать свою саблю, потому что уходил из полка. Сабля лежала рядом с его кроватью. Он просыпается, тотчас протягивает к ней руку и, найдя ее на месте, говорит себе: «Ладно, это только сон, можно спать дальше».

Можно подумать, что речь идет просто о гипнагогической галлюцинации, сопровождавшейся действием. Но вот случай, бывший со мной самим:

Я только что защитил докторскую диссертацию по медицине; однажды ночью мне снится, что она становится предметом оживленного спора нескольких моих коллег, перед которыми я горячо отстаивал высказанные мною мысли.

Я записываю на листке бумаги доводы, которые мне выдвигают. Проснувшись, я все забыл. Я выхожу, делаю кое-какие дела, потом, вернувшись домой, сажусь за рабочий стол и пишу — уже не помню о чем. В какой-то момент я открываю ящик стола, чтобы взять нужный мне документ, и тотчас кладу руку на папку, где собрал все, что было написано о моей диссертации, намереваясь найти там записи, сделанные мною во сне. Вдруг,

почти мгновенно, я вспомнил свой сон. Я стал игрушкой самовнушения, которое сопровождал мышечным действием.

Вот то же явление, выраженное еще резче. Однажды в августе 1888 года я внезапно встречаю господина, которого когда-то знал, но давно потерял из виду. Мы больше не раскланивались, так как никогда не поддерживали постоянных отношений. И вот в тот день я ему поклонился. Я очень удивился своему поступку и вдруг вспомнил сон, который видел прошлой ночью. Мне снилось, что я долго беседовал с этим господином и что мы расстались в превосходных отношениях, пожав друг другу руки. Кланяясь ему, я чувствовал, будто никогда не терял его из виду.

Если бы, вместо того чтобы столкнуться с ним внезапно, я видел, как этот человек приближается, я успел бы вспомнить свой сон и не поклонился бы, потому что суждение успело бы сложиться; но в данном случае представление было так живо, что заставило меня пережить сон с силой, достаточной, чтобы вызвать мышечное действие.

Больше того: мышечная усталость, испытанная во сне, может сохраняться по пробуждении в мышцах, приведенных в действие психически, и не только сразу после пробуждения, но и несколько часов спустя.

29 января этого года мне снится, что я взобрался на верхушку колокольни и крепко держусь за нее руками и особенно ногами, приводящие мышцы которых сильно утомляются, так как я нахожусь в положении человека, который лезет вверх. Я чувствую, как силы понемногу покидают меня; чувствую, что вот-вот выпущу опору, вижу бездну под собой. Это ужасный кошмар. Я в отчаянии сжимаю ноги. Вдруг, в ту минуту, когда я уже падаю, я замечаю край крыши; ставлю на него ноги — я спасен. Тогда, продолжая исследование, которое я вел над самим собой во сне, я

спрашиваю себя, не вызван ли только что виденный сон чувственным впечатлением от положения моих ног в постели, или действительной усталостью мышц от этого же положения, или же эта усталость мозгового происхождения. Рассуждая об этих трех предположениях, я просыпаюсь. Я действительно чувствовал большую усталость в приводящих мышцах, которые ныли, словно меня избили палкой. Ноги мои были вытянуты, а не приведены; никакая тяжесть не давила на больное место. Испытанная боль была психического происхождения.

Вот второе наблюдение:

31 января этого года, то есть через два дня после только что приведенного сна, я в одиннадцать часов утра шел через Публичный сад, направляясь домой, и должен был выйти через ворота на площадь Лоншан. Дойдя до оранжерей, я шел вдоль берега речки и подумал, что для сокращения пути лучше пройти через Ботанический сад, чем по деревянному мостику. Я повернул назад. На середине небольшого подъема, ведущего к террасе, я вдруг сильно оттолкнулся ногами, *и это невольно*; тотчас я почувствовал большую усталость во всем теле.

Впечатление было «как вспышка молнии».

«Я уже испытывал это», — сказал я себе в большом удивлении, и тотчас сон, который я видел прошлой ночью, с большой силой вернулся в мою память.

Мне в самом деле снилось, что я толкаю перегруженную ручную тележку. На *середине* подъема я почувствовал, что тяжесть вот-вот потащит меня вниз, что я покачусь и буду раздавлен; я боролся, уперся изо всех сил и поставил тележку поперек. Это усилие вызвало большую усталость. Потом, отдохнув, я продолжал подъем.

Вот, значит, два кошмара, виденные с промежутком в два дня, которые вызвали у меня мышечную усталость психического происхождения.

Замечу, что именно на *середине* небольшого подъема в Публичном саду я почувствовал боль, испытанную на *середине* подъема, на который я взбирался во сне. Я совершенно забыл кошмар, и в одиннадцать часов утра он вдруг всплыл вместе с мышечной усталостью, которую вызвал. Произошло воскрешение в памяти не только сна, но и усталости, и этого воспоминания оказалось достаточно, чтобы воспроизвести саму усталость. Ибо толчок ногами, который я сделал, был невольным: он принадлежал сну прошлой ночи.

Впечатление подъема, мною не сознаваемое, до середины склона воспринималось моим мозгом бессознательно; воскрешение памяти произошло по ассоциации идей, и я *переживал мышцами* кошмар прошлой ночи.

Мы видели, что Альбер в течение дня, следующего за сном, страдает от боли, испытанной во сне.

Итак, галлюцинации и мышечные действия, наблюдения над которыми я только что привел, вызываются самовнушением, установившимся в состоянии физиологического сна. Между ним, сомнамбулическим сном и гипнотическим сном есть лишь разница в степени — от большего к меньшему или от меньшего к большему.

Внушение может быть дано в физиологическом сне так же, как и в вызванном. Если же действия одни и те же, позволительно допустить и сходные состояния, служащие им причиной.

> «В палате, где двенадцать больных спят — одни *естественным сном*, другие под гипнозом, — будят одного испытуемого, — говорит Бернгейм,[16] — и внушают ему ретроактивную

галлюцинацию о событии, которое будто бы произошло накануне, например в той же палате: драку или ссору. Больной принимает внушение; если нужно, он готов поклясться, что событие действительно произошло у него на глазах. Но вот что любопытнее всего: если затем разбудить одного из испытуемых, которые спали, присутствуя при этой сцене, и спросить его о том же мнимом событии, он тоже его помнит и подтверждает. Так же и все остальные, *даже те, что спали естественным сном*, ибо они слышали разговор, не просыпаясь».

---

[16] *Sur les faux témoignages suggérés à l'état de sommeil* (*Progrès médical*, 17 августа 1889, с. 156). — *Congrès international de l'hypnotisme expérimental et thérapeutique*. Париж, 1889.

Г-н Бернгейм заключает, что никогда не следует говорить при спящем человеке и что эти опыты показывают пугающую ненадежность человеческого свидетельства. В подтверждение этого вот случай навязчивой идеи, созданной экспериментально у моей сестры, человека душевно здорового и вполне уравновешенного.

Однажды вечером в июне 1889 года я ухожу, сказав сестре, что иду на заседание комитета *Бордоского велоклуба*, членом которого состою. Я возвращаюсь в одиннадцать часов вечера и, найдя сестру спящей гипнагогическим сном, тихо говорю ей на ухо фразу, не имевшую смысла: «Гамбетта умер». Потом я ухожу от нее. День проходит без происшествий; однако вечером она сообщает мне, что около десяти часов утра, когда она читала статью о народном образовании во Франции, ей пришел на ум Гамбетта. Эта мысль преследовала ее весь день. Она прекрасно знала, что Гамбетта умер, и давно; поэтому ей казалось бессмысленным мысленно повторять: «Гамбетта умер». «Должно быть, мне это приснилось...» — сказала она мне. Потом вдруг,

когда мы проходили мимо помещения *Бордоского велоклуба*, она воскликнула: «Это ты сказал мне вчера вечером!» Но так как я сделал вид, что удивлен, она снова засомневалась, не зная, чему верить. Видя, что она в сильном недоумении, и так как опыт оказался убедительным, я признался ей во всем.

После навязчивой идеи — вот случай лечебного внушения, данного в естественном сне, в гипнагогическом состоянии:

11 октября 1889 года г-н С... просит меня посмотреть его сына, семнадцати лет. У этого юноши такая изменчивость характера, что она помешала ему окончить начальную школу; воля его то сильна, то слаба. Он не может долго оставаться у одного хозяина. Накануне он приехал из отдаленного города департамента, где его отдали в ученье. Уйдя от хозяина без предупреждения, он провел ночь в Бордо в сомнительных заведениях вместе с борцами, общество которых предпочитает всякому другому. С... — закоренелый онанист. У него очень заметные расстройства кожной чувствительности к щекотке, теплу, уколу, щипку и т. д. Кроме того, у него паралич сосудодвигательных нервов: ноготь, проведенный по коже, оставляет на ней красноватую полосу. Глоточный рефлекс отсутствует.

С..., хорошо сложенный, любит выставлять напоказ свои мышцы. Он любит выходить на арену, чтобы увертываться от быков; опасность влечет его туда, он не может удержаться, чтобы не броситься к голове животного, и все же ему страшно. Я советую души и гипнотическое внушение. С... не хочет лечиться. Тогда, отведя отца в сторону, я советую ему попробовать внушение в обычном сне, что и было сделано в течение шести ночей. Г-н С..., подходя к постели спящего сына, говорил ему, чтобы он был спокойнее, боролся со своей страстью и держался последовательности в мыслях...

30 ноября полученные результаты были превосходны. Г-н С..., считая выздоровление установившимся, прекратил всякое внушение. Мы подошли к самой интересной части этой главы — той, что касается влияния сновидений на образование бредовых идей и на поступки, которые они вызывают.

> Г-жа Б..., пятидесяти одного года, уже четыре года страдает страхом причинить зло своим ближним, себе самой и своему внуку. Боится выброситься из окна. Неловкость и тоска в большой толпе; агорафобии нет. Страх сойти с ума. Сердцебиения, дрожь, беспокойный сон, неприятные гипнагогические галлюцинации (призраки), которые она сознает. Когда ей снятся разбойники или воры, на другой день она хорошенько проверяет, все ли двери заперты, баррикадируется и весь день не находит покоя.[17]
>
> Г-жа Б..., тридцати четырех лет, страдающая истерией, видит однажды ночью во сне, что убивает мужа и дочь большим ножом. Утром она убеждается, что этого не было, и говорит: «Ах! Боже мой, а если бы я их убила!» С этой минуты она не может видеть нож без жестокого страха. Тоска и обмороки, если ее заставляют взять в руки режущий инструмент: она боится причинить кому-нибудь зло, особенно мужу и дочери, которых очень любит. Ей часто снится нож: на ночь она привязывает себе запястья, боясь встать и пойти за ним.

---

[17] Ф. Шаслен. Указ. соч. Дисс., Париж, с. 40.

Несколько недель назад один из моих коллег пригласил меня применить гипнотическое внушение к больной истерией, страдавшей навязчивой идеей, возникшей после сна.

Эта дама, стоя однажды у дверей своей лавки, увидела, как упала лошадь, тащившая телегу; возница упал в то же время, не причинив себе, впрочем, никакого вреда. Г-жа Б... расхохоталась.

Прохожий, видевший происшествие, сказал ей: «Тут нечему смеяться, сударыня». Она тотчас почувствовала, как ее охватило неприятное ощущение в подложечной области. И это было все. Вечером она очень хорошо пообедала, ни о чем случившемся не думая. Она легла, уснула и снова пережила дневную сцену. Она почувствовала, что с этой минуты «не сможет больше говорить без смеха». По пробуждении самовнушение произвело свое действие. Г-жа Б... смеется людям в лицо; но так как она держит лавку, она сжимает жевательные мышцы, чтобы как можно меньше открывать рот. Положение стало невыносимым, потому что покупатели заметили, как она с ними обходится.

Ж. Франк сообщает со слов Шенка, что одного аптекаря во сне схватил кошмар; он обвинил тех, кто находился в той же комнате, в том, что они ночью едва не убили его, пытаясь задушить. Его товарищи удостоверили, что он провел ночь без сна и в состоянии буйства.

Позже этот аптекарь обвинял демона, которого он видел и описывал.

Его удалось разубедить лишь после лечения, которое избавило его от кошмара.

В этом наблюдении бредовая мысль была достаточно живой, чтобы объективироваться в галлюцинации с демоном.

Если совершаемые поступки и бредовые, то они по крайней мере не наносят тяжкого вреда жизни самого человека или его ближних. Одна больная баррикадируется, другая убеждена, что не может говорить без смеха; что же касается третьей, она сознает свою навязчивую идею и привязывает себе запястья, чтобы не поддаться искушению схватить нож. Наблюдение не говорит, что она пошла дальше и совершила убийство.

Эта больная, быть может, совершила бы его от самого страха его совершить. Я лечил больную с навязчивыми идеями, у которой были мысли о самоубийстве от самого страха покончить с собой.[18]

[18] *Semaine médicale* от 14 августа 1889, № 35, с. 297.

В двух следующих наблюдениях самовнушение не колеблющееся, а утвердительное; поэтому и поступки соответствуют силе сна.

Вдова Скул три ночи подряд слышит голос, который говорит ей: «*Убей свою дочь*». Сначала она сопротивляется и, просыпаясь, прогоняет эти мысли; но идея вскоре становится навязчивой, она держится и наяву: эти слова об убийстве беспрестанно звучат у нее в ушах, и несчастная убивает своего ребенка.[19]

[19] Макарио. Указ. соч. (*Ann. méd.-psych.*, т. VIII, с. 176).

> Г-жу Р...[20] задерживают в ту минуту, когда она собиралась броситься в Сену. Это ее третья попытка самоубийства за двенадцать дней. Она заливается слезами. После долгих уговоров она решается заговорить.
>
> Она знает, что все родные нежно ее любят. Муж и дети очень добры к ней; она может только хвалить их. Но однажды ночью ей приснилось — она не знает почему, без малейшего повода, — что муж хочет с ней расстаться; она испытала от этого такое горе, что никогда не сможет утешиться, и предпочитает умереть.
>
> Смотря по тому, возвращается ли этот сон ночью или нет, она пытается покончить с собой или остается совершенно спокойной.

[20] Фор. *Étude sur les rêves morbides* (rêves persistants) (*Arch. de médecine*, т. I, 1876, с. 554).

Это последнее наблюдение очень ясно показывает влияние сновидения на бредовые поступки наяву. Можно, однако, спросить

себя, не страдала ли эта больная бредом преследования особого, перемежающегося рода, который сновидение лишь обнаруживало. Обе гипотезы можно защищать; я склоняюсь, однако, к первой — к самовнушению. Как бы то ни было, ни та ни другая не умаляют значения сновидения с точки зрения совершенного поступка.

> W...[1] снится однажды ночью, что ему предстоит драться на дуэли, потому что накануне на балу он дал пощечину одному человеку. На другой день он идет к другу и просит его быть секундантом в восемь часов утра, в стороне Исси.
>
> Разумеется, дуэль не состоялась, но W... несколько дней пребывает в сильном недоумении; наконец он вспоминает и признается, что вместо того, чтобы пойти в тот вечер на бал, он вернулся домой и лег спать.
>
> Он прекрасно помнил, что во сне у него вышла ссора, внушившая ему глубокий ужас. В течение нескольких лет воспоминание об этой мнимой ссоре овладевало им: обстоятельства снова возвращались к нему, точные и все те же. Когда он признавал свою ошибку, он первым над ней смеялся, но в другие минуты раздражался и приходил в ярость при малейшем сомнении.

[1] Фор. Указ. соч.

Итак, неразумный поступок повторялся с перерывами, и это в течение нескольких лет. Одно сновидение господствовало над жизнью W..., и, смотря по тому, насколько живо было воспоминание, он то смеялся над своим заблуждением, то хотел убедить в нем окружающих.

Г-ну Байярже снится однажды ночью, что один из его собратьев берет на себя руководство медицинским журналом; на другой день он сообщает эту новость всем, кого встречает и кого

этот вопрос может занимать. Между тем ничего подобного не было, и лишь перед лицом фактов он признал свою ошибку. Тогда он вспомнил сон, который видел и которым *жил* несколько часов.[2]

[2] Устное сообщение доктора Режи.

Профессор Питр сообщает мне следующее наблюдение, записанное его интерном г-ном Буавером. Хотя речь идет о больном, выздоравливающем после брюшного тифа, я не счел нужным поместить его в первую часть. Больной уже встал с постели и выходил в город, так что его можно было считать выздоровевшим.

> Труа (Филиппу) снится, что однажды вечером он пошел к своему хозяину за двумя бутылками вина; тот дал их ему, и он унес их, получив вдобавок задаток в счет третьей. Вернувшись в больницу той же дорогой, какой из нее вышел, он поставил вино за изголовьем, на полочку кровати. Потом он лег, потирая руки и приговаривая: «Г-н Буавер не хочет меня выпускать, — ну что ж, вот я и сыграл с ним шутку». На другое утро он видит, как служитель и двое или трое больных при свете «кенкета» распивают его две бутылки, словно насмехаясь над ним. Минуту спустя он проснулся и, увидев проходившую сестру милосердия, стал уверять ее, что у него взяли две бутылки вина и что четверо человек выпили их у него на глазах.
>
> «Сон мой был так силен, — прибавляет Труа, — что, когда меня выпустили, я пошел к хозяину и спросил, не давал ли он мне двух бутылок вина. Когда он ответил, что нет, я очень удивился».

Наблюдение не говорит, сколько времени длилось самовнушение.

Отметим ту особенность, что сон Труа — вкусовой. Известно ведь, каков аппетит у выздоравливающих после тифа. Не будь отличительной чертой этого сна глубокая убежденность в том,

что поступок совершен, ему нашлось бы место в разделе о лихорадках, ибо происхождение его спланхническое (желудочное).

Вот наблюдение, которое сообщила мне одна из моих пациенток. Она не была больна, и днем у нее не было приступа лихорадки. Здесь сон едва не повредил ее интересам — к счастью, незначительным.

Г-жа П..., тридцати двух лет, без нервной наследственности, здоровая, рассказывает мне следующий случай:

«Г-н Х..., коммерсант, однажды фотографируется у нас. Через несколько дней он посылает одного из своих приказчиков за снимками; тот вместо денег оставляет ярлык с образца вина, на котором стоял адрес конторы г-на Х..., куда я должна была послать за платой за работу. Некоторое время спустя, когда я перелистывала с зятем книгу счетов, мы увидели ярлык г-на Х..., который я наклеила на его текущий счет. „Надо будет послать получить по этому счету“, — сказал зять. — „Незачем, — ответила я, — г-н Х... заплатил“. И так как зять сомневался, не помня, чтобы записывал эту сумму в кассовую книгу, я сообщила ему очень точные подробности о приказчике, который приходил оплатить счет, о его возрасте, об одежде и т. д. и т. д.; входя, он даже сказал: „Я пришел погасить счет г-на Х...“. Через несколько дней зять, не найдя следов этой суммы, подумал, что в кассе ошибка; он долго, но тщетно искал ее *целую неделю*, потому что я все время уверяла его, что сумма уплачена. Он захотел выяснить дело до конца и послал к г-ну Х... спросить, посылал ли тот оплатить свой счет. Г-н Х... ответил, что нет. Я задумалась, но по-прежнему видела приказчика; однако, когда меня спросили, какими деньгами я получила плату, я не смогла сказать точно и только тогда вспомнила, что видела сон. Проснувшись, я его забыла. Увидев

книгу текущих счетов, я заявила, что г-н Х... оплатил свой счет. Я и сегодня бы еще сомневалась, если бы не факты, доказывающие мне мою ошибку».

Вот, значит, сон у человека, не страдающего истерией и здорового, воспоминание о котором держится целую неделю и которое нанесло бы ущерб ее интересам, если бы зять не позаботился узнать, куда делись деньги. Отметим воскрешение сна при виде книги счетов.

Моя сестра однажды ночью сердится на меня во сне. Она упрекает меня в том, что я покупаю не торгуясь. Сон производит на нее впечатление, проснувшись, она прекрасно его помнит; она идет на рынок и позволяет торговкам себя обмануть, не смея спорить. Она отдает деньги, отлично зная, что ее обсчитывают; но какое-то *не знаю что* ее удерживает, тогда как обычно она всегда торгуется. Она чувствовала, что находится во власти сна и не может ему противиться.

Мы видели выше, что довольно живое впечатление, полученное наяву, вызвало у больной истерией бредовую мысль, будто она не может говорить без смеха. Но речь там идет о больной истерией, и этот сон можно отнести к снам патологического происхождения, хотя вызвала его психическая травма.

Вот почти сходное наблюдение над жандармом — а жандармы по природе мало склонны к истерии:

> В марте 1882 года жандарм С... несет службу при смертной казни; он присутствует при туалете осужденного и при казни: очень сильное волнение, нервная дрожь. Через несколько дней он беседует со своим вахмистром; он с ним не согласен, и ему приходит в голову, что начальник вполне может подать на него рапорт в военное министерство. Еще через несколько дней ему

снится, что его приговорили к смерти по приказу министра, без суда. «Во сне, — говорит он, — я видел себя связанным по рукам и ногам, и меня катили к гильотине, как бочку. Этот сон произвел на меня очень сильное впечатление. Я рассказал его одному товарищу, который посмеялся надо мной; но сон очень часто приходил мне на ум».

1-го числа он напивается, опаздывает, и ему грозит взыскание. Легкая грусть. 3-го ему как-то не по себе, и он думает о своем сне; ему кажется, что он слышит, как товарищи говорят, что его гильотинируют. Он ложится, не спит и слышит голос, который предсказывает ему гильотину. На следующую ночь — та же галлюцинация. Утром он убегает; попытка самоубийства, убийства. Его задерживают; у него слуховые галлюцинации, грозящие ему гильотиной. Потом, 7-го, он немного спит и приходит в разум, помня, что сделал. С этой минуты — выздоровление.[3]

[3] Тэн. *L'Intelligence*, 1883, т. I, с. 119.

Итак, вкратце: психическая травма, вызванная смертной казнью. Легкий спор с начальником, который в обычном состоянии прошел бы незамеченным, но которому душевное состояние жандарма придает значение, какого он иметь не должен. Эти две памяти соединяются и создают сон о его смертном приговоре. Суждение достаточно твердое, чтобы исправить впечатление, оставленное сном; потом однажды — более сильное воскрешение сна, настолько сильное, что оно вызывает слуховые галлюцинации с попытками самоубийства и убийства, и это после *опьянения*, которое укрепляет бредовую память: алкоголь, вероятно, в свою очередь произвел вторую психическую травму.

Все это время он плохо спит; его сны, по-видимому, вызваны верхним сном, который возбуждает верхние слои недавно

приобретенных памятей; как только этот сон становится глубже, он пробуждает более глубокие, давнее приобретенные памяти, которые позволяют составить более верное суждение. Он приходит в разум, следовательно, потому, что спланхническое (мозговое) «я» уже не игрушка сенсорного «я»: оно набралось новых сил в отдыхе, который дал ему сон более глубокий, чем гипнагогический.

Как бы то ни было, отметим попутно появление слуховой галлюцинации в то время, когда С... думал, что не спит, тогда как находился в гипнагогическом сне. Известно, что это состояние особенно благоприятно для подобных явлений.

> Крепко сложенный работник при лавке, ведущий размеренную жизнь, просыпается однажды утром в лихорадке, в крайнем возбуждении, в обильном поту, в тревоге, с очень сильным недомоганием; он объявляет, что все его сбережения пропали, он разорен, он погиб. Он говорит, что накануне, когда он вез ломовую тележку, у него вышла ссора с извозчиком; в драке его тележка разбила витрину торговца зеркалами. С него собирались взыскать за убытки. Он не смеет признаться в этом жене; он ужасно мучается. Он рассказывал, впрочем, о происшествии с обстоятельными подробностями и еще видел, *как противник сжимает ему горло и бьет его так сильно, что он потерял сознание и его пришлось отнести в винную лавку, чтобы привести в чувство*.
>
> Жена утверждала, что накануне он вернулся домой в обычном состоянии, сделал свои дела, провел вечер дома и лег без серьезных забот.
>
> Х... прожил три дня в таком душевном состоянии, измученный, не зная ни минуты покоя, хотя его водили на то место, где мнимо произошло происшествие. Лишь через несколько дней он по-

настоящему понял, что видел сон. Однако в течение месяца он каждый день возвращался к этой ложной мысли. Тогда он садился в полном унынии, плача и повторяя: «Мы погибли». И семь лет спустя время от времени его снова охватывают такие приступы, он забывает правду и несколько дней живет под гнетом этого мнимого бедствия.[4]

[4] Фор. Указ. соч., с. 555.

Совпадает ли этот сон с перемежающимися приступами липемании, обнаруживает ли он помешательство или вызывает его? Х..., однако, нельзя назвать сумасшедшим.

Есть в этом наблюдении сторона, которая должна привлечь внимание. Х... снится, *что противник сжимает ему горло, что его бьют так сильно, что он теряет сознание и т. д.* Чувство потери сознания бывает обычно лишь наяву. Эта потеря влечет за собой органическое изменение на все время, пока она длится, — вызвана ли она приливом крови к мозгу или малокровием мозга. Лишь после приступа человек отдает себе в ней отчет. Как же Х... мог сделать это во сне? Приходится допустить, что действительно была мозговая травма, быть может, легкий прилив крови к головному мозгу, который и вызвал самый сон — о ссоре, об удушье от сдавленного горла, о сильном ударе по голове и об обмороке.

Спланхническое (мозговое) «я», пораженное в самой своей органической функции, объективировало, обращаясь, как всегда, к образам, которые доставляет сенсорное «я». Известно, как образуются сновидения и как они систематизируются в зависимости от органа, который их вызывает. (Болезни сердца дают сны тоскливые, болезни легких — с одышкой и т. д.) Почему не допустить, что Х... во сне перенес мозговую травму — например, прилив крови, который вызвал ощущение потери

сознания, а может быть, и настоящую потерю сознания спланхническим «я», которое во время травмы уже не сознавало само себя?

Как бы то ни было, полученное впечатление было глубоким, раз оно держалось и семь лет спустя, что заставляет допустить предположение о мозговой травме у Х... и о психической травме у жандарма С... У последнего расстройство было функциональным, у Х... — органическим. Сон вытесняет сновидение о смертной казни, потому что поводом к нему служило одно лишь представление; но он не может вытеснить липеманию Х..., потому что она, вероятно, органического происхождения.

Органическому же поводу обязаны и сны о воровстве в следующем наблюдении:

> Х... задержан. Проходя по улице, он видит у бакалейщика селедки и входит их купить. Пока его обслуживают, он видит коробки сардин; он забывает о селедках, кладет три коробки в карманы и спокойно уходит. Бакалейщик бежит за ним и останавливает его, называя вором. Х... защищается и говорит, что не знает, чего от него хотят; он даже выхватывает шпагу из трости, угрожая окружающим. Он стоит смущенный и неподвижный, когда ему показывают коробки, торчащие из его кармана.
>
> Он рассказывает, что уже два или три года днем и ночью его преследуют мысли о воровстве, против которых восстает вся его жизнь; он был офицером-казначеем и вышел в отставку с самыми почетными аттестациями.
>
> Ночью ему снится, что он совершает самые невероятные кражи; днем, в ту минуту, когда он меньше всего этого ждет, его мгновенно тянет завладеть вещами, совершенно ему ненужными.
>
> Однажды он открывает ящик стола одного из сослуживцев, чтобы взять перо; он видит 130 франков и забирает их. Не смея

вернуться домой с этой суммой, происхождение которой он не мог бы объяснить жене, он в тот же вечер растрачивает ее на нелепые покупки. На другой день он вернул эту сумму, но был уволен со службы. В другой раз он идет заказать полную обстановку, хотя она ему вовсе не нужна. Но, уходя из лавки обойщика, пробудившего в нем этот соблазн, он вспоминает, что не может и не должен делать эту покупку, и называет торговцу вымышленное имя. Он видит часы, входит к часовщику и выбирает часы за 525 франков; торговец, прежде чем отдать их, просит задаток. Он снова вспоминает, что эти часы ему не нужны, и, не желая давать задатка, выдает вексель, но подписывает его вымышленным именем. У портного — другая комедия в том же роде; наконец на этого человека сыплются всевозможные жалобы в мошенничестве и плутовстве, а он плачет, бросается на землю, бьется, как ребенок, при мысли, что его считают вором. Он сам признается, что не мог бы сказать, сколько нелепых краж совершил.

У него бывают минуты буйного возбуждения; пришлось надеть на него смирительную рубашку. От него удается добиться минуты просветления. Больше часа он беседует вполне разумно, рассказывая то со смехом, то со слезами обо всех своих кражах; можно думать, что он винит себя и в таких, которых никогда не совершал.

Наследственность: отец пил, умер душевнобольным в приюте, растратив большое состояние.

Этот человек страдал алкоголизмом.[5]

---

[5] Фор. Указ. соч., с. 563.

Это наблюдение имеет много общего с наблюдением над Альбером. Тому снится, что он уходит, и на другой день он уходит. Х... снится, что он ворует, и на другой день он становится вором

помимо воли, сам того не зная; он ворует коробки сардин с величайшим спокойствием, даже не заботится спрятать украденное и стоит смущенный, когда ему показывают коробки, торчащие из его кармана.

Наблюдение не говорит, был ли Х... в момент кражи в состоянии сомнамбулизма.

Х..., как и Альбер, носит в себе наследственное вырождение. Всегда бываешь чьим-нибудь сыном, особенно в душевных болезнях. Сам страдая алкоголизмом, он видел сны особой и малоизвестной формы. Как и у Альбера, у этого больного была амнезия и бывали минуты просветления во время приступов самовнушения.

Хотя дело кончилось у него приступами буйного помешательства, я не думаю, что сны этого человека можно отнести к разряду симптоматических сновидений, возвещающих болезнь за некоторое время вперед. Их скорее следует рассматривать как сопутствующие состоянию душевного вырождения и становящиеся поводом к преступным поступкам.

Но есть и больше: вся жизнь может преобразиться от ряда сновидений или галлюцинаций во сне, относящихся к одному и тому же кругу мыслей.

Альбер уходит, Х... ворует, А... становится реформатором — не вдруг, вследствие сна, который сильно его поразил, а мало-помалу, после целого ряда душевных состояний, которые очень хорошо наблюдал Сове. Вот сокращенная история этого больного.[6]

---

[6] Сове и Моро (Турский). *Ann. méd.-psych.*, 1844, т. III, с. 305.

> А..., живописец по стеклу, родился в Париже в 1808 году от родителей, здоровых телом и духом. Воспитание — отнюдь не религиозное. С ранних лет — повышенная чувствительность,

богатое воображение. В двенадцать лет он платонически влюбляется в красивую женщину, которую встречает. Вскоре осиротев, А..., отличавшийся большой строгостью нравов, сходится с продажной женщиной; но грубость наслаждения вызывает у него отвращение, и три года он не испытывает ни малейшего желания. Он долго ищет «родственную душу»; но его отвергают, потому что его «сентиментальность» наскучивала возлюбленным.

И все же он находит свой идеал в замужней женщине, которая его понимает; он любит ее еще больше всех прежних, потому что любовь его разделена. Однажды ночью, когда он дремлет, он слышит голос, который говорит ему: «Не бери жены ближнего твоего». Несколько раз он слышит то же самое и, как ни тяжело ему это вскоре становится, А... отказывается от этой женщины.

Около 1840 года он начинает испытывать угрызения совести за жизнь, которую вел, и вскоре видит их как бы подтвержденными видениями, являющимися ему во сне.

Однажды ночью ему кажется, что он перенесен на Новый мост. Он видит там Моисея в облаках, держащего в руках скрижали закона; позади него проходят святой Иоанн, потом Христос, несущий свой крест. В другой раз он чувствует, что его поддерживает в воздухе тень, от которой он видит лишь руку, державшую лампу, и всякий раз, как тень дула на лампу, от нее отрывались искры, которые, падая, зажигали все, чего касались. В другую ночь, в ужасную непогоду, А... оказывается на площади перед собором Парижской Богоматери: он видит луну, пересекающую пространство и бросающую на своем пути замогильным голосом слова: «Смерть..., смерть..., смерть...» И повсюду вокруг него рушились дома, люди и животные умирали от ужаса; вскоре река, соединив свои два рукава, сметала, уносила все на своем пути. Один А... оставался на ногах, возглавляя эту всемирную катастрофу... Тогда, пораженный всем, что видел, А..., ища объяснений, впервые открывает

Евангелие. Сомнений больше нет! Он под покровительством неба… С этих пор он толкует Священное Писание по-своему. И видения приходят чаще и яснее прежнего; прежде всего первое явление велит ему жениться на женщине, с которой он жил и от которой у него был ребенок. Он спешит повиноваться и женится на ней. Родные разделяют его бред, они считают его избранником Бога и вдохновленным Им.

Однажды ночью он видит, как книга Евангелий, летая на огненных крыльях, приближалась к разным людям и обжигала их своим прикосновением. Все бежали, стараясь уберечься от ее ударов; но чем больше они отбивались, тем больше от книги отрывалось пылающих листков, которые порхали и тоже жгли все, чего касались. Один А… пускался в погоню за этими листками; он собирал их и не обжигался.

Наконец приходит последнее видение. Среди сна А… слышит голос, который кричит ему: «Встань, сними блузу, надень сюртук». Потом, после минуты покоя, он ясно слышит слово «Трудись», повторенное дважды.

А… вскакивает, встает, одевается и собирается выйти, чтобы повторить то, что видел; он хорошо понимает, что его, вероятно, арестуют, может быть, посадят в тюрьму, — и что тогда станется с его женой и ребенком, которых он видит мирно спящими перед собой! Он колеблется…; но голос сказал — он повинуется. Он бросает последний любящий взгляд на эти два существа, которых искренне любит, и выходит из дому. Прохаживаясь, он ждет, пока пройдет ночь, и вскоре, выбрав подходящее место, пишет на стене видение, которое только что было ему.

Через несколько мгновений его арестовывают и отводят в Бисетр.

«Помимо своих идей, — говорит Сове, — А... молодой человек образованный, умный, говорящий легко и очень приятный в

беседе; его вера и нравственность — как у самого безупречного честного человека; он ничего не преувеличивает в своих религиозных обрядах и во всем выказывает благоразумие».

Одним словом: слепая вера, непоколебимая уверенность в истинности своих видений; с другой стороны — сочетание почти всех добрых нравственных и умственных качеств вне того, что касается его видений.

Моро (Турский) предпосылает своему длинному наблюдению следующие размышления:

> «Долгое время А... придает своим снам не больше значения, чем придаем им мы сами. Но мало-помалу ум его порабощен и словно заворожен видениями, осаждающими его во сне; в конце концов он начинает верить своим снам со всей самоотдачей, со всем упорством мономана.
>
> Я осматривал, изучал этого больного с неослабным вниманием и убедился, *что у него никогда не бывало галлюцинаций наяву*. Его бредовые идеи были четко ограничены. Во всем, что не касалось его снов, разум и здравый смысл никогда ему не изменяли.
>
> Подобный бред интересен не только с точки зрения симптомов: чувствуется, что в судебно-медицинском отношении он мог бы поднять серьезные и неожиданные вопросы».

А... отличается преувеличенной чувствительностью и сентиментальностью, но это еще не болезнь. Однако почва хороша для посева: впечатления, которые получит А..., приобретут для его ума совершенно особое значение и силу. Отсюда галлюцинации во сне, все издержки которых несет его собственная мысль; галлюцинации разные — зрительные, слуховые, осязательные, — вызванные его душевным состоянием и, в свою очередь, укрепляющие его бредовые мысли. И все же он сознает свое

душевное состояние, он знает, что его арестуют и объявят сумасшедшим. Он колеблется... Он понимает, что его положение ненормально; но приходит последний сон, он неотвратимо подчиняется ему, он побежден.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ИТОГИ

✦

Сновидения чувственного происхождения

Посмотрим теперь, какие выводы можно сделать из этих различных наблюдений.

Осязание

Физиологический сон. — Все наши сны в состоянии физиологического сна вызываются чувственным впечатлением. Мори, получив удар по шее, видит во сне сцену из Революции, в которой играет главную роль, раз его гильотинируют; свежесть воздуха всегда вызывает у г-на Азама один и тот же сон, и это при каждой смене времени года, весной и осенью, так что этот бесспорный мастер во всем, что касается психической области, спрашивает себя, не бывает ли сезонных сновидений, как бывают сезонные болезни. Давление на мою руку заставляет меня видеть во сне тяжелую ношу и т. д. и т. д.

Надо заметить, что все чувственные впечатления, полученные в состоянии физиологического сна, сильно увеличиваются; малейшее движение приобретает значение, какого не имеет наяву.

Гипнотический сон. — Так ли обстоит дело в гипнотическом сне? Опыт отвечает утвердительно.

Щекотание вызывает мысль о мухах, о блохах, ощущение покалывания и т. д. Легкое давление на лоб превращается в железный обруч, стягивающий голову; под подбородком — в

железную перекладину, в ошейник, который страшно сжимает шею и вызывает удушье; на ноге — в онемение; на груди — в мучительную боль в области сердца. Повязка на глазах вызывает сон о заточении, а несколько капель на теле — сон об утоплении с удушьем и т. д.

Как и в физиологическом сне, значение впечатления значительно увеличивается. Надо отметить также, что это значение тем больше, когда возбуждены сразу два чувства. Это явление известно наяву, его воспроизводят опытным путем в гипнотическом сне; все заставляет поэтому допустить, что оно существует и в физиологическом сне и что наши сны тем сильнее, чем больше чувств было возбуждено одновременно.

Слух

Физиологический сон. — Стук по наковальне вызывает сон о том, что голову расплющивают и она растекается водой, потому что одновременно было осязательное впечатление пота. Свисток парохода служит образованию сна о морском путешествии на пакетботе и о прогулке по реке на пароходе. Скрип башмака, услышанный наяву и снова услышанный в физиологическом сне, служит исходной точкой сна-романа.

Так как впечатления живее, мысль работает быстрее и понятия о времени нет: кажется, будто прожил несколько дней или несколько месяцев за несколько секунд.

Гипнотический сон. — Известно, что в гипнотическом состоянии слух — самое развитое чувство. Малейшие шумы улавливаются; ему обычно и обязаны страстные позы. Музыка обладает большой властью над этим состоянием; наблюдения на этот счет слишком известны, чтобы не довольно было упомянуть о них мимоходом.

И здесь одновременное возбуждение другого чувства вместе со слухом вызывает более живое впечатление. Если провести пальцем по ликерной рюмке, возникает сон о Ландах и о цикадах, которые поют там летом; но стоит мне сопроводить касание рюмки легким щелчком — пение цикады превращается в гудение шмеля, раздирающее уши, а треск восковой спички пробуждает мысль об ударе грома.

Любопытный факт, который стоит отметить: в физиологическом и в гипнотическом сне один и тот же сон может видеть одновременно несколько человек. Бурдах и его спутники видят один и тот же сон, услышав все шум грозы; Бернгейм вызывает одну и ту же мысль у больных одной из своих палат, одни из которых спят физиологическим сном, другие — гипнотическим.

Зрение

Физиологический сон. — Сны, вызванные зрительным впечатлением, сравнительно редки в физиологическом сне, потому что веки опущены и спят обычно в темноте. Мы знаем, однако, что их может вызвать игра света и тени. Луч света, проходящий по закрытым глазам двух человек, вызывает у них два сна, одинаковых по существу, но различных по форме. У обоих была мысль об огне — у одного пожар, у другого молния, — и каждый расшил ее по-своему, сообразно своим наклонностям и расположению духа в ту минуту. Я принимаю полузакрытые ставни моего окна за ограду и т. д.

Гипнотический сон. — В этом состоянии сны чаще, потому что глаза иногда открыты или приоткрыты. Я говорю о снах, вызванных без помощи внушения; те относятся к другой категории.

Альбер, усыпленный и предоставленный самому себе, — я не говорю ему ни слова и не делаю ни одного движения, которое могло бы подсказать ему мою мысль, — видит сон о краже и убийстве. Для этого ему достаточно увидеть мой никелированный портсигар на камине. Я положил его туда до сеанса, не думая, что он может мне для чего-нибудь пригодиться.

Отметим попутно макропсию Альбера в гипнотическом сне. Я ставлю точку на клочке бумаги и говорю ему воспроизвести ее — он рисует большой круг. Я даю ему посмотреть на точку через лупу; он видит ее еще больше, чем она на самом деле видна в лупу, и снова рисует ее. Увеличение чувственных впечатлений, следовательно, вполне очевидно; оно, по-видимому, зависит не от самого органа, а от психического значения, которое придает ему мозг.

Альбер, видя точку простым глазом, а минуту спустя в лупу, в обоих случаях видит ее гораздо больше, чем она есть на самом деле. Глаз работает нормально, как наяву, только пропорции больше. А устанавливать пропорцию — значит судить, и суждение от глаза не зависит.

Обоняние

Физиологический и гипнотический сон. — Мори, почувствовав запах табака, видит во сне табак. Альбер, почувствовав запах нашатыря, думает, что выгребные ямы плохо закрыты; дым папиросы заставляет его думать, что я горю, и т. д.

Вкус

Накурившись накануне, я засыпаю с открытым ртом и вижу сон, в котором ем блюдо с чесноком; Альбер, покурив за несколько

мгновений до того, как его усыпили, видит во сне дурно приготовленные кушанья.

Половые органы

Известно, что эротические сны вызываются иногда в состоянии физиологического сна то теплом, то давлением, то щекотанием простыни и т. д. Их может вызвать и внутренняя причина — переполнение семенных пузырьков, лежание на спине, — или же они бывают чисто психическими. В самом деле, половая система, которая служит продолжению рода через особь, принадлежит и сенсорному «я», и спланхническому «я»: через второе она производит, через первое — выделяет. Физиологически она может действовать, лишь обращаясь к чувствам. Известно, какое влияние оказывает осязание на половой акт и какой отголосок этот акт находит в мозгу.

Тот же процесс существует и в гипнотическом сне.

Итак, образование сновидений обязано органам чувств как в физиологическом, так и в гипнотическом сне.

В обоих состояниях чувственные впечатления приобретают большее значение, чем наяву.

Одновременное возбуждение двух чувств еще больше увеличивает значение и без того увеличенных чувственных впечатлений, и это в обоих состояниях сна — физиологическом и гипнотическом.

Психические сновидения

Сновидения

Физиологический и гипнотический сон. — Сновидений чисто психического происхождения не существует. Все наши сны

вызваны начальным чувственным впечатлением, так же как и наши мысли наяву. У последних исходная точка иногда от нас ускользает; это не доказывает, что ее нет. Во сне она ускользает от нас всегда, потому что мы не можем себя анализировать: произвольного внимания нет.

Так, луч света, проходящий под глазами спящего, заставляет его видеть во сне молнию: вот вызванный начальный образ, но он в свою очередь вызывает представление грома, пушки, сражения и огня, вырывающегося из пушки. Так вот, первое впечатление было зрительным, так же как и представление; но последнее дало начало слуховому представлению — грому. Таким образом, представления могут быть поочередно конкретными зрительными, косвенными зрительными, конкретно-косвенными зрительными, конкретными слуховыми, косвенными слуховыми, конкретно-косвенными слуховыми и т. д.

С другой стороны, если во сне представление сильнее, чем наяву, то, по-видимому, чувственному впечатлению требуется больше времени, чтобы дойти до мозга и пробудить в нем представление, соответствующее начальному возбуждению. В опыте 7 августа 1888 года усыпленный Альбер говорит, что в этом году будет хороший урожай винограда, и видит виноград. Я даю ему кусок сахара, внушая, что это виноградина; он говорит, что это *кислый недозрелый виноград*. Через десять секунд он сообщает мне, что виноград, который он только что съел, *был сладок, как мед*. Главной мыслью во сне было то, что урожай обещает быть хорошим, но виноград еще не созрел (известно, что у Альбера во сне есть понятие о времени, а было 7 августа, когда виноград еще не зрел). Свидетельство вкуса было подавлено главной мыслью о зеленом винограде. Сахар, который он ест, — кислый недозрелый виноград; борьба психического свидетельства со свидетельством

вкуса длится десять секунд. За это время вкусовое возбуждение доходит до психических центров, суждение исправляется в пользу сахара, виноград уже не терпкий, а сладкий, как мед.

Однако главная мысль о винограде сохраняется, потому что данное мною внушение укрепляет начальное представление винограда. Психическое зрительное представление круглой виноградины сильнее осязательно-вкусового представления куска сахара, который я ему дал и который был *граненым и шершавым*.

Слово пробуждает воспоминания наяву (случай г-на Эспинаса); позволительно допустить, что образ слова пробуждает их и во сне. Это пробуждение происходит так быстро, что психической работы не сознаешь, ведь произвольного внимания нет.

Между словами *микробы* и *tot capita* связью послужило слово *дискуссия*. Слово *спать*, отвечавшее главной мысли — не спать, пробуждает второстепенную мысль: рассказ об эпитафии Жана Лафонтена, в которой стоит слово *спать*.

Сама мысль, то есть душевное состояние спящего, может направить сон в ту или иную сторону. Х..., чтобы не быть скомпрометированным, получает письмо, написанное чернилами и карандашом.

Психосенсорные галлюцинации

Физиологический сон. — Эти галлюцинации бывают в физиологическом сне, особенно в гипнагогическом состоянии. Галлюцинировать могут все чувства. Человеку снится, что его закалывают кинжалом; он просыпается, чувствуя, как холодный клинок входит ему в шею, и восклицает: «Ну, на этот раз конец». Всякий раз, как Альберу в физиологическом сне снится, что его кусают или бьют, на другой день он чувствует боль в задетом

месте. Чудовищную фигуру, увиденную во сне, видят еще с открытыми глазами, уже вполне проснувшись. Галлюцинация может быть двойной. Г-н Дюпюи видит архитектора и слышит, как тот говорит.

Итак, психосенсорная галлюцинация существует в физиологическом сне и продолжается еще некоторое время наяву.

Гипнотический сон. — Так ли обстоит дело в гипнотическом сне? И здесь я опять говорю о галлюцинации не внушенной, о галлюцинации первичной. Факт существует. Альберу снится однажды ночью, что он видит г-на Д..., который велит ему уходить. Он просыпается, забывает свой сон. Он идет на работу, в шести или семи километрах от своего жилища; облокачивается на парапет моста, смотрит, как течет вода, в которой отражаются газовые рожки. Он *засыпает гипнотическим сном*. Он видит, как тотчас снова появляется г-н Д... и велит ему уходить, и он уходит, чтобы проснуться на следующую ночь в загоне для овец. Альбер — истерический дневной сомнамбул. Известно, что в своем сомнамбулическом состоянии он испытал несколько галлюцинаций: он видел во сне г-на Питра и последовал за ним до Либурна; он видел во сне какого-то господина и пошел искать его в Базас. Эти галлюцинации — сомнамбулического порядка; воскрешение в гипнотическом сне той галлюцинации о г-не Д..., которая была у него в сомнамбулическом сне, устанавливает преемственность между этими двумя состояниями, так же как гипнагогические галлюцинации устанавливают ее между физиологическим сном и сомнамбулическим сном Альбера, который видит и слышит своих персонажей в постели, во сне.

Галлюцинации одной и той же природы могут, следовательно, повторяться в трех различных состояниях: в физиологическом, сомнамбулическом и гипнотическом сне.

Психоспланхническая галлюцинация

Но галлюцинации бывают не только психосенсорными, они могут быть и психоспланхническими. Спланхническое «я» галлюцинирует так же, как сенсорное; для этого ему достаточно получить живое впечатление, относящееся к органу, который вызывает галлюцинацию; к этому разряду можно отнести столь интересное наблюдение г-на Арнозана.

Раздвоение личности

Раздвоение личности в физиологическом, сомнамбулическом и гипнотическом сне, по-видимому, обязано двойственности «я» — на сенсорное и спланхническое.

Физиологический сон. — Мори объективирует свою мысль в собеседнике, который сообщает ему то, что он знал, раз сам составлял всю сцену. То же и у г-на Корриво. Спланхническое мозговое «я» хранило *память о забвении*, а сенсорное «я» помнило, и первое объективировало память второго посредством явления непроизвольного внимания. Это раздвоение может быть произведено в физиологическом сне и другим лицом. Двойная объективация двух различных чувств привязанности заставила мою сестру увидеть во мне двух людей.

Сомнамбулический сон. — Мы видели, что главная мысль Альбера — найти работу и заработать много денег. Эта мысль возвращается в его снах. Он объективирует ее в г-не Питре, который советует ему ехать в Льеж, где он найдет занятие; в господине, который посылает его в Базас; наконец, в г-не Д..., который обещает ему 3000 франков, если он найдет его жену. Эта мысль так сильна, так напряженна, что вызывает не просто сон с образом, который проходит и больше не возвращается, а

галлюцинацию, длящуюся несколько часов. Отпечаток образа так жив, что Альбер на некоторое время выносит его вовне.

Раздвоение личности достигает наибольшей силы в случаях Мишеля[7] и Фелиды, описанной Азамом.

---

[7] Р. Макниш. Указ. соч., с. 113.

Гипнотический сон. — Опытов много, мне достаточно назвать факт.

Наблюдение над раздвоением моей личности Альбером в гипнотическом состоянии и то, где меня видят в двух различных обликах в физиологическом сне, стоит сблизить.

В обоих раздвоение вызывают чувства привязанности. Но в наблюдении над Альбером орган зрения, получающий два почти одинаковых впечатления, в первом случае обманывается. Его мозг видит одновременно тюремщика и мой портрет, который он узнает, тогда как глаза его видят одно и то же лицо.

Раздвоение личности, следовательно, существует в физиологическом, сомнамбулическом и гипнотическом сне.

Самовнушение

Физиологический сон. — 1° *Сновидение вызывает поступок.* Солдату снится, что он должен сдать саблю: проснувшись, он протягивает руку к месту у кровати, где она стоит, чтобы узнать, там ли она еще. Мне снится моя диссертация, и на другой день, едва открыв ящик стола, я ищу записанный спор. Г-ну Байярже снится собрат, берущий на себя руководство журналом, и на другой день он сообщает об этом.

Вот самовнушения, не вызвавшие болезненных поступков. Но пусть сон будет сильнее и коснется иного круга мыслей — и мы вступаем в область душевных болезней.

Г-же Б... снится, что она убьет своего ребенка, и она связывает себе руки, чтобы не совершить преступления; г-же Б... снится, что она не может больше говорить без смеха, и навязчивая мысль устанавливается с самого пробуждения; г-жа Р... хочет утопиться, потому что ей приснилось, что муж хочет с ней расстаться, и, смотря по тому, есть этот сон или нет, она либо совершенно спокойно остается дома, либо пытается броситься в воду; W... снится, что на другой день ему драться на дуэли, и он выбирает секундантов; С... присутствует при смертной казни, видит ее во сне и с этой минуты думает, что его гильотинируют; Х... становится вором после повторных снов о кражах, а у А... жизнь преображается от повторения одного и того же сна. Выросший в среде отнюдь не религиозной, он становится «реформатором» после долгой борьбы, «не галлюцинируя наяву». Ему было достаточно психосенсорных галлюцинаций, какие бывают у всех в физиологическом сне, чтобы изменить свою жизнь: «Не бери жены ближнего твоего», — говорит ему голос, и он оставляет возлюбленную, с которой жил.

Замечу, что здесь было раздвоение личности, так как он сам обращал к себе заповедь, которую объективировал. «Трудись», — кричит тот же голос, и, проснувшись, А... еще колеблется, но голос раздается снова, и он идет и дает полиции себя арестовать.

Долгое время, говорит Моро (Турский), он придавал своим снам не больше значения, чем придаем им мы сами, но мало-помалу был вынужден в них поверить и — факт, который важно отметить, — заставил разделить свою веру окружающих! Какие серьезные вопросы поднимает это наблюдение!

Наконец, вдова Скул, услышав во сне голос, который говорит ей: «Убей свою дочь», некоторое время сопротивлялась, но, когда голос раздался снова, совершила убийство.

2° *Сновидение вызывает усталость от поступка:*

α. *Сразу после пробуждения.* Мне снится, что я в отчаянии цепляюсь за верхушку колокольни. Я просыпаюсь и чувствую большую усталость в приводящих мышцах; ноги мои были вытянуты в постели.

β. *Через несколько часов после пробуждения.* Мне снится, что я поднимаюсь в гору и устаю. Через восемь или девять часов я действительно поднимаюсь в гору и, дойдя до середины, чувствую усталость, испытанную во сне.

Девушке, о которой рассказывает Фере, снится, что ее преследуют на площади Одеона. На другой день она очень устала, ноги под ней подкашиваются. Мало-помалу, так как тот же сон повторялся несколько ночей подряд, у нее развилась параплегия. По мнению Фере, этот паралич происходил бы от истощения двигательных центров вследствие быстрой череды волевых разрядов, за которыми не следовало действительных движений. Выздоровление было достигнуто пассивными движениями. Но ведь именно сила сновидения и составляет самовнушение, и эта же сила вызывает так называемые волевые разряды.

3° *Поступок вызывает сновидение.* Мы видели, что положение члена вызывает сон, связанный с этим положением.

Сомнамбулический сон. — 1° *Сновидение вызывает поступок.* Это и есть сам сомнамбулизм, факт известный. Альберу снится в постели, в больнице, что он на большой дороге, и он «крутит педали». Ему снится страна, которую надо посмотреть, работа, которую надо найти в каком-нибудь городе, или деньги, которые надо заработать, — и он уходит, окутанный сном.

2° *Сновидение вызывает усталость от поступка.* У Альбера оно вызывает ощущение. Во сне в больнице ему снится, что ему

жарко, и через месяц, усыпленный гипнотически, он испытывает то же ощущение жары в моем кабинете.

Гипнотический сон. — 1° *Сновидение вызывает поступок.* Альберу, усыпленному гипнотически в моем кабинете, снится, что идет драка, и он вступает в кулачный бой с воображаемыми существами, которых видит во сне.

2° *Сновидение вызывает усталость от поступка.* Альбер, посаженный внушением в тюрьму (сцена с тюремщиком и моим портретом), сдвинул ноги вместе, *хотя я ему этого не приказывал*. Он вспомнил, что его так заковали в тюрьме, и тотчас застонал, потому что чувствовал сильную боль в подъеме стопы.

3° *Поступок вызывает сновидение.* Альберу снится кража после того, как он увидел и потрогал мой портсигар и подобрал с пола бумаги.

Во всем этом речь идет о самовнушении: мой испытуемый все берет из самого себя.

Внушение

Физиологический сон. — Бернгейм внушает одновременно людям, спящим физиологическим сном, те же мысли, что и людям, спящим гипнотическим сном, и все принимают одно и то же внушение.

Я произношу на ухо спящей сестре фразу, не имеющую смысла; весь следующий день эта фраза ее преследует.

Известно также, что так же поступают, когда хотят научить птиц петь. Именно этим способом, то есть насвистывая мотив рядом с ними, пока они спят, добиваются того, что они быстрее его заучивают. Я видел, как этим средством пользовались для щегла.

Сомнамбулический сон. — Когда Альбер спрятал деньги, я внушаю ему отдать их жене, проснувшись, и он отдает.

Гипнотический сон. — Это дело обычное — дано ли внушение словами или вынужденным положением члена.

Руки, положенные плашмя на живот, вызывают колику; положение на спине с руками, скрещенными на груди, — сон о смерти; левая рука, приложенная к сердцу, и правая, вытянутая вперед, — боевую песню. Загипнотизированный, сознавая положение, которое ему придают, приспосабливает к этой позе соответствующую мысль.

Итак, самовнушение и внушение могут быть произведены во всех трех видах сна — физиологическом, сомнамбулическом и гипнотическом.

Воскрешение памяти

Физиологический сон. — 1° *От бодрствования ко сну.* Во сне вспоминаешь то, что делал наяву. Случай г-жи Б..., которой снится лошадь, упавшая на улице, и которая затем не может больше говорить без смеха, и случай жандарма С... доказывают, что это воскрешение может быть очень сильным. Такая сила может заставить поверить в чудо. Служащий, о котором рассказывает Аберкромби, вспоминает во сне поступок, совершенный им наяву *девятью месяцами* раньше, а землевладелец из Боуленда находит в этом состоянии очень важное воспоминание своей юности. Эта гипермнезия была вызвана сосредоточением ума и подспудной работой наяву.

2° *От сна к бодрствованию.* Наяву вспоминаешь сон, который видел во сне. Иногда это воспоминание наполовину стерто, но в других случаях оно очень живо и доходит до самовнушения. Воскрешение памяти может быть вызвано чувственным

впечатлением, более или менее прямо связанным со сном; иногда же оно обязано зрительному или слуховому представлению.

Слово «мещанский», произнесенное во сне и произнесенное на другой день, пробуждает воспоминание о сне и заставляет несколько мгновений жить этим сном.

Необычный наряд, увиденный наяву, напоминает сон, в котором кто-то явился в таком же наряде.

3° *От сна ко сну.* Воскрешение памяти от сна ко сну бывает реже, по крайней мере это явление не так легко заметить, как в предыдущих случаях. Сон может быть прерван бодрствованием и продолжен в следующем сне. Так Мори очень часто продолжал сон, начатый в предыдущую ночь.

Сомнамбулический сон. — 1° *От бодрствования ко сну.* В сомнамбулическом сне дело происходит так же, как в физиологическом. Днем Альбер слышит разговор о какой-нибудь стране, которую стоит посмотреть: ночью она ему снится, и на другой день он уходит. Замечу по этому поводу, что сон этот он видит в физиолого-сомнамбулическом состоянии, так как ему снится, как всем, ночью, а уходит он лишь на другой день, окутанный своим сном. Сон *переживается* мышцами по пробуждении, утром и днем или в следующие дни, после того как был *пережит* психически ночью. Сон этого столь интересного испытуемого позволяет понять и допустить преемственность между физиологическим и сомнамбулическим сном. Если бы Альбер был обычным сомнамбулом, он уходил бы ночью, во сне, чего он никогда не делал. Он выходит, следовательно, за пределы классического типа, уходя днем — то продолжая свой сон, то забыв его на несколько часов, — и здесь место второму пункту.

2° *От сна к бодрствованию.* Воскрешение памяти происходит, как и в предыдущих случаях, через зрительное или слуховое

представление, через ассоциацию идей. Альберу снится, что какой-то господин говорит ему, что он найдет работу в Базасе. Наутро, проснувшись, он ничего не помнит; он проходит шесть-семь километров до верфи, где работает, и лишь когда принимается за работу, вспоминает сон и уходит. Надо отметить здесь, что хозяева не заметили в его поведении ничего особенного, что могло бы привлечь их внимание; Альбер рассуждал очень здраво, говоря, что, не привыкнув работать на постройке судов, — ведь он монтер газовых приборов, — он заработает больше денег в Базасе, по своей части. Все это очень разумно; беда лишь в том, что это всего только сон.

Опять-таки наяву этот молодой человек рассказал мне все свои путешествия; в рассказе есть пробелы, которые должны соответствовать более глубокому сну, так как, приведенный в гипнотическое состояние, он заполняет их благодаря удивительной точности памяти.

3° *От сна ко сну.* Я не мог наблюдать этого испытуемого в таком состоянии. Но известно, что сомнамбулы продолжают в одном приступе работу, начатую в предыдущем.

Гипнотический сон. — 1° *От бодрствования ко сну.* Люди, усыпленные гипнотически, прекрасно помнят то, что делали наяву; память их может быть обострена, как в физиологическом сне. Известно наблюдение над той молодой крестьянкой, которая говорила по-латыни, по-гречески и по-древнееврейски в гипнотическом сне; в юности она служила у священника. Этот случай можно сблизить со случаем кассира Аберкромби и землевладельца из Боуленда.

2° *От сна к бодрствованию.* Загипнотизированный, проснувшись, уже не помнит того, что делал во сне. Есть, однако, некоторые исключения из правила. Известен опыт, который

Гейденгайн произвел над своим братом. Усыпив его, он дал ему выпить стакан пива; потом разбудил его и спросил, не хочется ли ему пить. Получив отрицательный ответ и видя, что тот ничего не помнит, он сказал: «Как жарко!» — и тотчас брат сообщил ему, что только что пил.

Этот опыт не вполне убедителен. Известно, что загипнотизированный находится при пробуждении в особом состоянии, состоянии, так сказать, бодрствующего сна, которое я вместе с профессором Питром назову *онарическим состоянием* (от ὄναρ — сновидение). Воскрешение памяти словом вполне могло произойти, тем более что «спланхническое „я“» сознавало стакан пива.

Это воскрешение может быть вызвано и чувственным впечатлением — созданием идеогенных зон.

Желая узнать, как Альбер будет вести себя наяву под влиянием двух противоположных внушений высокого порядка, я усыпляю его и говорю, что правое плечо означает *добро*, а левое — *зло*. Я бужу его, нажимаю на правое плечо: Альбер — честный человек, щепетильный до крайности, выражающийся очень пристойно. Я нажимаю на левое плечо, и тогда через несколько секунд, словно машина, которую спустили с защелки, передо мной разыгрывается игра лица, выдающая происходящую в нем перемену. В самом деле, он мало-помалу становится злым, выражения его грубеют; он замечает серебряную монету, украдкой берет ее и кладет в карман; при этом он продолжает беседовать со мной, говоря о дурных поступках, которые можно совершить, как о вещах вполне допустимых. Я нажимаю на правое плечо: та же игра лица, которое становится спокойным и мягким; Альбер вынимает монету из кармана и кладет туда, откуда взял. Я нажимаю на оба плеча сразу: он нерешителен, переходит от

доброты к злобе, смотря по тому, сильнее или слабее я нажимаю на ту или другую идеогенную зону.

Но можно возразить, что этот испытуемый, хотя и проснулся, был еще в онарическом состоянии. Вот два наблюдения, в которых правое запястье означало силу (Альбер левша), а левое — слабость; правый мизинец — сладострастие, левый — целомудрие.

В первый раз, когда я дал эти внушения, я забыл снять их, прежде чем Альбер ушел из моего кабинета.

И вот что произошло:

«Уйдя от вас, — сказал он мне, — я пошел домой бульварами, потому что мне хотелось пройтись. Я увидел дорожного рабочего, который раскладывал камни на мостовой; он был стар. Глядя на него, я почувствовал очень большую силу в правом запястье. Я хотел взять у него лопату и помочь ему, чтобы доказать свою силу; он оттолкнул меня, думая, что имеет дело с дурным шутником. Я все же продолжал предлагать ему свои услуги; он принял это плохо, и мне пришлось отступить перед его угрозами».

Можно возразить еще, что Альбер меня обманывал; что, раз никто не мог проверить его слов, наблюдение не убедительно. Два внушения — сладострастия и целомудрия, — которые я дал одновременно с внушениями силы и слабости, не оставляют никакого сомнения в правдивости этого испытуемого. В течение двадцати четырех часов Альбер прошел через чередование возбуждения и подавленности, которые я отметил и опубликовал в другом месте.[8] Отсылаю туда читателя, так как рамки этого труда не позволяют мне касаться столь деликатного предмета. Мне достаточно сказать, что пожатие правой руки другом, которого он встретил на улице через час после создания идеогенных зон, пробудило внушение правого мизинца; что

Альбер почувствовал свою *силу* (!) и совладал с ней, нажав на левый мизинец. *Откуда можно заключить, что воскрешение памяти от сна к бодрствованию в гипнотическом сне существует.*

[8] Тисье. *Création de zones idéogènes chez un captivé* (*Congrès de médecine mentale*. Париж, 1889).

3° *От сна ко сну.* Факт известный. Загипнотизированный вспоминает в состоянии экспериментального сна внушение, данное ему в сходном состоянии.

Я внушаю Альберу, приведенному в гипнотическое состояние, не уезжать из Бордо. Проснувшись, он ничего не помнит. Через несколько дней, усыпив его, я спрашиваю, не хотелось ли ему уйти, и он отвечает: «Вы мне велели остаться».

Больше того: Альбер вспоминает в гипнотическом состоянии все, что делал в состоянии сомнамбулизма. Так мне удалось восстановить всю его жизнь в путешествиях. И делает он это с удивительной точностью и живостью. Что лишний раз доказывает, что оба состояния — сомнамбулический и гипнотический сон — сходны. А мы видели, что физиологический сон заходит в область сомнамбулического в тех снах, которые Альбер видит в постели, не покидая ее, не совершая никакого мышечного действия. Ясно обрисовывается преемственность между тремя состояниями. Цепь не прервана, раз звенья следуют одно за другим.

Посмотрим теперь, существует ли преемственность от сна ко сну.

От сна ко сну

1° *Из физиологического в физиологический.* Случай Мори, уже приведенный.

2° *Из физиологического в сомнамбулический.* Альбер исполняет в дневном сомнамбулическом состоянии то, что видел во сне в физиологическом сне.

3° *Из физиологического в гипнотический.* Альбер сообщает мне, что ему снилось, будто он уйдет. Этот сон, увиденный в физиологическом сне, открывается мне в гипнотическом состоянии.

4° *Из сомнамбулического в физиологический.* Альбер видит в физиологическом сне путешествия, которые совершил в сомнамбулическом состоянии.

5° *Из гипнотического в физиологический.* Альбер видит, как я являюсь ему во сне, и исполняет приказ, который я ему дал. Его жена удостоверяет этот факт и сообщает мне о нем.

6° *Из сомнамбулического в сомнамбулический.* Сомнамбул продолжает работу, начатую им прежде в сходном состоянии. Почти все уходы Альбера были на север. Он всегда уезжает с Орлеанского вокзала.

7° *Из сомнамбулического в гипнотический.* Именно в гипнотическом состоянии Альбер рассказывает о путешествиях, которые совершил в сомнамбулическом состоянии, и притом с большой точностью и большой живостью.

8° *Из гипнотического в сомнамбулический.* Альбер приготовился к уходу, как делает всегда. Он положил в карман медицинское свидетельство, которое я ему дал, и свою брачную книжку. Он взял все это из шкафа, где жена спрятала эти бумаги, чтобы он не мог ими воспользоваться и уйти. Кроме того, у него было при себе франков двадцать — превосходное условие, чтобы ему захотелось покинуть Бордо. Наконец, у него болела голова; у него было отупелое лицо дурных дней, тех дней, когда он уходит в состоянии сомнамбулизма, — и все же он остается в Бордо под

влиянием внушения, которое я ему дал. Он гуляет весь день и возвращается домой лишь в половине двенадцатого вечера. Альбер, следовательно, вспомнил в состоянии сомнамбулизма внушение, данное мною в гипнотическом сне.

9° *Из гипнотического в гипнотический.* Такие воскрешения памяти — классические. Альбер повторяет мне в гипнотическом состоянии внушение, которое я дал ему несколькими днями раньше в сходном состоянии.

10° *Из физиологического в гипнотический и из гипнотического в гипнотический.* Альбер рассказывает мне в гипнотическом состоянии сон, который видел предыдущей ночью в физиологическом сне. Он присутствовал на публичном сеансе гипнотизма, потом украл шкатулку и был посажен в тюрьму и т. д. Между тем этот второй сон он видел за минуту до того, при мне, в гипнотическом сне. Он смешивает, следовательно, два сна: один, виденный предыдущей ночью в физиологическом сне, другой — в гипнотическом сне, вызванном опытным путем.

Итак, тесная связь между тремя состояниями сна — физиологическим, сомнамбулическим и гипнотическим — существует для органов чувств, в психосенсорных галлюцинациях, в раздвоении личности, в самовнушении и во внушении, наконец и прежде всего — в воскрешении памяти.

Теперь, когда тождество между видами сна установлено[9] и образование сновидений известно, какой практический вывод можно сделать из этих фактов с медицинской и судебно-медицинской точек зрения?

---

[9] А. Эспинас. *Du sommeil provoqué chez les hystériques. Essai d'explication psychologique de ses causes et de ses effets* (*Bulletin de la Société d'anthropologie de Bordeaux et du Sud-Ouest*, т. I, 1884, вып. 1).

В медицине здесь два вопроса:

1° вопрос о сновидении в приложении к диагностике;

2° вопрос о лечении лечебным внушением.

В судебной медицине — вопрос об ответственности.

Сновидения в приложении к диагностике

Функция органа создает сон, связанный с этой функцией. Эта связь причины и следствия может служить для обнаружения изменений, вызванных медленной и бессознательной болезненной работой, которая идет в пораженном органе. Диагностика, следовательно, приобретает новый элемент, ибо обнаружение может произойти задолго до того, как болезнь будет распознана классическими способами. Конечно, я не хотел бы заходить слишком далеко, ибо в этом деле источников ошибок много и толкование фактов бывает иногда ошибочным; но я все же не могу не найти некоторого сходства между болезненными снами и фактами, наблюдавшимися у больных, которые в гипнотическом сне обнаруживали болезнь, которой страдали.[10]

[10] *Rapports et discussions... sur le magnétisme animal*. Париж: Ж.-Б. Байер, 1833.

Во сне «спланхническое „я“» точнее сознает свое состояние, чем наяву. Оно выражает его во сне.

Болезни кровеносной системы обычно обнаруживаются чувством страха, тревоги, тоски, не связанной с дыханием; зрительными галлюцинациями, короткими, пугающими, трагическими снами, мыслями о близкой смерти, сценами убийства, резни, видениями пылающих предметов, ощущениями падения, полученной раны. Просыпаются внезапно, вздрогнув.

Болезни дыхательной системы вызывают удушье, стеснение в груди, одышку, головокружения, ощущение тяжести на груди,

ощущение, будто тело сдавлено между двумя стенами, сны, в которых человека преследуют, а бежать трудно, мучительно.

При болезнях пищеварительной системы сны обычно вкусовые, если нет серьезного поражения. При серьезном же поражении они устрашающие; больной видит зверей, призраков и т. д. У него ощущение тяжести во всем теле и обонятельные галлюцинации. Эти сны трагичны.

У нервной системы сны различны в зависимости от болезни. Так, мы видели общий паралич, которому предшествовали сны о величии, двигательную атаксию, которой сопутствовали сны о бессилии в движениях. При истерии сны пугающие, с ощущением падения, удушения и т. д., с видениями животных — собак, змей и т. д. — или пожара; при менингите они устрашающие и сопровождаются зрительной галлюцинацией; при душевной болезни они принимают форму помешательства самого больного и могут позволить предвидеть его прежде, чем оно обнаружится.

Сны ужасные при ипохондрии, беспорядочные при мании, печальные при липемании, мимолетные при слабоумии и т. д. Но, что важно отметить, после излечения душевной болезни сны могут еще некоторое время сохранять характер этой самой болезни: лишнее доказательство чувствительности спланхнического «я» во сне.

Сны у страдающих алкоголизмом известны, но они бывают и у детей, чьи родители или кормилица пьют, — либо через наследственную пропитанность, либо через переход алкоголя в молоко. Спертый воздух или воздух, насыщенный гнилостными организмами, тоже бывает причиной снов в форме кошмаров. Наконец, паразиты, и особенно глисты, могут вызывать особые сны — одни тоскливого характера, другие бредового.

О лечении лечебным внушением

У этого лечения есть горячие сторонники и убежденные противники. Я считаю, что и те и другие стоят вне истины, которая в этом, как и во всем, лежит посередине. Хотеть лечить все болезни гипнотическим внушением — значит совершать ошибку; говорить, что оно может бороться с новообразованиями, при двигательной атаксии, например, — значит заблуждаться. Но предвзято отвергать лечебное средство потому, что им пользуются недобросовестные люди, — значит поступать неправильно. Врач должен брать лекарство там, где его находит; все дело в том, чтобы уметь его применять. Как я говорил на последнем конгрессе по душевным болезням, дозировка гипнотизма еще не разработана. Некоторые неудачи происходят оттого, что не сумели применить внушение в нужном качестве и количестве. Сделать предстоит еще много. Мозг — слишком тонкий орган, чтобы обращаться с ним без большой осмотрительности.

Внушение — это память, навязанная в состоянии вызванного сна или физиологического сна. Сам гипнотический сон может быть вызван памятью. Когда, например, усыпив сначала Альбера растиранием глаз, я внушаю ему, что он будет засыпать всякий раз, как я нажму на большой палец его правой руки, и просыпаться всякий раз, как я нажму на остистый отросток, и он так всегда и засыпает и просыпается, — это пробуждаются памяти сна и пробуждения от осязательного впечатления на большом пальце и на спинном позвонке. Усыпить кого-нибудь пристальным взглядом или брэдизмом — значит сделать его способным засыпать впоследствии всякий раз, как он увидит блестящую точку. А кроме того, существует воспитание сна, как и пробуждения. Люди, привыкшие просыпаться рано, не могут

оставаться в постели, — приобретена ли эта привычка в лицее или в полку, а Бог знает, как тяжело она давалась иным. Верно и обратное: чем больше спишь, тем больше хочется спать. Что же удивительного, если злоупотребление гипнотическим сном вызывает приступы внезапного сна и летаргии! Меня удивляет другое — что их не бывает больше, если учесть, как мало людей умеют применять внушение!

Чтобы действовать на мозг, надо его знать; чтобы пройти среди всех подводных камней того вечно подвижного и бесконечного океана, который зовется человеческой мыслью, надо их разведать, обогнуть и изучить, руководствуясь психологией и физиологией.

Мозг — такой же орган, как и всякий другой; он переваривает мысль. Прежде чем дойти до него, внешние впечатления видоизменяются чувственной диастазой. Но как после пищеварения химус преобразуется, так и мысль дробится до бесконечности. Честь психологии — следовать за ней как можно дальше.

Чтобы хорошо изучить человека наяву, надо знать, как он ведет себя во сне. Чтобы хорошо применять внушение, надо знать, почему и как человек видит сны. Чего нельзя не знать — это влияния, которое могут оказывать сновидения и то же внушение на поступки, совершаемые во сне или наяву.

«Засыпающий человек, — говорит Мори,[11] — на мгновение уподобляется старику, ум которого слабеет... Он поистине являет собой человека, пораженного душевной болезнью».

---

[11] Мори. Указ. соч., с. 167.

Именно оттого, что некстати усыпляли людей с более или менее отягощенной наследственностью, — ибо наследственность играет

здесь немалую роль, — их доводили до помешательства.

Вот почему исследование о сновидениях может дать главу для дозировки гипнотизма.

В особом и столь интересном случае Альбера мы видели, что внушение вытесняет сон, но и сон в свою очередь вытесняет внушение. Я считаю поэтому, что излечение его возможно лишь в том случае, если удастся усыплять этого больного каждое утро при пробуждении, чтобы внушением вытеснять сон об уходе, который он мог видеть в физиологическом или сомнамбулическом сне.

Судебная медицина

Я предоставляю говорить фактам, ибо вывод, который из них следует, серьезен.

Вопрос о невменяемости встает, а у меня нет ни желания, ни возможности его решить. Будущее об этом позаботится.